

МВД России
Санкт-Петербургский университет

И.И. Акимова

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБУЧЕНИЯ
РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ
НОСИТЕЛЕЙ ТИПОЛОГИЧЕСКИ ИНЫХ ЯЗЫКОВ**

Монография

Санкт-Петербург
2023

УДК 81`22
ББК 81.2
А39

Акимова И. И.

А39 Актуальные вопросы обучения русскому языку как иностранному носителей типологически иных языков : монография / И. И. Акимова. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – 176 с. : ил., табл. ; 21 см. – 50 экз.

ISBN 978-5-91837-758-1
EDN VGNLTL

В работе показаны причины языковой интерференции, которые кроются в специфике этносубъекта обучения и присущих ему этнокультурных лингвометодических традиций, обоснованных типологией родного (китайского) языка. Автор провел сопоставление лингвистических понятий и терминов двух языков, необходимых и достаточных для овладения русским языком как иностранным. На основе сопоставления грамматической системы русского и китайского языков выявлены высоко интерферирующие зоны имени существительного. В работе предложена технология — «Грамматический навигатор», направленная на оптимизацию процесса обучения носителей языков иной типологии.

Книга адресована преподавателям-практикам, обучающим русскому языку как иностранному; студентам, магистрантам, аспирантам, адъюнктам, изучающим иностранные языки, всем специалистам, интересующимся языкознанием.

**УДК 81`22
ББК 81.2**

Рецензенты:

Пикалова Е. В., кандидат филологических наук
(Воронежский институт МВД России);

Белоконова К. А., кандидат филологических наук
(Волгоградская академия МВД России)

Предисловие

«Язык как человеческая способность, как универсальная и неизменная характеристика человека не то же самое, что отдельные изменяющиеся языки, в которых он реализуется». Поэтому «лингвистика имеет два объекта: она является наукой о языке и наукой о языках», поскольку «бесконечно разнообразные проблемы, связанные с отдельными языками, объединяются тем, что на определенной ступени обобщения всегда приводит к проблеме языка вообще».

Э. Бенвенист

«... лингвистические модели, независимо от их формальной, структурной или функциональной ориентировки, должны стремиться к тому, чтобы формальное описание дополнить структурным, структурное – функциональным, функциональное – формальным и т. д.»

А. Киклевич

«... люди, которые изучают иностранный язык или занимаются переводом, ... совершают ошибки ... по причине неправильного выбора методов преподавания и изучения языка»

Лю Мэйянь, Ху И.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	6
Раздел 1. Основные причины межъязыковой интерференции при обучении носителей языка «не средневропейского стандарта» (на примере китайского этносубъекта) в условиях российского вуза	16
Глава 1. Этно-культурные и типологические причины языковой интерференции в паре русский-китайский языки	16
§ 1. Основные причины межъязыковой интерференции	16
§ 2. Этноуникальность языковой картины мира как фактор лингвистического барьера: лексический аспект	20
§ 3. Принципы языкового кодирования как интерферирующий фактор обучения русскому языку носителей аналитических языков (к постановке проблемы)	24
§ 4. Структура языковой личности субъекта обучения: картина мира как интерферирующий фактор обучения иностранному языку	30
§ 5. Типология китайского языка и проблема выделения частей речи ...	37
§ 6. Части речи как «маршруты, диапазоны, позиции» (В. А. Курдюмов). Топик и комментарий в китайском языке	42
§ 7. Национально-культурные лингводидактические традиции и принципы обучения китайскому языку как родному	47
Глава 2. Метод «грамматического навигатора» как развитие отечественных лингвометодических традиций и принципов преподавания русского языка как иностранного на современном этапе	53
§ 8. Формирование речевых стереотипов и учет родного языка учащегося	53
§ 9. Анализ учебно-методического комплекса нового поколения «Дорога в Россию»: достоинства и недостатки версии для китайских учащихся	57
§ 10. Рациональные основы грамматики: понятийная (семантическая) категория как основа обучения в рамках функционально-коммуникативной лингводидактической (педагогической) модели языка	60
§ 11. Обоснование метода «Грамматического навигатора», реализующего опору на родной язык учащегося	70
Выводы по первому разделу	74
Раздел 2. Концептуализация в грамматике	79
Глава 3. Лингвистическая терминология и способы введения обозначаемых ею понятий в курсе русского языка как иностранного для китайских учащихся	79

§ 12. Определение лингвистического минимума начального этапа обучения	79
§ 13. Приемы семантизации терминологической лексики в аудитории носителей типологически далеких языков (на примере китайского).....	93
Глава 4. Морфологические категории имени существительного	101
§ 14. Категория одушевленности–неодушевленности	101
§ 15. Категория грамматического рода	108
§ 16. Категория субстантивного числа в русском и китайском языках и выражение значений категории детерминации	111
§ 17. Теория синтаксем как лингводидактическая основа функционального представления категории падежа в курсе русского языка как иностранного	123
§ 18. Порядок введения именных падежных синтаксем элементарного и базового уровня ТРКИ-1 и прогнозируемые трудности китайского учащегося	134
Глава 5. Грамматический навигатор как метод постановки и коррекции лексико-грамматического минимума именных синтаксем русского языка	141
§ 19. Именные синтаксемы лексико-грамматического минимума элементарного уровня русского языка как иностранного	141
§ 20. Инвентарь именных синтаксем УМК «Дорога в Россию» (часть 2) в зеркале языка китайского учащегося	149
§ 21. Номенклатура денотативных ролей, представленных в УМК «Дорога в Россию» (в частях 1 и 2) и анализ способа их введения соответствующих именных синтаксем	154
Выводы по второму разделу	156
Заключение	158
Список использованных источников	161
Перечень сокращений и обозначений	173

ВВЕДЕНИЕ

Задачи, решаемые в работе, одновременно традиционны и новы для лингводидактики, актуальны применительно не только к китайскому языку, но и другим языкам «несреднеевропейского стандарта». Новизна их решения состоит в системном сопоставительном анализе грамматических категорий и средств их выражения в русском и китайском языках и разработке обучающих материалов нового типа.

Вопросы лингводидактического описания русской грамматики для ее предъявления в аудитории носителей аналитических языков (на примере китайского языка) далеки от своего разрешения. В условиях смены контингента иностранных студентов, произошедшей за последние двадцать лет, отечественная лингводидактика должна обратиться к проблемам обучения русскому языку как иностранному носителей языков «не среднеевропейского стандарта»*, в первую очередь китайского языка, к решению вопросов его лингводидактического описания в зеркале языка учащегося. Такой подход в лингводидактике может способствовать дальнейшему распространению влияния русского языка и культуры в пространстве Азиатско-Тихоокеанского региона (далее — АТР) и Средней Азии.

**Прим. автора — Смена контингента иностранных учащихся связана с миграционными потоками. Так, в 30–70-е гг. русскому как, иностранному обучали преимущественно европейцев (и славян в т. ч.), а для народов среднеазиатский союзных республик русский язык был вторым (изучался в национальной школе), но в конце XX века миграционный вектор показывает на Дальний и Средний Восток — это контингент китайских учащихся и мигрантов из Средней Азии, чьи языки характеризуются чертами аналитизма и в большой степени все еще являются «экзотическими».*

Автор более 15 лет обучала китайских студентов и магистрантов, в т. ч. работая в ведущих центрах изучения русского языка — в Пекине, Ханчжоу и Чэнду, и не понаслышке, а, что называется, из первых уст знает о проблемах китайских лингвистов, как от самих студентов, так и от их иностранных преподавателей, в т. ч. из ряда высших учебных заведений (далее — вуз) Харбина, Сучжоу и Шанхая. Данные российских коллег¹ и наши собственные наблюдения

¹ См.: Оглезнева Е. А. Явление грамматической интерференции при русско-китайском двуязычии (на материале речи представителей Восточной ветви русского зарубежья) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Сер. 9. Вып. 2-II. С. 279–286; Оглезнева Е. А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. 352 с.; Оглезнева Е. А., Цзян И. Межязыковое взаимодействие в пространстве одного города (на материале города Хэйхэ. КНР) / Блохинская А. В., Гордеева С. В., Касимова Е. В., Оглезнева Е. А. [и др.]; под. ред. Е. А. Оглезневой // Языковая ситуация на Дальнем Востоке России и приграничной территории (на материале Приамурья и провинции Хэйлунцзян, Китай). Благовещенск: Издательство АмГУ, 2014. С. 126–151.

показывают, что в приграничных курортных и торговых зонах на северо-востоке Китая и даже в торговом «русском» районе Ябаолу в Пекине русский язык функционирует как пиджин. И русские, и китайские бизнесмены сетуют на то, что весьма сложно найти квалифицированного китайского переводчика-русиста, хотя преподаватели ведущих государственных вузов, обучавшиеся в России, благодаря регулярным стажировкам в России, владеют русским языком на достаточно высоком уровне.

В крупных китайских университетах у студентов есть возможность изучать два и даже три иностранных языка. Первое место традиционно занимает американский вариант английского языка, большой популярностью пользуется немецкий язык, чуть меньшей — французский, все больше желающих изучать итальянский и испанский языки, далее по шкале популярности располагаются японский, корейский и русский языки. Вместе с тем проведенный в «Год русского языка в КНР» (2009) опрос показал, что все респонденты «хотели бы изучать русский язык».

Интерес к русскому языку в Китайской Народной Республике традиционно выше на северо-востоке Китая, в Манчжурии. В ряду причин недостаточно высокого рейтинга русского языка по сравнению, например, с английским, стоит назвать существенный лингвистический барьер. Задача поиска путей оптимизации процесса обучения китайских учащихся русскому языку как средству общения и овладения специальностью актуальна в современных условиях в связи с новым витком экономических отношений России и КНР, который стимулирует развитие форм сотрудничества и в сфере образования.

Наш опыт работы на факультетах русского языка в ряде вузов КНР показывает, что уровень владения русским языком китайских бакалавров и магистрантов часто недостаточен для успешной межкультурной коммуникации, причем наибольшие трудности вызывают такие виды речевой деятельности, как говорение и аудирование. И дело не только в объективной трудности русского языка для китайцев как типологически иного. По свидетельству коллег-преподавателей¹, в т. ч. из других стран (Италия, Франция, Германия, Япония), аналогичные проблемы имеют китайские студенты, изучающие иностранные языки в рамках университетского курса в КНР и за рубежом: при общении они отдают предпочтение SMS и электронной переписке в т. ч. и потому, что их спонтанное говорение затруднено. Имеются и другие причины как собственно

¹ См.: Иванова, И. С. Изучение русского языка в Китае (из опыта работы в Хайнаньском университете) // Концепт. 2014. Спецвып. № 13.

методические*¹, связанные с организацией обучения в соответствии с целями и задачами коммуникации, так и в первую очередь дидактические, связанные с национально-ориентированным описанием языка и способами предъявления языковой системы в конкретно-национальной аудитории².

**Прим. автора – В своих работах Цзян Ин называет причины неудовлетворительного положения русского языка в системе китайского образования, среди которых недостаточность интерактивных материалов, содержательно устаревшие учебники, скучная подача грамматики.*

Показательно, что хорошо говорили по-русски китайцы старшего поколения, выучившие русский язык в детстве (в общении с русскими сверстниками — детьми обслуживавших КВЖД россиян), и профессора факультетов русского языка. Наш опыт работы в КНР свидетельствует о том, что высоких результатов в изучении русского языка, как в условиях китайского, так и российского вуза, как правило, добиваются те студенты, которые на протяжении шести лет изучали русский язык в китайской школе. В советские годы (70–80-е гг.) русский язык широко изучался в китайских школах, и сегодня в КНР увеличивается количество школ, где в качестве иностранного изучается русский язык.

В КНР лингвистическое образование традиционно идет по экстенсивному пути. Для сравнения, в государственном вузе студенты в течение всего первого семестра занимаются только фонетикой, к концу первого курса овладевают русским языком в объеме элементарного уровня при колоссальных объемах чтения, при этом грамматическая база крайне слабо сформирована. Тогда как в российском вузе, чтобы получить право учиться по специальности, китайский учащийся должен овладеть русским языком в объеме ТРКИ-1 в течение одного года обучения на подготовительном факультете³. Наполняемость групп в КНР с нашей точки зрения весьма большая (50 человек и больше), тогда как в России есть практика оптимального формирования групп не более 10–15 человек.

¹ См.: Цзян Ин. Межъязыковое взаимодействие в пространстве одного города (на материале города Хэйхэ, КНР) / Блохинская А. В., Гордеева С. В., Касимова Е. В., Оглезнева Е. А., Цзян Ин; под. ред. Е. А. Оглезневой // Языковая ситуация на Дальнем Востоке России и приграничной территории (на материале Приамурья и провинции Хэйлунцзян, Китай). Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2014. С. 134–143).

² См.: Оглезнева Е. А., Цзян И. Указ. соч. С. 134–143; Чабристова Е. В. Этнолингвистический аспект преподавания русского языка китайским студентам / Е. В. Чабристова. // Филологические науки. 2012. Вып. 9. URL: http://www.rusnauka.com/29_NIOXXI_2012/Philologia/9_118629.doc.htm (дата обращения: 26.02.2017).

³ См.: ТРКИ-1 — тест «Русский язык как иностранный»: первый сертификационный уровень владения (содержание материалов тестирования см.: Программа по русскому языку как иностранному. I сертификационный уровень. Общее владение / Н. П. Андриюшина [и др]. 3-е изд. Санкт-Петербург: Златоуст, 2006. 176 с.

В китайской лингводидактике отмечается падение интереса к проблемам обучения грамматики на фоне возросшего внимания к культурологическим изысканиям. Однако именно в грамматике национально-языковая концептуализация и когниция проявляются наиболее ярко*¹. Стало очевидным, что без хорошей грамматической базы невозможно сколько-нибудь серьезные познание русской культуры и ментальности. Отрадно, что наши китайские коллеги также это понимают². Изучению и классификации «отрицательного лингвистического материала»³ посвящена работа Н. Н. Рогозной⁴.

**Прим. автора – Примечательно, что само понятие «категория» трактуется через более частное понятие «грамматическая категория».*

Думается, что изменение ситуации возможно, во-первых, при условии переориентации китайской лингвометодической традиции на коммуникативную основу и, во-вторых, при учете специфики китайского этносубъекта обучения российской лингводидактикой⁵.

Важная теоретическая задача на современном этапе развития русского языка как иностранного (далее — РКИ) — разграничение сфер методики и лингводидактики. Мы согласны с тем, что лингводидактика — это теория обучения иностранным языкам. Методика — это практическое выражение лингводидактики как методологии обучения языкам⁶. Отметим, что в настоящее время не все отечественные специалисты приняли разделение методики и лингводидактики⁷ и что существуют различные мнения относительно

¹ См.: Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [и др.]. Москва: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. 245 с.

² См.: Цзэн Т. Функциональная грамматика применительно к методике преподавания русского языка как иностранного для китайских студентов // Успехи современной науки и образования. 2016. № 9. Т. 4. С. 69–71.

³ См.: Щерба Л. В. Преподавание иностранных языков в средней школе: общие вопросы методики. 2-е изд. Москва: Высшая школа, 1974. 112 с.

⁴ См.: Рогозная Н. Н. Лингвистический атлас нарушений в русской речи иностранцев. Иркутск: Иркутская областная типография № 1, 2001. 332 с.

⁵ См.: Чжен Г. Лингвокультурные отличия как основа обучения китайских студентов русскому языку // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. Вып. № 12-4 (54). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnye-otlichiya-kak-osnova-obucheniya-kitayskih-studentov-russkomu-yazyku#ixzz4NELvDEWs> (дата обращения: 27.02.2017); Чжао Ю. Лингводидактические основы этноориентированного обучения русскому языку и тестирования (на примере китайских учащихся): дис. ... канд. пед. наук / Чжао Юйцзян. Москва, 2008. 297 с.; Чабристова Е. В. Этнолингвистический аспект преподавания русского языка китайским студентам // Филологические науки. 2012. Вып. 9. URL: http://www.rusnauka.com/29_NIOXXI_2012/Philologia/9_118629.doc.htm (дата обращения: 26.02.2017); Балыхина Т. М. Какие они, китайцы? Этнометодические аспекты обучения китайцев русскому языку // Высшее образование сегодня. 2009. № 5. С. 16–22.

⁶ См.: Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. / Гальскова Н. Д., Гез Н. И. 3-е изд., стер. Москва: Академия, 2006. 336 с.; Гальскова Н. Д. Еще раз о лингводидактике // Иностранные языки в школе. 2008. № 8. С. 2–10.

⁷ См.: Тевелевич А. М. Терминологические проблемы методики обучения иностранным языкам // Вестник Омского университета. 2012. № 3 (65). С. 244–246.

содержания термина «лингводидактика»¹, а также ее целей и задач. Ряд ученых отказались от понятия «методика»² (Н. М. Шанский, Р. К. Миньяр-Белоручев и др.) в пользу термина «лингводидактика». В работах других ученых понятия «методика» и «лингводидактика» рассматриваются как синонимичные³, что не уменьшает их практической и теоретической значимости для нашего исследования.

Формирование лингводидактики в самостоятельную область междисциплинарных исследований произошло во второй половине XX века. Термин *лингводидактика* был введен в научный обиход академиком Н. М. Шанским в 1969 г. в связи с разработкой проблем описания языка в учебных целях⁴, что было продиктовано необходимостью учета объективных данных о том, каким образом происходит процесс овладения человеком неродным языком⁵.

**Прим. автора – История становления термина «лингводидактика» отражена в работе В. М. Шаклеина. Формирование лингводидактики в самостоятельную область междисциплинарных исследований произошло во второй половине XX века. Термин «лингводидактика» был введен в научный обиход академиком Н. М. Шанским в 1969 г. в связи с разработкой проблем описания языка в учебных целях, что было продиктовано необходимостью учета объективных данных о том, каким образом происходит процесс овладения человеком неродным языком. С 1975 года данный термин признан Международной ассоциацией преподавателей преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) в качестве международного.*

По мнению Н. М. Шанского, М. Б. Успенского, Н. И. Гез и др., уровень лингводидактического представления (описания) имеет методологическое значение для практики обучения неродному языку. Методика же понимается как способы введения и закрепления языкового материала с учетом индивидуальных особенностей группы, уровня владения языком и профессионального модуля⁶. Также для методики важна индивидуальность обучающегося и обучающего, она может включать некоторые чисто формальные способы, не имеющие отношения собственно к лингвистике. Так, для объяснения правил употреблений отрицательных местоимений в конструкциях «ни с кем не дружу» и «не с кем дружить»

¹ См.: Ходера Р. Методика обучения иностранным языкам или лингводидактика // Иностранные языки в школе. 1997. № 5. С. 11–12.

² См.: Бакеева Н. З. Методика рус. языка в нац. школе в ее отношении к различным отраслям лингводидактики / Под ред. Н. М. Шанского [и др.] // Русский язык в национальной школе: проблемы лингводидактики. Москва: Педагогика, 1977. 248 с.

³ См.: Богин Г. И. Современная лингводидактика: учебное пособие. Калинин: КГУ, 1980. 60 с.

⁴ См.: Шанский Н. М. Сопоставление как один из методических приемов обучения русскому языку нерусских // Русское языкознание и лингводидактика. Москва: Русский язык, 1985.

⁵ См.: Шаклеин В. М. Русская лингводидактика: история и современность: учебное пособие. Москва: Флинта, 2011. 240 с.

⁶ Хавронина С. А., Балыхина Т. М. Инновационный учебно-методический комплекс. Русский язык как иностранный: учебное пособие. Москва: РУДН, 2008. 198 с.

нет необходимости в знании языка учащегося или даже его типологических черт, и одна и та же методика может использоваться в аудитории носителей разных языков, однако чаще всего учет особенностей родного языка учащегося оказывается крайне важен. К примеру, для китайцев языковые барьеры возникают уже на уровне частей речи. Учет культурных, возрастных, индивидуальных характеристик обучаемых, целей и уровней овладения иностранным языком, условий обучения и т. п. — это конкретные задачи организации урока и учебного процесса в целом.

Лингводидактика призвана выявлять специфику изучаемого языка в зеркале родного языка учащегося, чтобы корректно вводить лингводидактические единицы¹. В связи с типологической дистанцией между языками, методика преподавания русского языка иностранцам требует особого лингводидактического описания, цель которого состоит в демонстрации функционально-семантической стороны языкового явления (знака, категории).

Существующие описания языка как родного далеко не всегда и не во всем оказываются пригодными при изучении того же языка как иностранного. С точки зрения лингводидактики о современных нам задачах представления языковой системы в лингводидактических целях неоднократно говорила замечательный лингвист, лингводидакт и педагог Г. И. Рожкова². Выдающийся методист О. Д. Митрофанова подчеркивает, что описание языка как родного в целом ряде случаев оказывается непонятным иностранцу, поскольку не ясен метаязык описания, нередко одно явление объясняется на основе другого, неизвестного неносителям языка³.

«Чисто» лингвистическое (формальное) описание не способно вооружить преподавателя-русиста пониманием специфических трудностей русского языка как иностранного для учащегося-носителя определенного языка. Такое описание недостаточно связывает языковые факты с условиями их реализации в определенных ситуациях и часто оказывается статичным, слабо учитывающим активный, т. е. функциональный аспект языка и речи, а потому и не обеспечивает необходимой коммуникативности в обучении. К примеру, для всех славянских языков и для русского языка в частности важнейшей грамматической категорией является категория

¹ См.: Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: учебник. Москва: Издательство МГУ, 2000. 502 с.; Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент фундаментальной прикладной (педагогической) модели языка. учебник. Москва: URSS, 2016. 656 с. и др.

² См. Рожкова Г. И. К лингвистическим основам преподавания русского языка иностранцам. Москва: Издательство Московского университета, 1977. 144 с.

³ См.: Методика преподавания русского языка как иностранного / О. Д. Митрофанова, В. Г. Костомаров [и др.]. Москва: Русский язык, 1990. 270 с.

актуального членения, однако методически этот аспект актуальной грамматики говорящего еще не освоен. Членопредложенческий же уровень словоформ в русском предложении высказывании гораздо менее важен, чем в китайском языке.

Все эти доводы, многократно подтвержденные практикой преподавания русского языка в иностранной аудитории, говорят о необходимости специального целенаправленного и системного описания русского языка с учетом специфических задач обучения различных категорий иностранных учащихся. Рассмотрение русского языка в зеркале китайского — это практическая необходимость для нас. Для обучения РКИ необходимо выявление специфики родного и изучаемого языков (ни одну систему нельзя описать изнутри).

Лингводидактика как междисциплинарная наука, учитывающая данные психолингвистики и когнитивистики и характерные лингвистические параметры родного и изучаемого языков (языковую типологию и языковые универсалии и фреквенталии), призвана отвечать на вопросы о том, какие языковые закономерности и как необходимо использовать при формировании способности осуществлять социальное взаимодействие с помощью неродного языка. В лингводидактических целях преподавателю-русисту важно:

- понимать, каким образом и с помощью каких языковых механизмов происходит процесс овладения человеком неродным языком;
- на основании данных психолингвистики и знаний о родном языке учащихся вырабатывать у них адекватное представление о языковой системе русского языка;
- зная принципы и способы выражения аналогичных смыслов на русском языке и на языке учащегося, уметь определять, чем вызваны их грамматические и иные (лингвострановедческие и более широко — культурологические) ошибки и каковы механизмы их предотвращения или устранения. Область лингводидактики должна включать рассмотрение дидактических проблем с опорой на глубинные языковые характеристики и механизмы — типологические и категориально-концептуальные — родного и изучаемого иностранного языка.

Лингвистические универсалии позволяют выражать содержание средствами другого языка. Для оптимизации обучения тех иностранных учащихся, чей родной язык имеет иную типологию, необходимо контрастивные лингводидактические описания. Применительно к обучению контингента китайских учащихся задача системного описания интерферирующих зон русской грамматики

в целях лингводидактики решается впервые, хотя отдельные работы, освещающие разные аспекты проблематики, безусловно, имеются¹.

Благодаря опоре на родной язык удается достичь такого описания иностранного языка, которое является одновременно и экономным (за счет учета «совпадений» в языках), и целенаправленным (за счет углубленного рассмотрения). Такие описания имеются преимущественно для носителей европейских языков. В классических учебно-методических комплексах (далее — УМК) «Старт» и «Темп», а также других учебниках представлено сжатое и доступное описание грамматического строя современного русского языка, расположенное по основным категориям, принадлежащим слову и предложению. Данные учебники имеют версии, предназначенные для говорящих по-английски, по-французски, по-португальски, по-испански, но нет версий для говорящих по-китайски.

Сопоставительный анализ языков выявил объективную необходимость более глубокого учета типологической специфики китайского языка, чем это сделано в ориентированной на китайских учащихся лицензионной версии УМК «Дорога в Россию. Следует заметить, что китайские учащиеся составляют более 70 % иностранных студентов, обучающихся в России, и эта цифра должна расти в связи с углубляющимися российско-китайскими отношениями стратегического партнерства.

Лингводидактическое описание языков этносубъектов обучения успешно осуществляется в рамках сравнительно нового направления – Фундаментальной прикладной педагогической модели русского языка. Это не просто одно из направлений, а этап в развитии лингвистики, включающий в себя достижения самых разных научных школ. Закономерно наличие в ее рамках целостной модели языка, ориентированной на его преподавание. До 2016 года это направление имело название функционально-коммуникативной лингводидактической (педагогической) модели языка (далее — ФКЛДМЯ)². ФППМЯ — это современное лингвистическое направление, которое сформировалось во многом благодаря решению прикладных задач обучения РКИ и другим иностранным языкам, органически сочетает функциональный аспект и интерес к теории языка с практическими нуждами методики

¹ См.: Баранова И.И. Стратегии обучения студентов из КНР в контексте субъектсубъектной образовательной парадигмы / И.И. Баранова, К.М. Чуваева // Вестник РУДН. 2012. № 3. С. 134-139; От методики к этнометодике. Обучение китайцев русскому языку: проблемы и пути их преодоления / И. И. Баранова, К. М. Чуваева. Москва : РУДН, 2010. 22 с.

² См.: Амиантова Э. И. Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка как одна из составляющих современной лингвистической парадигмы (становление специальности «Русский язык как иностранный») / Э.И. Амиантова [и др.] // Вестник МГУ. 2001. № 6. С. 215–233 и др.

обучения, базирующейся на Теории речевой деятельности. Она, как никакая другая, адекватна задачам создания «объективной грамматики»¹, представимой в виде системы грамматических средств для выражения понятийных категорий². Язык предназначен для общения, изучается с коммуникативной целью, и значит, его необходимо описать *от функции*, — преодолевая анализ в пользу синтеза единиц разных языковых *уровней*, выделяемых традиционным описанием *от формы*. Данная лингводидактическая задача выводит нас на фундаментальный — коммуникативно- и семантико-функциональный — уровень грамматики говорящего, на котором *путь от формы к значению и от значения к форме* — это не два противоречивых тезиса, а необходимый двойной путь установления соответствий между формой и значением»³, обеспечивающий механизм перекодировок.

Примечание — В настоящее время в отечественной лингвистике существуют, как минимум, четыре основных направления функциональной грамматики:

- функционально-коммуникативная грамматика М. В. Всеволодовой [и др.]⁴,
- функциональная грамматика Г. А. Золотовой⁵;
- функциональная грамматика А. В. Бондарко⁶;
- воронежская школа семантико-функционального синтаксиса (В. Ю. Копров⁷, А. С. Попов, З. Д. Попова⁸ и др.).

Подчеркнем, что целям лингводидактики и настоящего исследования в большей степени удовлетворяет теоретический и практический подход М. В. Всеволодовой, он и был принят в нашей работе. Наиболее близкий нам подход представлен воронежской школой семантико-функционального синтаксиса.

ФППМЯ позволила преодолеть важнейшие теоретико-методологические проблемы метаязыкового и формального «уровневого» описания языка и тем самым превратила лингводидактику

¹ См.: Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях: в 2 ч. / Сост. В. А. Звегинцев. Москва : Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1964. Ч. 1. 466 с.; 1965. Ч. 2. 329 с.

² См.: Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. Москва: Изд-во АН СССР, 1945. 322 с.; Мещанинов И. И. Понятийные категории в языке // Труды Военного института иностранных языков. 1945. № 1. С. 24–31.

³ Белов А. И. А. М. Пешковский как лингвист и методист. Москва: УЧПЕДГИЗ, 1958. С. 20.

⁴ См.: Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: учебник. Москва: Издательство МГУ, 2000. 502 с.; Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент фундаментальной прикладной (педагогической) модели языка. учебник. Москва: URSS, 2016. 656 с.

⁵ См.: Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса. Москва: Наука, 1973. 352 с.

⁶ См.: Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Ленинград: Наука, 1984. 136 с.

⁷ См.: Копров В. Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010. 328 с.

⁸ См.: Научная школа профессора З. Д. Поповой: монография / Науч. ред.: И. А. Стернин, М. А. Стернина. Воронеж: Истоки, 2018. 248 с.

в одну из фундаментальных наук. Развиваясь на стыке междисциплинарных подходов, функционально-коммуникативный синтаксис, используя формально-описательный, семантический и функционально-коммуникативный подходы в лингводидактическом описании (педагогическом моделировании) русской грамматики для иностранцев, соединяет задачи преподавания самого русского языка и задачи науки о русском языке. В частности, в рамках ФППМЯ, разрабатываемой в целях адекватного дидактического представления языка, обосновывается необходимость рассмотрения всех языковых фактов национального языка, который оказывается значительно шире, чем его препарированная кодифицированная (литературная и учебная) версия, о чем писал еще А. М. Пешковский¹.

В связи с особой фонетической системой и тоническим ударением в работе используется двойная транскрипция – латиницей, содержащая тоны, и кириллицей, по системе Палладия. Использование китайской иероглифики позволяет верифицировать примеры и сделать их однозначно ясными китайскому читателю.

¹ См.: Пешковский А. М. Избранные труды. Одесса: Учпедгиз, 1959. 252 с. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=81377> (дата обращения: 03.07.2023).

РАЗДЕЛ 1

ПРИЧИНЫ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В ОБУЧЕНИИ КИТАЙСКИХ УЧАЩИХСЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ И ПУТИ ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОГО ВУЗА

В главах 1 и 2 рассмотрены основополагающие проблемы обучения РКИ носителей языка иной типологии (на примере китайских учащихся): этноуникальность принципов языкового кодирования, в первую очередь связанная с грамматикализацией и, как следствием, этнонациональными особенностями субъекта обучения. В главе 3 рассматриваются отечественные лингвометодические традиции и принципы преподавания русского языка как иностранного, проводится анализ учебно-методического комплекса нового поколения «Дорога в Россию»: достоинства и недостатки версии для китайских учащихся с точки зрения механизмов формирования речевых стереотипов учащегося, ставится вопрос о необходимости «рациональной», а не формальной грамматики для инофонов.

Глава 1

ЭТНО-КУЛЬТУРНЫЕ И ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В ПАРЕ РУССКИЙ-КИТАЙСКИЙ ЯЗЫКИ

§ 1. Основные причины межъязыковой интерференции

1. В настоящее время в российских вузах основной контингент иностранных студентов составляют учащиеся из Китая. За прошедшие годы после восстановления дипломатических отношений между КНР и Российской Федерацией в российской лингводидактике накоплен богатый опыт работы с китайскими учащимися и намечены дальнейшие перспективы развития сотрудничества.

Вместе с тем обозначились глубокие методические проблемы в области подготовки китайских русистов: как показывает практика, результаты обучения русскому языку в условиях российского и китайского вузов часто не совпадают с ожиданиями ни российских преподавателей, ни самих китайских учащихся, в первую очередь это замечание касается спонтанной речи и продуктивных видов речевой деятельности в целом.

Целью обучения русскому языку как иностранному в России является достижение учащимися такой коммуникативной компетенции, обладая которой они могли бы успешно осуществлять межкультурную коммуникацию в рамках уровней владения русским языком, определенных Государственным стандартом, на хорошей лингвистической базе реализуя национально-обусловленные стратегии русского речевого общения. Насколько трудно приблизиться к требуемому российским образовательным стандартом РКИ уровню владения языком при обучении студентов стран Азиатско-Тихоокеанского региона, в т. ч. китайцев, преподаватели-русисты знают очень хорошо. Продуктивная речь студентов не корректна не только формально, на поверхностно-синтаксическом уровне, но и на глубинно-семантическом уровне. Плохую услугу оказывают электронные переводчики, их использование не только не помогает преодолению лингвистического барьера, но и создает иллюзию легкости труда переводчика. Использование ошибочных синтаксических и лексических построений, предлагаемых электронными словарями, создает жалкое подобие «межкультурной коммуникации», затемняет и искажает денотативное содержание и прагматические смыслы.

2. Трудности овладения иностранными языками принято связывать с факторами интерференции. Под термином «интерференция» понимают отклонение от норм неродного языка под влиянием родного языка учащегося в его речи на неродном языке в результате неполной коррекции плана содержания и плана выражения^{*1}. В методике преподавания иностранных языков интерференция рассматривается

**Прим. автора – Проблема межъязыковой интерференции, весьма актуальная для практики преподавания русского языка как неродного, получила широкое освещение в 50–70-е гг. XX века в работах советских и зарубежных русистов, занятых преподаванием русского языка в национальных школах и университетах, как в Советском Союзе, так и за рубежом.*

как отрицательный результат неосознанного переноса прежнего лингвистического опыта, тормозящий формирование речевых стереотипов на изучаемом иностранном языке.

¹ См., например: Розенцвейг В. Ю. О языковых контактах // Вопросы языкознания. 1963. № 1; Розенцвейг В. Ю. Работы по машинному переводу с иностранных языков на русский и с русского на иностранные в Советском Союзе // Доклады IV Международного съезда славистов. Москва, 1958; Розенцвейг В. Ю., Уман Л. М. Интерференция и грамматические категории / Исследования по структурной типологии. Москва, 1963; Розенцвейг В. Ю., Уман Л. М. К проблеме грамматической интерференции / Проблемы структурной лингвистики. Москва, 1962; Уман Л. М. Проблема грамматической интерференции: автореф дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1964; Юдина, Л. П. О роли родного языка при обучении русскому языку иностранцев // Из опыта преподавания русского языка иностранцам. Москва: Издательство МГУ, 1964. С. 6–20.

Весь спектр интерференции можно свести к двум факторам глобального характера, а именно: лингвокультурному и типологическому¹. Данные причины, имеющие интралингвистическую и экстралингвистическую природу, находятся в тесном взаимодействии и в силу предназначенности языка быть средством мышления могут быть разграничены лишь условно по следующим соображениям.

Во-первых, в типологической дистанции находят формальное выражение национально-специфичные «типы мышления» (когнитивный аспект). С национально-языковыми особенностями «языковых картин мира» связан перенос культурно-речевых стратегий и тактик общения, значительно затрудняющий коммуникацию. Во-вторых, типология языка определяет особенности языковой структуры и во многом определяет зоны грамматической интерференции (лингвистический аспект). В-третьих, языковая структура, в свою очередь, накладывает отпечаток на национальные лингвометодические традиции (далее – НЛМТ) обучения родному языку, которые вольно или не вольно переносятся и на иностранные языки (методический аспект). Все три аспекта интерферирующего влияния — когнитивный, лингвистический и лингвометодический — рассматриваются в данном исследовании.

3. Как языки, которые имеют разную типологию, русский и китайский существенно расходятся в принципах языкового кодирования. При этом влияние системы родного языка* китайских учащихся невозможно переоценить. С лингвистической относительностью связано явление интерференции, которое проявляется на разных языковых уровнях: от фонологии до синтаксиса.

**Прим. автора – Языковая ситуация в Китае в корне отличается от российской. Языком межнационального общения в Китае выступает письменная форма общенационального диалекта путунхуа, который был создан лингвистами на базе северных диалектов. В Китае большое количество диалектов порой сильно отличающихся друг от друга. На юго-востоке Китая порой жители двух соседних деревень говорят на разных диалектах. Наиболее хорошо изучены Шанхайский, Гуандонский и Сычуаньский диалекты. В истории Китая также существовало несколько литературных языков (вэньянь, байхуа), с их помощью осуществляется «стилевая» дифференциация речи².*

Общенациональному варианту китайского языка в его письменной и устной форме (путунхуа) обучают в общеобразовательной школе, однако в силу характерного для

¹ См.: Солнцев В. М. Введение в теорию изолирующих языков. Москва: Восточная литература, 1995. 352 с.; Солнцев В. М. Взаимодействие частей речи и членов предложения (на материале изолирующих языков) / В. М. Солнцев, Н. В. Солнцева // Члены предложения в языках различных типов: Мещаниновские чтения. Ленинград, 1972; Семенов А. Л. Лексика китайского языка. Москва: Муравей, 2000. 167 с.; Храковский В. С. Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Ленинград: Наука, 1977. 191 с.

² См.: Гальцев И. Н. Введение в изучение китайского языка. Москва: Издательство литературы на иностранных языках, 1962. 319 с.; Драгунов А. А. Исследования по грамматике современного китайского языка. Части речи. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1952. Т. 1. 232 с.

(путунхуа) обучают в общеобразовательной школе, однако в силу характерного для языковой ситуации в Китае наличия большого числа диалектов наблюдается слабая степень нормированности устной речи сельских жителей и городских низов. Литературным вариантом «путунхуа» владеют люди с университетским образованием, это всего лишь около 25 % от всей численности населения Китая. В России языковая ситуация иная: уровень образования населения сохраняется на достаточно высоком уровне.

Отмечая успехи всекитайского просвещения, заметим, что до середины XX века около 50 % населения не умело писать и читать. В настоящее время основная масса населения владеет грамотой, но даже студенты вузов испытывают необходимость обращаться к словарю, чтобы вспомнить написание отдельных иероглифов. В определенной степени это связано с распространением компьютеров: китайцы все меньше пишут иероглифы и все больше печатают, выбирая необходимый образ морфемы из автоматически генерируемого на основе транскрипции ряда.

Отрицательное интерферирующее воздействие связано с двумя основными типами причин, которые могут быть разграничены лишь условно в силу предназначенности языка быть орудием объективации мысли — собственно-лингвистическими и экстралингвистическими, лежащими в области культуры и реалий жизни. Не отрицая нивелирующего фактора глобализации, следует отметить самобытность китайского культурно-философского опыта и традиционного уклада жизни. Поскольку понимание в большой степени зависит от совпадения фоновых знаний реципиента, в т. ч. «обыденного сознания» народа, запечатлевшего его религию, мифологию, философию, общественный уклад жизни, лингвокультурные реалии получают статус интерферирующего фактора.

Экстралингвистическая составляющая интерференции получила свое осмысление в понятии «картина мира»*. Далее перейдем к характеристике языковой картины мира (далее — ЯКМ), которая понимается нами максимально широко как зафиксированная в языке и специфическая для данного языкового коллектива схема восприятия действительности¹, тип мышления. Начнем ее рассмотрение традиционно, на лексическом материала.

**Прим. автора – Ю. Н. Караулов определил ЯКМ как совокупность знаний о мире, отраженных в системе языка., как определенный способ концептуализации мира, формирующий некую «наивную философию», которая, отражаясь в языке, «навязывается» языком всем его носителям (языковая картина мира как грамматика родного языка) и формирует вторичную языковую личность.*

¹ См.: Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). Москва: Гнозис, 1994. 344 с.

§ 2. Этноуникальность языковой картины мира как фактор лингвистического барьера: лексический аспект

1. Язык не отражает, а отображает мир, национально-специфично концептуализуя его. Невозможно переоценить влияние на язык и культуру, которое оказывают условия быта народа. Даже то, что переводится с китайского языка словом *хлеб* или *пельмени*, на самом деле имеет довольно мало сходства с этими привычными русским людям вещами. Имеющие эквиваленты в двух языках слова часто расходятся по значению и употреблению. Так, например, русское слово *собрание* едва ли уместно в сочетании *Всероссийское собрание*, скорее, мы употребим «съезд», однако в китайской политической жизни проходят именно *Всекитайские собрания народных представителей*.

Во всяком случае, на современном этапе для лингводидактики стало очевидно, что при овладении системой иностранного языка не может быть речи о механической замене языковых знаков, о *смене этикеток*, так как системы национальных языков *подогнаны* к национально-детерминированным характеристикам явлений, определяющих этноуникальность языковых картин мира. Примерам функциональных расхождений словарных эквивалентов нет числа, и, думается, именно по этой причине наши ученики удивляют нас фразами, которые мы, преподаватели, храним всю жизнь. К их числу относится фраза: *Упал, получил ранение, но теперь рука уже в упаковке*, прозвучавшая в ответ на вопрос преподавателя: *Что случилось с Ваном?*. Студент хотел сказать, что: *Ван упал, сломал руку, но теперь все хорошо, потому что у него на руке гипс*.

2. В прикладных (лингводидактических) целях оптимизации обучения иностранным языкам важное значение имеет выявление и учет этносоциокультурных особенностей способов формирования и формулирования человеческой мысли, имеющих интерферирующее влияние¹. Приведем примеры расхождения русской и китайской картин мира на уровне коннотативной семантики зоонимов. Так, в русских народных сказках женщину и девушку часто называют *лебедушка*, *уточка*, *кукушка* (= *одинокая* или *брошенная женщина*); а *парень*, *жених* — это *селезень* (позитивная оценка). В китайском языке переносные употребления *курица* и *селезень* выражают крайне «неприличные» значения (см. таблицу 1).

¹ См.: Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций. Москва: Гнозис, 2002. С. 16; Колесов, В. В. «Жизнь происходит от слова...». Санкт-Петербург: Златоуст, 1999. 368 с.

В таблице 1 приведем примеры расхождений коннотативных значений в русском и китайском языках некоторых зоонимов, употребляемых переносно для характеристики лица.

Таблица 1 – Пейоративное значение имен существительных, называющих зоонимы в русском и китайском языках

Зооним	В русском языке	В китайском языке
Курица	Не умная женщина, домохозяйка, неработающая	Женщина неприлично легкого поведения
Селезень	В фольклорной традиции: парень, добрый молодец	Мужчина, занимающийся сексом за деньги
Жеребец	Молодой парень, бездельник, гиперсексуально активный молодой мужчина	—*
Свинья	Грязнуля; невежественный и невоспитанный человек	Грубый человек
Черепаша	Медлительный	Мудрый, но название Одного из видов Переводится как <i>вонючка</i> (<i>wanba</i>) и является оскорблением
Заяц	Трусливый человек; безбилетный пассажир	Сакральное животное, жених
Осёл	Глупый и упрямый человек	Упрямый человек
Собака	Оскорбительно: о слуге, о низком человеке	—*
Паразит	Не работающий член семьи; тот, кто делает что-то плохое	—*
Лиса	Хитрый, льстивый человек, обычно женского пола	Хитрый и умный человек
* Перенос значения отсутствует.		

Как известно, переносные употребления возможны и в русском, и в китайском языке, но основание переноса в каждом случае имеет различия и сходства. Например, в восточной культуре хорошо быть

хитрым, поэтому отрицательно окрашенный в русском языке зооним *лиса* имеет в китайском языке положительную коннотацию. Вообще, быть хитрым и обманывать чужаков — это доблесть с точки зрения восточного менталитета, и чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить рассказы о справедливом бедняке Ходже Насреддине.

3. Религия и мифы формируют культуuroобразующую систему оценок. Так, в китайском языке (далее — КЯ) дракон не является воплощением зла, как в европейской мифологии (ср. образы: Минотавр в Древнегреческой мифологии, Святой Георгий Победоносец, убивающий Змия). *Дракон* для китайцев — это материализация репродуктивных сил природы, причем в большей степени животворящих, чем враждебных. Китайский дракон часто держит в зубах жемчужину как символ земного света. *Змея* — это не коварное и смертельно-опасное существо, а вкусная и, как утверждают любители, лечебная еда. Числа *999* и *666* — счастливые для китайцев, т. к. символизируют вечное превращение; комбинация трех восьмерок *888** символизирует вечность и бессмертие, а отнюдь не дурную бесконечность, как в русском мифологическом сознании. На юге китайцы не живут на четвертом этаже и в четвертой квартире, т. к. по-китайски *четыре* 四 *si* похоже на 死 *смерть*. Надо отметить, что северяне относятся к такого рода суевериям более спокойно, чем южане.

**Прим. автора – Подобные комбинации цифр широко используются в КНР в рекламных целях: их можно встретить на упаковках различных товаров, особенно лекарств, и даже в названиях жилых комплексов.*

4. При коммуникации носителей русского и китайского языков весьма важны расхождения этнических коммуникативных стилей и стереотипов¹. Данный аспект межкультурной коммуникации недостаточно учтен лингводидактикой. Между тем для речевого поведения китайцев характерны несколько иные стратегии и тактики, чем для европейцев.

Как хорошо известно, китайцы неохотно говорят *нет* и избегают ответа *не знаю*, еще реже спрашивают о том, чего не понимают. Есть и другие примеры различий культурных речевых стереотипов. В частности, если человек вторгается в личное пространство другого

¹ См.: Матевосян Л. Б. Стационарное предложение: от стандартного к оригинальному. Москва: Институт языкознания РАН, 2005. 184 с.; Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникаций: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. Москва: Языки славянской культуры, 2009. 512 с.

человека (наступает на ногу, например), то он должен произнести в качестве извинения фразу 没关系 *méi guānxi*. В учебниках для русскоязычных студентов, изданных в КНР, эту фразу принято переводить как *извините*. Однако буквальный перевод иной: *не важно, нет проблем, повода для беспокойства, ничего страшного*. И случаи употребления данной фразы, реализующей речевую стратегию *успокой недовольного*, не вполне соответствуют ситуациям, в которых употребляется русское слово *извините**.

**Прим. автора – В России скорее тот, кому наступили на ногу, в ответ на извинение скажет «ничего страшного». Если же кто-то намеренно оттолкнул другого с целью занять место для сидения в транспорте, то вряд ли в подобной житейской ситуации уместна подобная речевая стратегия.*

Этнические коммуникативные стили обусловлены культурной традицией, они, конечно же, подвергаются нивелировке в условиях глобального мира, но поскольку овладение иностранным языком как средством общения предполагает присвоение инокультурных речевых стратегий и тактик поведения, их нельзя сбрасывать со счетов.

5. Сегодня общепризнанно, что процессы субъективизации восприятия, вызываемые особенностями среды обитания, культурно-национального развития этноса накладывают неизбежный отпечаток на картину мира. Однако в число интерферирующих факторов такого рода (в терминах «когнитивное пространство» и «когнитивная база») до сих пор попадали, к сожалению, одни лишь ментефакты, которыми, по нашему глубокому убеждению, далеко не исчерпываются национально-этнические особенности языковой картины мира. Этноуникален сам строй мысли. При знакомстве с восточной культурной парадигмой становится очевидно, что двузначная аристотелевская логика «оказывается составной частью нашего языка», т. е. «кодифицирует и классифицирует наше языковое поведение»¹. Перейдем к рассмотрению интерферирующего фактора, которым является закрепленный в языке *образ мыслей* — рассмотрим принципы кодирования КЯ.

¹ Налимов В. В., Дрогалина Ж. А. Реальность нереального. Вероятностная модель бессознательного. Москва: Мир Идей, 1995. С. 361.

§ 3. Принципы языкового кодирования как интерферирующий фактор обучения русскому языку носителей типологически иных языков (к постановке проблемы)

1. К изучению особенностей когниции представителей разных этносов как программы, определяющей бессознательное моделирование (человеком) окружающего мира, как «склада мышления нации»¹ лингвокультурология и социалингвистика² подошли сравнительно недавно. Наша педагогическая практика и другой опыт взаимодействия с китайцами также свидетельствуют об отсутствии у них логики в европейском понимании. Подтверждение этому интуитивному представлению мы нашли в работе И.Е. Бобрышевой³. Автор отмечает, что европейское сознание — сознание путешественников, открывателей новых земель — линейно, направлено вширь, тогда как мышление китайцев центростремительно: понятия в китайской логике определяются многопланово, путем выделения центрального понятия и подстановки к нему ряда сопоставлений, а умозаключения строятся по континуальной, комплексной модели (в отличие от европейской логики, где они выводятся на основе исходных посылок, то есть линейно). Это дает основания говорить о *концентрическом* мышлении китайцев и о *линейном* мышлении европейцев.

2. Разговор о *типе мышления* китайских учащихся чрезвычайно сложен во многом еще и потому, что «среди всех высокоразвитых культур китайская больше всего отличается от нашей в самом образе мышления»⁴. И думается, что начать этот разговор имеет смысл с обсуждения ограниченного круга вопросов, таких как:

- а) характер письменных знаков;
- б) принципы языковой структуры как «ипостаси» национально-культурного сознания;
- в) отражающие сущностные различия описываемых объектов различия метаязыков описания (лингвистической терминологии).

2.1. В соответствии с принципом дополнительности, сформулированным Н. Бором в физике, становится очевидной комплиментарность языковых техник кодирования — аналитически-

¹ Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. изд. 2-е, **испр. и доп. КДУ**, 2019. С. 77; 325.

² См.: Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. Москва: URSS. 2017. 224 с.

³ См.: Бобрышева И. Е. Учет национальных лингвометодических традиций в обучении русскому языку иностранцев (на примере Китая). Москва: Спутник+, 2001. 112 с.

⁴ Уотс А. Дао Путь воды. Киев, 1996. С. 41.

изолирующей для китайского языка и, наоборот, синтезирующей — для языков «среднеевропейского стандарта»*.

**Прим. автора – Л. В. Витгенштейн сказал о европейских языках: «Словесные описания можно уподобить топографической сетке, которую накладывают на землю и небо, чтобы определить положение гор и озер, звезд и планет. Реальные же земля и небо не расчленены такой сеткой. Законы, подобные закону причины и следствия, определяют свойства сети, а не того, что сеть описывает».*

В западной философии и науке игра состоит в том, чтобы поймать вселенную в сеть слов и чисел...»¹. В китайской философии Инь и Ян «не дуализм, а двойственность, подразумевающее некое единство. Эти два начала влюблены друг в друга»². «Дао — то, что существовало до появления разделения на порядок и беспорядок, то есть до идентификации и классификации всех аспектов мира»³.

Нелинейный способ мышления китайцев объясняется иероглифическим характером письменности. Китайцы мыслят *смыслонесущими фрагментами ситуации* — иконическими знаками (иероглифами), в самой графической форме которых заключены некоторые классификационные (имеем в виду так называемые *ключи*) и другие характеристики объектов внеязыковой действительности. Можно заключить, что для китайского этнотипа характерно конкретно-метафорическое мышление, а для европейского — абстрактно-логическое⁴. Благодаря идиоматической письменности, «китайский обладает замечательным преимуществом: с его помощью можно сказать много всего одновременно, не искажая ни одного смысла — вот почему существует как минимум семьдесят переводов Лао Цзы»⁵.

Примечание – Приведем еще несколько цитат из книги американского китаеведа Алана Уотса, иллюстрирующих различия в культурных мыслительных кодах (как таковые представляются нам), представленных в алфавитных (европейских) языках и в иероглифическом китайском языке. «Алфавитная письменность является представлением звуков, тогда как иероглифическая письменность — представлением образов. Иероглифический язык намного ближе к природе. Иероглифы... являются знаками для обозначения вещей, а не символами

¹ Там же. С. 78.

² Там же. С. 55.

³ Там же. С. 80.

⁴ См.: Бобрышева И. Е. Учет национальных лингвометодических традиций в обучении русскому языку как иностранному китайских учащихся в условиях русской языковой среды (начальный этап): дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.02. Москва, 1996. 161 с.; Бобрышева И. Е. Учет национальных лингвометодических традиций в обучении русскому языку иностранцев (на примере Китая). Москва: Спутник+, 2001. 112 с.; Бобрышева И. Е. Культурно-типологические стили учебно-познавательной деятельности иностранных учащихся в методике обучения русскому языку как иностранному: научное издание. Москва: Флинта, 2004. 256 с.

⁵ Уотс А. Указ. соч. С. 41.

для обозначения звуков, являющихся названиями вещей. Что касается названий, то они не имеют ничего общего с предметом»¹. «Символы (иконические знаки) могут передавать сложные отношения (конфигурации) — гештальты — намного быстрее, чем длинные одномерные алфавитные предложения. Графический символ говорит больше, а места требует меньше, чем слово на алфавитном языке, который к тому же требует умения читать... Естественная вселенная не является линейной системой. В каждое мгновение природа есть совокупность одновременно существующих структур, тогда как иероглифический знак — последовательность структур. Он тоже линейен, но не в такой степени, как алфавитный»².

2.2. Языковое китайское сознание более эгоцентрично, оно стремится вглубь, трансформируясь в самопознание (сравним архаичные представления китайцев-земледельцев о *Поднебесной* как о центре мироздания). При этом оно отличается от плоскостного европейского своим символизмом и многомерностью в том смысле, что образ запечатлевается в знаке, в самой его графической форме, которая служит основанием для сближений понятий. Перенос признаков как механизм метафоризации уже осуществлен в иероглифике ещё *до* говорящего. В основании метафоры лежит графический знак.

Проиллюстрируем сказанное, сославшись на данные, представленные в работе Тань Аошуан, она пишет, что в современном упрощенном письме* в начертании иероглифа *время* верхняя составляющая фонетика опускается, в результате чего остается тот же знак 寸 cùn³. Таким образом, оказывается возможным интерпретировать иероглиф как идеограмму: *время — мера света и тени*. Из популярной пословицы Yī cùn guāng yīn yī cùn jīn, cùn jīn nán mǎi cùn guāng yīn (一寸光阴一寸金, 寸金难买寸光阴), что переводится как *один цунь света и тени равняется одному цуню золота, но на цунь золота трудно купить цунь света и тени* (возможен перевод: *время деньги дает, а на деньги времени не купишь*), и видно, что «... в языковой картине мира китайцев время 光阴 guāngyīn сравнивается с золотом на том основании, что два понятия обладают общим графико-семантическим элементом cùn 寸 cùn цунь»⁴ (мера длины, равная 3,33 см).

**Прим. автора — В китайском языкознании приняты названия для диалектных, книжных и разговорных стилистических вариантов языка, а также для стилей иероглифики. Современная китайская письменность называется 光阴 guāngyīn ГУАНЬИН.*

¹ Там же. С. 45.

² Там же. С. 47.

³ См.: Тань А. Китайская картина мира: язык, культура, ментальность. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 232 с.

⁴ Там же. С. 33.

Руководствуясь принципом дополнительности, позволим себе привлекать в научный дискурс стилистически *чужеродные* (художественные) фрагменты, *взрывающие* обыденность сознания и преодолевающие ограничения, накладываемые дискретным знаковым кодом. «Континуальность сознания не редуцируется к дискретности языка», а «сознание каждого человека включает в себя семантическую вселенность во всей ее безграничности»¹.

Каким же образом для носителя европейского языка возможно преодоление западной дуальной модели мира и выход за рамки плоскостного дуалистического сознания? Дискретность языкового знака снимается за счет антиномичности речевого функционирования и символизации его значения, первым шагом на пути к которой является метафоризация.

2.3. Особенность китайского языкового сознания — мыслить иконическими знаками — иероглифами (образами-картинками) — связана с их символическим функционированием. Данную особенность китайского сознания иллюстрирует перевод топонима, который сделал китайский преподаватель русского языка: *Весна. Цветы. Луна**. *Любование*. Моя европоцентричная попытка представить название местечка в виде грамматически-осмысленной конструкции «Любование цветами весной при свете луны» китайцем была категорически отвергнута. Носитель КЯ мотивировал свое несогласие тем, что обыденное значение сильно обедняет смысл образа, запечатленного в иероглифике. Из этого можно заключить, что образ-понятие в китайском сознании емче и значимее, он как бы пропущен через более крупную «сетку фильтра» и «живет» в сознании носителя языка не просто как звуковой комплекс, а вместе со своим графическим образом, заключающим в себе все ассоциативные возможности для его дальнейшего осмысления. Эта особенность языкового сознания китайцев затрудняет понимание ими механизма метафорического переноса и связанной с этим художественной образности русской речи**.

**Прим. автора — С луной связан целый комплекс мифов, популярных в Китае. А. А. Маслов пишет, что «благодаря своей символической связи с оккультной практикой» луна в китайской поэтической традиции стала символом «мистических трансформаций и бессмертия», а также невозможности достичь его. Любование луной, особенно за чашей вина — это состояние, когда «наслаждение беседой с другом приносит больше радости, чем стремление раскрыть тайну лунного напитка, дарующего бессмертие».*

¹ Налимов В. В. Указ. соч. С. 25.

****Прим. автора** – Метафоры культуры, памяти и сознания точно круги на воде. Этот образ встречаем в «Ученической тетради» Ф. Шведовского: «Вынырнув из холодной глубины черного озера, я пытался продолжить свой нехитрый рассказ, но мучительно сводило губы и глаза заволакивались слезой, стекленея, точно перед апоплексическим ударом. Я не мог продолжать. С моих волос падали ледяные капли, и смысл, расходившийся от них стремительными кругами, не умел возвращаться... Мысль вечно такова: сама утонет, а круги оставит. Они расходятся, расходятся, а нам, простым смертным, что под Мыслью ходим, по ним-то и ходить. Как воду наливают в пруд, в пруд падают мысли, по воде бегут круги...». «Под поверхностью каждого слова шевелится бездонная тьма» (Николай Заболоцкий «На полях черновика»).

3. Китайский тип мышления можно назвать синтезирующим типом, в отличие от дуально-аналитического европейского типа мышления. Графическая форма иероглифа (начертание) представляет собой иконический знак, передает содержательную часть информации в самом своем графическом образе. Это означает, что можно понимать иероглифическую письменность, не владея фонетической стороной знака (звучанием)*. Эта *сакральная* особенность китайского языка объясняет страсть китайцев (и не только) к каллиграфии. За ясную мотивировку значения особенно любимы иероглифы древнего китайского языка Вэньянь (文言 wényán). К примеру, в иероглифе *любовь* 愛 ài есть графический компонент *сердце*, а в иероглифе *безопасность, покой* (安 ānquán) — компонент *небо*, финалия в слове (сочетании иероглифов), означающем *изобилие* (丰富 fēngfù) созвучна счастью.

***Прим. автора** – В японском языке наряду со слоговой письменностью используются кандзи — иероглифы китайского происхождения. При сохранении значения, кандзи имеют иное звучание, чем в китайском языке, но значение символа японцам понятно.

Вероятно, в такой специфике китайского культурного кода кроется причина неспособности к восприятию кода европейского, русского. Опыт преподавания русской литературы в КНР позволяет утверждать, что русскую литературу китайские учащиеся и коллеги-русисты интерпретируют с национальной спецификой. После прочтения рассказа «Рождество» В. В. Набокова студенты стыдливо улыбаются или хихикали. Оказалось, что символический образ бабочки для них связан с *гулящей женщиной* (ср. «Мадам Батерфляй»). Идеино-образное содержание рассказа, в котором есть православные мотивы, осталось для китайцев закрытым. Крайне сложно было работать по тексту «Номенклатурные ботинки» С. Довлатова, «Белая гвардия» М. А. Булгакова, русской классической поэзии.

4. Особенности иконического кода прослеживаются в принципиально иных путях достижения выразительности, способах создания художественной образности. Образ не создается говорящим при помощи индивидуальной метафоры, он живет в иероглифической письменности как коллективный образ-символ. Вероятно, с этим связано и то, что ценится не столько индивидуально-авторская метафора, сколько коллективно-языковая символизация, а ведущим принципом китайской культурной традиции является копирование канона, хранящего дух мастера-первосоздателя. Приведем примеры символического функционирования знака, основанные на смежности обозначаемых понятий, прежде всего в литературных источниках: *персик* 桃树 táoshù Таошу — связан с концептом *долголетие* 长寿 chángshòu (ЧАНШОУ), *пион* 牡丹 mǔdān (МУДАНЬ) символизирует *достоинство* — 体面 tǐmiàn (ТИМЯНЬ). Такого рода примеры можно продолжить. Семантическое сближение слов в коллективной практике употребления китайского языка происходит на основе созвучия слов для ключевых понятий китайской культуры: символическим знаком *счастья* 幸福 xìngfú (СИНФУ) выступает летучая мышь 蝙蝠 biānfú (БЯНЬФУ), а *двойное счастье* символически выражает знак (иероглиф традиционной письменности) *близнецы* и само изображение двух детей, обычно девочки и мальчика, часто с рыбой или персиком как пожеланием благополучия, аналогичную функцию выполняет изображение двух рыбок, плывущих в противоположных направлениях.

Становится понятным, каким образом иконическая (иероглифическая) письменность накладывает отпечаток на особенности национальной лингвометодической традиции, образовательных стратегий и тактик, тем самым оказывая влияние на процесс обучения европейским (алфавитным) языкам. Специфика родного языка китайского учащегося такова, что можно смело говорить о двух различных формах реализации языка: устной форме в виде звучащей речи и письменной форме в виде текстов, записанных иероглификой. Показательно, что детские книжки написаны иероглификой и одновременно имеют подстрочник на латинице (транскрипцию).

Главенствующая роль письменного языка в условиях множества диалектов обеспечивает единство полиэтнической китайской нации, поэтому умение понимать иероглифику для китайца является основным. И уже на умении **понимать и писать** иероглифику формируется умение говорить и читать в нашем, европейском смысле. В китайской лингвометодической традиции репродуктивные виды речевой деятельности (далее — ВРД) оказываются ведущими. Наоборот, для носителей языков со звуко-буквенным характером письменности первичным является умение **говорить и понимать** на слу(аудировать).

Рассмотренный типологический фактор интерференции является не единственным; есть и другие, тесно связанные со структурой языковой личности носителя китайского языка как языка аналитического типа, характеризующегося только формообразованием ввиду отсутствия в нем словоизменения, как в славянских языках.

§ 4. Структура языковой личности как интерферирующий фактор обучения иностранному языку

1. Под термином *языковая личность* понимается феномен говорящего с точки зрения совокупности его знаний и представлений. Структура уровней языковой личности, предложенная Ю. Н. Карауловым, включает в себя три уровня:

1) вербально-семантический уровень как знание формальных средств выражения лексических, словообразовательных, лексико-грамматических значений;

2) когнитивный уровень языковой картины мира;

3) прагматический уровень целей, мотивов, интересов, обеспечивающий «...переход от оценок речевой деятельности к осмыслению реальной деятельности в мире»¹. Данная модель позволяет объяснить некоторые причины результатов обучения русскому языку китайских учащихся, подчас весьма далеких от желаемых.

Овладение иностранным языком будет тем полнее, чем более глубокие уровни вторичной языковой личности формируются в процессе обучения. Следствием языковой интерференции оказывается недостаточная сформированность всех трех уровней вторичной языковой личности китайского учащегося.

2. Как известно, обучение иностранному языку предполагает развитие умения осознанного применения грамматических знаний во всех ВРД и рациональным способом молниеносного приложения грамматических знаний в продуктивных ВРД (говорение, письмо) — т. е. выход на уровень текста. Как известно, текст — языковая единица, имеющая правила образования. На уровне текста взаимодействуют Язык и Речь. Когда говорящий получает стимул к речевому действию, он должен адекватно отреагировать на него при помощи языковых средств данного языка. Коммуникативное единство текста и внеязыковых факторов (фоновых знаний, ситуации речи) получило название *дискурс*.

Расхождения между первичной и вторичной языковой личностью на вербально-семантическом уровне вызывают:

– некорректность употребления лексических единиц, обычно присваиваемых в готовом виде (мы практически не учим студентов

¹ См.: Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. изд. 4-е. Москва: Наука, 2004.

словообразованию и механизмам синтаксических трансформаций, которые оно обеспечивает);

– ошибочность грамматического оформления речи ввиду плохой сформированности речевых стереотипов и недостаточной степени сформированности смысловых и формально-языковых механизмов изучаемого языка;

– проблемы, связанные с оформлением дискурса на уровне текста и сверхфразового единства.

Выскажем отдельные замечания.

2.1. Теория языковой личности еще недостаточно осмыслена с практической точки зрения, в приложении к процессу обучения русскому языку учащихся-носителей типологически иных языков. Сегодня в китайской аудитории в КНР и в России все еще преобладает экстенсивный метод обучения, при котором учащиеся заучивают и в лучшем случае воспроизводят предлагаемые им речевые образцы и лексико-грамматические структуры по памяти, часто без достаточного их осмысления. О речепорождении в смысле спонтанной ситуативной речи в китайской аудитории можно говорить с большой натяжкой. Экстенсивный метод заучивание текстов может принести пользу, однако (высказываем личную точку зрения) тематика и содержание текстов, предлагаемых в отечественных УМК, не актуальны для китайских учащихся.

Расхождение между третьим уровнем первичной и вторичной языковой личности — уровнем целей, мотивов и интересов — проявляется, на наш взгляд, в несвоевременном «профилировании» обучающего материала. Мы все еще пытаемся «окультурить» иностранцев, в то время как китайские учащиеся приезжают реализовать узко прагматические цели — получить специальное образование на русском языке, стать переводчиком в фирме, понимать русских покупателей, приходящих в его магазин. Наше стремление давать приводит к ситуации, когда мы *перекармливаем* инофона культурной информацией, забывая о его повседневных нуждах.

Примечание – В рамках китайской лингвометодической традиции студентов-русистов «натаскивают» на имитирование письменной речи (текстов). Невероятные, на наш взгляд, мнемонические способности китайцев объясняются иероглифическим характером китайской письменности. Китайские учащиеся часто имитируют речь, воспроизводя большие фрагменты текстов по памяти. Знакомая туристка рассказала о том, как экскурсовод — молодая китайская женщина, два часа безошибочно говорившая по-русски, извинилась за то, что не может отвечать на вопросы, так как не понимает и половины (!) из того, что она говорит. Беда в том, что это не единичный случай, а повсеместная практика, известная нам по опыту.

Учет специализации учащегося должен начинаться уже на этапе базового и общего владения языком. Китайский студент, окончивший подготовительный факультет в КНР и приехавший учиться экономике, имеет право не интересоваться русской литературой и культурой, а преподаватель требует, чтобы он читал текст о великом русском писателе А. П. Чехове или о системе образования в России. В это же время преподаватель профилирующей дисциплины жалуется на плохое знание студентом русского языка, понимая под *языком* понятийный аппарат своей дисциплины: терминологическую лексику и научный синтаксис. В настоящее время стилистическая структура языка изменилась: на первое место выходит не функциональный стиль, а профессиональный язык, учебники по профилям обучения — подтверждение тому.

С другой стороны, потребность в общении и самовыражении — важнейшая человеческая потребность. Китайские учащиеся всегда, пусть не слишком правильно, зато очень охотно, рассказывают о китайской кухне, традициях чаепития, национальных праздниках, национальной живописи, каллиграфии и т. д. — словом, обо всем, что связывает их с Великой Родиной, по которой они особенно скучают, находясь за рубежом. Возможно, имеет смысл не навязывать свое, а проявлять заинтересованность в чужом и научить будущих китайских переводчиков тому, как рассказывать о культуре Китая на русском языке. Страноведческая информация о Китае будет востребована русскими коммуникантами больше, чем общеизвестная информация о русской культуре. В УМК «Восток» включены тексты по страноведению Китая (о Пекинской опере и кухне), но их страноведческая ценность очень мала, так как знания россиян о восточном соседе давно стали полнее и глубже. К сожалению, за пять лет моего пребывания в КНР китайские русисты (магистранты) не рассказали ничего более-менее внятного ни о китайских религиях, ни о сакральных изображениях в древних храмах, ни об истории династий. И дело не только в атеизме или нежелании пускать чужестранца в сакральные сферы. Вероятнее всего, русисты, окончившие университеты в Китае, не задумывались о том, что и как рассказывать о своей культуре. Думается, тексты учебника должны отразить интерес россиян к китайской культуре. Речь идет не о том, чтобы отказаться от текстов страноведческого содержания, а о том, что необходимо найти баланс и сделать студента полноправным участником межкультурного общения, помочь ему, в конце концов, находить друзей в России.

2.2. Малоизученный аспект проблемы — это сам *строй мысли*, проявляющийся на уровне дискурса в композиции как способе развертывания мысли и средствах создания связности, цельности,

логичности речевого произведения (текста). Как известно, текст характеризуется тематической, логической и семантической связностью, целостностью и композиционной членимостью (структурированностью). Для текстов китайского языка, по нашим наблюдениям, на первое место выходит тематическая связность, сочетающаяся с концентрическим принципом изложения, тогда как для европейской ментальности важна линейность структурирования текста-дискурса. Данные предположения нуждаются в тщательной проверке, однако наша практика показала, что текстовым механизмам русского языка, особенно выражению причинно-следственных связей, необходимо учить.

Проблемы связи языка и мышления с точки зрения устройства предложения-суждения и лингвистики текста (строения мысли) одним из первых стал рассматривать С. Д. Кацнельсон. Его идеи близки к взглядам Московской психолингвистической школы. С. Д. Кацнельсон считал, что система мышления существенно отличается от системы языка, хотя и дублируется языком, повторяющим ее основные структурные особенности. «В сознании, помимо совокупности общественно-значимых и индивидуально-бытовых знаний, заложен еще и механизм мышления, тесно связанный с речью, но не совпадающий с ней»¹. К единицам мышления С. Д. Кацнельсон относит:

- а) ноэмы,
- б) пропозициональные функции,
- в) внутритекстовую (логическую) связь.

Ноэмы — это формальные понятия, их функция — задавать *тему высказывания*, тем самым служа приводным ремнем к *содержательным* понятиям и *актуализации*. Пропозициональные функции — это «*единицы мыслительной синтагматики, своего рода схемы образования пропозиций, напоминающие декорации базарных фотографов*». За внутритекстовую связь отвечают особые программные центры, «определяющие контур высказывания, последовательность отдельных высказываний, место каждого высказывания в ряду других и его внутренние связи с другими»². Здесь же надлежит рассматривать выводной аппарат формальной логики.

2.3. Для разработки действенной программы коррекции необходимо иметь четкое представление об особенностях родного языка учащихся на всех уровнях речевого произведения — от предложенического до текстового, поэтому идеи С. Д. Кацнельсона требуют осмысления в связи с приоткрывающимися фактами расхождений на уровне текста в строение мысли носителей русского (европейского)

¹ См.: Кацнельсон С. Д. Категории языка и мышления: из научного наследия: сборник научных трудов. Москва: Языки русской культуры, 2001. 865 с.; Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Ленинград: Наука, 1971. 852 с.

² Там же. С. 470.

языка и китайского языка. Для иллюстрации расхождений когнитивных стратегий русскоязычных и китайскоговорящих сравним учебный текст из учебника китайского языка *Chinese Express. Tolk Chinese*¹ и варианты его перевода на русский язык². Для удобства верификации перевода по выработанной в китаистике традиции приводим транскрипцию китайского текста и русский подстрочник.

Представим перевод-подстрочник, максимально приближенный к языку оригинала по лексике и синтаксическим структурам.

Едем в Гонконг путешествовать

Весна пришла. Погода теплая. Я и Лили собрались ехать в Гонконг путешествовать. Мы оба не были в Гонконге, но слышали, что весна в Гонконге по сравнению с Пекином намного теплее, мы любим теплые места.

За неделю до того, как ехать в Гонконг, я и Лили пригласили друзей к нам домой есть английскую еду. Все вместе выпивали, болтали, проводили время очень весело.

У меня еще есть маленький секрет, я хочу в Гонконге сказать Лили, что я хочу на ней жениться. Я очень хочу знать, что скажет Лили, вы тоже хотите знать?

去香港旅游

春天到了，天气暖和了。我和丽丽计划去香港旅游。我们都没去过旅游，但是听说旅游的春天比北京热得多，我们喜欢热的地方。

去香港旅游的前一个星期，我和丽丽请朋友们来我家吃英国饭。大家一起喝酒，聊天，玩儿得很高兴。

我还有一个小秘密，我打算在香港告诉丽丽我想跟她结婚。我很想知道丽丽怎么说，你也想知道吗？

Qù xiānggǎng lǚyóu

Chūntiān dào le, tiānqì nuǎnhuo le. Wǒ hé lì lì jìhuà qù xiānggǎng lǚyóu. Wǒmen dōu méi qùguò Xiānggang, dànshì tīng shuō Xiānggang de chūntiān bǐ Běijīng rè de duō, wǒmen xǐhuan rè dì dìfāng.

Qù Xiānggǎng lǚyóu de qián yīgè xīngqī, wǒ hé lì lì qǐng péngyǒumen lái jiā chī yīngguó fàn. Dàjiā yīqǐ hē jiǔ, liáotiān, wán er de hěn gāoxīng.

Wǒ hái yǒu yīgè xiǎo mìmì, wǒ dǎsuàn zài Xiānggǎng gàosu lì lì wǒ xiǎng gēn tā jiéhūn. Wǒ hěn xiǎng zhīdào lì lì zěnmē shuō, nǐ yě xiǎng zhīdào ma?

¹ Moon T., Haitong W. *Chinese Express. Tolk Chinese*. Cinolingua, 2006. P. 177.

² ULF GFCCBD – Перевод на русский язык автора.

Носителю русского языка переводной вариант покажется несколько искусственным, хотя явных грамматических и речевых ошибок в переводе не содержится. Несмотря на существенную правку, текст не перестал быть китайским, и связано это с синтаксисом: все предложения в тексте изосемические, имеют типовое значение модели *кто что делает*, порядок слов прямой, подлежащее стоит в начале предложения. И такой синтаксис русскому человеку скучен. Естественно, речь идет о первых шагах в чужом языке, однако уже здесь проявляется синтаксическая самобытность нашей национальной речи, о которой мы мало знаем и которой не уделяем внимания при обучении. Кроме того, отметим, что переводной текст имеет несоответствие в режимах речи (о чем будем говорить в главе 12), связанное с таксисными* отношениями в пределах текста: *За неделю до отъезда* уместно только в нарративе, тогда как представленный текст содержит элементы диалога, что указывает на коммуникативный режим речи.

**Прим. автора – Термин «таксис» был предложен Р. О. Якобсоном в качестве «греческого прообраза» предложенного Л. Блумфилдом термина «порядок» (order). В отличие от времени, это «нешифтерная» категория. Термин был принят А. И. Смирницким и А. В. Бондарко.*

Следующий вопрос: почему герои текста решили поехать путешествовать весной и что такое китайская *весна*? Праздник весны (кит. упр. 春节 chūnjié, Чуньцзе) по лунному календарю выпадает где-то между 21 января и 21 февраля, это самый главный и продолжительный праздник во всей КНР. На китайский Новый год государственные служащие и служащие компаний официально отдыхают две недели. В этот период китайцы навещают родных, близких, путешествуют по своей стране, так как им выплачивают некоторые суммы *на путешествия*. С учетом сказанного, предложим наш *литературный перевод*.

Примечание – Так называемые «фоновые знания», или «культурологическая составляющая» текстовой информации, достаточно весома. Часть затекстовой информации остается не ясной ввиду отсутствия у большинства русских читателей фоновых знаний об условиях быта в КНР. Смысл фразы «Наступила весна» надо понимать как «пришел китайский Новый год». Это бывает в конце января или начале февраля, поэтому в Пекине, действительно, еще холодно, около нуля градусов, хотя уже теплее, чем в декабре и январе (- 10–15 °C). Особенно важно учесть данное обстоятельство ввиду того, что система отопления, аналогичная русской, в Китае применяется не повсеместно. Южнее Сианя помещения зимой не отапливаются вообще. Даже в больших

городах, включая Пекин, зимой традиционно китайцы ходят в своих квартирах в верхней одежде, в ней же выходят на улицу. В так называемом «шанхайском треугольнике» зимой окна открывают настежь, чтобы не было сыро. Поэтому желание погреться вполне понятно.

Мы собираемся в Гонконг

Пришел китайский Новый год, а с ним и весенние каникулы — самое время путешествовать. Мы с Лили решили поехать туда, где сейчас тепло. Нам сказали, что в Гонконге весна намного теплее, чем в Пекине, поэтому было решено поехать в Гонконг.

Вчера мы с Лили пригласили друзей к себе домой на обед. Я приготовил традиционные английские блюда. Гости пили вино, разговаривали, было очень весело.

Итак, мы едем через неделю. Знаете, я очень волнуюсь, и вот почему. В Гонконге я собираюсь сделать Лили предложение. Вот бы знать, согласится Лили выйти за меня замуж?

Как видно, переводческие трансформации затронули не только темо-рематическое членение текста, но и логику развития мысли. Некоторые речевые стратегии показались нам неорганичными на русском языке, поэтому мы поменяли местами фрагменты текста, включили недостающую фоновую информацию. Самое главное, на наш взгляд, изменение связано с дейксисом: именная темпоральная группа (далее — ИТГ) *за неделю до отъезда* заменена на *вчера*. Данная переводческая трансформация обусловлена тем, что темпоратив *за неделю до отъезда* в исходном китайском тексте соотносит два момента события — отъезд и прием гостей, что характерно для нарратива. Однако диалогическая форма речи указывает на то, что текст принадлежит к коммуникативному режиму речи, что предполагает указание на момент речи — *хронотоп** говорящего.

**Прим. автора – Термин предложен Г.А. Золотовой.*

Несоответствие речевых режимов исходного текста и перевода заставляет нас предположить, что китайские темпоративы функционируют не совсем *по-русски*. Факты расхождений в коммуникативном устройстве текстов на разных языках еще не стали объектом пристального внимания ученых. Мы ограничились лишь постановкой проблемы. Далее остановимся на собственно лингвистических причинах интерференции когнитивного уровня языковой личности и рассмотрим особенности грамматического строя китайского языка.

§ 5 Типология китайского языка и проблема выделения частей речи

1. Создающие лингвистические барьеры структурные принципы КЯ во многом обусловлены грамматическим статусом китайской категории порядка слов. Порядок слов в русском предложении определяет коммуникативная категория актуального членения. Яркую особенность синтаксиса русского языка составляет *свобода* (а точнее — функциональность) русского словопорядка, обеспеченная флективным строем русского языка (развитой падежной системой). Явления такого рода существенны для коммуникации и вместе с тем сложны для носителей других языков (в т. ч. для китайских учащихся), так как не имеют синтаксических параллелей в их родном языке.

Различие между русским языком (далее — РЯ) и КЯ состоит в том, что в славянских языках главной является не категория членов предложения, а категория предикации, так как в славянских языках формальная сторона знака указывает на направление и характер синтаксических связей слов в предложении. Поэтому для нас значим порядок СЛОВ, называющих денотативные роли, независимо от грамматического (морфологического и членопредложенческого) статуса словоформы, тогда как для КЯ как языка изолирующего строя важен порядок именно членов предложения. Китайский как язык топикового типа допускает некоторую вариативность, но в целом достаточно *жестко* увязан с членами предложения. В КЯ порядок слов грамматикализован и определяет именно формальный (поверхностно-синтаксический) уровень выражения. На основе синтаксических позиций (ЧП) определяется синтаксическая функция и частеречная принадлежность аморфного китайского слова. Например, 感冒 — это существительное в ПВ 1. 他有感冒。Tā yǒu gǎnmào. — Букв.: Он иметь простуда. Та же морфема определяется как глагол в предложении 2. 他感冒了 Tā gǎnmào le. — Он простудился. С этим же связаны и возможности перестановки слов в ПВ КЯ. С помощью грамматикализованного порядка слов выражаются частеречные и членопредложенческие значения. В этом принципиальное различие между синтетическими и аналитическими языками, которое во многом обуславливает языковой барьер. Остановимся более подробно на языковых механизмах КЯ.

2. Как известно, для синтаксиса любого языка решающую роль играет классификация лексикона по грамматическим классам частей речи (далее — ЧР). Мы разделяем точку зрения относительно бесформенности КЯ. Например, в предложении 天雨。Tiān yǔ (ТЯНЬ ЮЙ), букв.: *небо дождит* вторая морфема признается предикативным

словом, хотя изначально 雨 Юй — это существительное; ср. по-словный перевод: *небо дождь**.

**Прим. автора – Заметим, что в РЯ «дождь», как и английское «rain» — это событийное существительное, на что указывает лексическая сочетаемость с фазисными глаголами (начался, кончился, продолжается) и временным релятором (длится). Во французском языке есть только «дождит» — il pleut.*

Морфологический критерий, признаваемый лингвистами основным критерием выделения частей речи в РЯ, означает, что принадлежность слова к классу части речи можно определить по характерным и явно выраженным признакам, чаще всего по аффиксации (аналогично тому, как на основе окончаний слова гложая и куздра автоматически причисляются к разрядам (соответственно) прилагательных и существительных). А в КЯ, например, образование существительного 著作 zhùzuò (ЧЖУ ЦЗО) от глагола 著 zhù (ЧЖУ) — *писать* — можно перевести как *сочинять, сочинительство, сочинение*.

В КЯ существует проблема выделения частей речи, и КЯ принято относить к языкам аналитического типа, так называемым аморфным языкам. Минимальная значимая единица КЯ — морфема — характеризуется полифункциональностью: способна функционировать в конкретном речевом построении как полноточное слово, и в составе сложного слова, ряд морфем используется как служебный (именные предлоги) или полуслужебный (глагольные послелого) формант*.

Прим. автора – Так, на наш взгляд, только европоцентричной лингвистической позицией исследователей и лингвистической традицией можно объяснить выявление «падежных форм» в аналитическом (агглютинирующем) узбекском языке. В узбекском языке 6 «падежей»: 1) основной, с нулевым показателем (аналог именительного); родительный (определятельный) с показателем **-ning оформляет приимённое определение; дательный (направительный) с показателем **-ga**; в основном оформляет датив; винительный с показателем **-ni** оформляет прямое дополнение; местный с показателем **-da** выражает обстоятельства места или времени совершения действия; исходный с показателем **-dan** в основном выражает объект, по которому (через который (ср.: лесом, через лес), мимо которого (мимо леса, вдоль реки), при посредстве которого (ножом) совершается действие. Таким образом, послелого узбекского языка — средство выражения универсально-понятийных функционально-семантических категорий Пространства (Где? Куда? Откуда?), Времени, Определительности (признака) и субъектно-объектных ролей. Для определения функций этих грамматических показателей необходимо коммуникативное описание узбекского предложения-высказывания.*

В китаистике существуют диаметрально противоположные решения проблемы частей речи. Так, Люй Шусян провозгласил принцип

одно слово — много (частеречных – А. И.) значений¹. Против признания ЧР в КЯ в середине 50-х гг. выступал Гао Минкай², полагавший, что все вариативно, так как исходного частеречного значения у китайского слова нет. Другие ученые видят решение проблемы определения частей речи китайского языка в применении нескольких критериев, как это принято в грамматиках европейских языков.

Ведущим для КЯ является синтаксический критерий выделения ЧР. Конечно, его действие ограничено лексико-грамматическими аспектами семантики. Лексико-семантический критерий подразумевает, что синтаксическая предназначенность слова к выполнению определенных денотативных ролей и, соответственно, его принадлежность к грамматическому классу частей речи определяется на основании его смысла. Характер смысла может быть денотативным — значение слова представимо в виде предмета или лица (*дом, человек*), или только сигнификативным — значение слова нельзя представить без носителя признака (*красный, бежать*). Так, морфема 桌 *zhuō* (ЧЖО), вероятнее всего, будет конкретно-предметным существительным (ср. 桌子 *zhuōzi* (ЧЖОЦЗЫ) *стол*), как и в русском языке, лексема *солнце* (太阳 *tàiyáng* Т'АЙЯН) будет реализована в единственном лексико-семантическом варианте.

Примечание – Предполагаем, что с языковой типологией связано представление о концентричности (символичности) мышления как о самой лучшей форме организации материи. Данное представление соответствует культуuroобразующему принципу Инь-Ян. Символический смысл принципа Инь-Ян состоит в указании на способность вещей свободно перетекать из одного состояния в другое. Данный принцип реализуется в разных сферах жизни: в традиционно-китайских техниках живописи и каллиграфии, в разных видах боевых искусств, в философии, логике и, наконец, в языке. В соответствии с культурно-философским осмыслением соотношения категорий Инь-Ян, морфологическая неоформленность знака является источником его способности выступать в разном качестве в конкретном синтаксическом построении.

В РЯ словообразовательный критерий признается одним из четырех признаков выделения ЧР, однако в изолирующем китайском языке он практически не действует. Возможности словообразования КЯ освещены В. И. Гореловым и А. Л. Семенасом³. В КЯ есть полнозначные морфемы, маркирующие отнесенность слова к той или иной части речи. На конкретное значение имени (существительного) в КЯ указывают морфемы аффиксального свойства.

¹ Люй Шусян. Очерк грамматики китайского языка / Шусян Люй; пер. с кит. И. М. Ошанина. Москва: Издательство восточной литературы, 1961; 1965. Т. 12.

² См.: Гао Минкай. Теория грамматики китайского языка. Пекин, 1960.

³ См.: Горелов В. И. Грамматика китайского языка для 8–10 классов средней школы с преподаванием китайского языка. Москва: Просвещение, 1974. 275 с.; Семенас А. Л. Лексика китайского языка. Москва: Муравей, 2000. 167 с.

Так, на имя существительное однозначно указывают суффиксы 子 zǐ ЦЗЫ и 儿 er ЭР: 铲子 chǎnzi — *лопата* (ЧАНЬЦЗЫ), 箱子 xiāngzi — *багаж* (СЯНЦЗЫ), *чемоданы, сумки*, 画儿 huàr — *картина* (ХУАР), 小儿 xiǎo'er — *сыночек* (СЯОЭР). Например, в состав сложных слов входят словообразовательные морфемы 老lǎo (ЛАО), 第dì (ДИ), 小xiǎo (СЯО), 头tóu (Т'ОУ), 家jiā (ЦЗЯ), 员yuán (ЮАНЬ), 性xìng (ЩИН), 化huà (ХУА), 度dù (ДУ), 式shì (ШИ), 新xīn (СИНЬ), 者zhě (ЧЖЕ) и другие.

Приведем примеры имен существительных, образованных с помощью данных морфем: 阿姨 āyí (АИ) — няня; 老板 lǎobǎn (ЛАОБАНЬ) — начальник; 第一 dì yī (ДИИ) — первый; 小弟 xiǎodí (СЯОДИ) — маленький братец, 花 huā (ХУА) — цветок; 美丽花 měilì huā (МЭЙЛИ ХУА) — красивый цветок (красивые цветы), 茉莉花 mòlìhuā (МОЛИ ХУА) — цветы жасмина; 石头 shítou (ШИТОУ) — булыжник, камень (на конкретное значение указывает счетное слово *голова камня*); 专家 zhuānjiā (ЧЖУАНЬЦЗЯ) — специалист; 画家 huàjiā (ХУАЦЗЯ) — художник; 能手 néngshǒu (НЕНШОУ) — умелец, мастер (букв.: *уметь рука*); 新手 xīnshǒu (СИНЬШОУ) — новичок (букв. новая рука); 侵略者 qīnlüèzhě (ЦИНЬ ЛЮ ЭЧЖЭ) — захватчик, агрессор. Зная значение отдельного иероглифа, можно понять *внутреннюю форму* слова, то есть мотивировку сложного понятия, обозначаемого комплексами морфем.

Слова с абстрактным признаковым значением образуются в основном при помощи морфем 性 xìng (СИН), 度 dù (ДУ), 式 shì (ШИ). Например, морфема 性 xìng со значением *характер, свойство* образует признак 性热 xìng rè (СИН ЖЭ) — горячий, нетерпеливый; морфема 度 dù — градус, раз входит в состав слов 高度 gāodù (ГАО ДУ) — высота, высокий, высоко. Морфема 式 shì (ШИ) используется в трех значениях:

- 1) образец, форма, тип, фасон;
- 2) церемония, обряд;
- 3) формула, выражение.

Морфема 的 de (ДЭ) говорит об атрибутивной функции существительного и местоимения, образующего притяжательную форму при помощи данного форманта, или глагола. В служебной функции это внешняя морфема, однако, она, как и другие, может входить в состав слова. Находясь в постпозиции к глаголу, морфема 的 de указывает на признак по действию. Эта морфема также может выступать в роли словообразовательного суффикса

существительного. Например, 开车的 kāichēde (КАЙ ЧЭ ДЭ) — *водящий машину*, шофёр, водитель; 看门的 kānménde (КАНЬ МЭНЬ ДЭ) — *смотрящий ворота*, сторож у ворот, привратник, швейцар.

В нефлективном КЯ не действует словоизменительный критерий частей речи. Наибольшее количество служебных и полузнаменательных морфем оформляет глагольные лексемы в качестве аспектуально-временных показателей. Морфемы 了 lè (ЛЭ), 过 guò (ГО), 给 gěi (ГЭЙ) и ряд других глагольных показателей, свидетельствуют о наличии глагола или отглагольного образования. Конструкцию с 者 zhe (ЧЖЕ) (作者 zuòzhě (ЦЗО ЧЖЭ)) можно перевести как причастие несовершенного вида (делающий) и как абстрактное существительное со значением действия (*делание*, см. выше *захватчик*). Было бы неверно говорить о том, что с помощью глагольных и других служебных морфем формируется устойчивая формоизменительная парадигма. Однако это и есть показатели синтаксической формы слова, образующие синтаксемы — элементарные единицы речевых построений.

В отечественной синологии А. А. Драгунов, объединив синтаксический и морфологический критерии определения частей речи в КЯ, обосновал компромиссный подход¹, которого мы придерживаемся. Согласно его точке зрения, отнесенность слова к части речи может быть определена, с одной стороны, по способности данного слова выступать в роли того или иного члена предложения, и с другой стороны, по его лексико-грамматической сочетаемости. На основании данных критериев, все знаменательные слова КЯ он разделяет на два основных класса: имена и предикативы. К именам относятся существительные и числительные. Имена не могут самостоятельно выступать в качестве сказуемого без связки, несоединимы без ее помощи с отрицанием и наречиями степени. И наоборот, данной способностью обладают предикативы — глаголы и прилагательные. В свою очередь, в отличие от имен, глагольное слово никогда не будет присоединять показатель множественной определенности 们 men (МЭНЬ). Вместе с тем А. А. Драгунов указывает на то, что действие и качество в современном китайском языке могут быть опредмечены. Слова с предметным значением выступают и как действие, и как качество. Переход из одной части речи в другую осуществляется синтаксическим путем. Таким образом, устойчивым основанием для компаративного изучения грамматик русского и китайского языков является позиционная морфология², об этом следующий параграф.

¹ См.: Драгунов А. А. Исследования по грамматике современного китайского языка. Части речи / Академия наук СССР; Институт востоковедения. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1952. Т. 1. 232 с.

² См.: Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. Москва: Наука, 1999. 275 с.

§ 6. Части речи как «маршруты, диапазоны, позиции» (В. А. Курдюмов). Топик и комментарий в китайском языке

1. В связи с решением «вечной проблемы» частей речи в китайском языке заслуживает внимания подход, который предложен В. А. Курдюмовым¹. Согласно представленной точке зрения, лексические единицы КЯ, хотя и тяготеют по своему лексическому и лексико-грамматическому значению к частеречной определенности*, все же не имеют словарно закреплённой морфологической принадлежности и поэтому способны к частеречным² переходам.

**Прим. автора – Сказанное означает, в частности, что нельзя иероглиф «книга» соединить с показателем завершенности действия 了 le.*

Перевести слово КЯ из одной части речи в другую позволяет порядок слов³. В. А. Курдюмов говорит о частеречных категориях как «маршрутах, диапазонах и позициях»⁴. Он считает, что отнесенность китайского слова к части речи осуществляется благодаря его синтаксической функции в качестве члена предложения. По его мнению, грамматических запретов на занятие синтаксических позиций в китайском языке нет, и все ограничения, накладываемые на переходы, являются стилистическими, т. е. диктуются существующей литературной нормой.

Приводя примеры окказиональных стилистически окрашенных переходов, аналогичных разговорным русским вариантам типа *опекинуться, референдумить*, В. А. Курдюмов указывает, что примеры неправильного употребления свидетельствуют о том, что «для рядового носителя языка стабильная частеречная принадлежность слова — далеко не самая большая ценность, и ею легко жертвуют в повседневной коммуникации»⁵. Например, глагольное значение 咖啡一下 Kāfēi yíxià (КАФЭЙ ИСЯ) — покофейничаем недопустимо в литературном языке, но никто не в силах запретить его просторечное использование. Аналогичным и не менее ярким примером частеречных транспозиций является разговорная фраза *я стал пекинцем* — 我北京人了 Wǒ běijīng rén le (ВО БЭЙЦЗИН ЖЭНЬ ЛЭ) —

¹ См.: Курдюмов В. А. Курс китайского языка: теоретическая грамматика. Москва: Вече, 2006. 576 с.

² См.: Вэнь Л., Части речи в китайском языке / Пер. с кит.; Л. Вэнь, Ф. Ху. // Вопросы языкознания. 1955. № 3. С. 58-72; Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. Части речи с когнитивной точки зрения. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

³ См.: Солнцева Н. В., Солнцев В. М. Взаимодействие частей речи и членов предложения (на материале изолирующих языков) / Члены предложения в языках различных типов. Ленинград, 1972; Курдюмов В. А. Курс китайского языка: теоретическая грамматика. Москва: Вече, 2006. С. 173-254.

⁴ Курдюмов В. А. Указ. соч. Гл. IV, разд. V.

⁵ Там же. С. 175.

я опекинулся¹. В связи с этим предлагает считать китайское слово носителем только абсолютно абстрактного значения, никак не соотносимого с морфологической отнесенностью слова. Например, у слова 书 shū с грамматически-нулевым оформлением в предложении 我要买书。Wǒ yāo mǎi shū предложено видеть абстрактное значение *книжность: надо купить книжность*, т. е. *какую-нибудь книгу / какие-нибудь книги*.

2. Частеречные категории выражаются в КЯ разными способами:

- 1) синтаксическим путем;
- 2) графически — путем незначительного изменения начертания иероглифа при сохранении его произношения;
- 3) путем изменения произношения (фонетика) или тона.

Примечание – Грамматическая оформленность китайского слова (именного и предикатного значения) связана с выражением характера референции. Так, обозначая книгу 书 shū (ШУ) при помощи комплекса морфем, говорящий тем самым сигнализирует о конкретно-определенной референции имени 这本书 zhè běn shū (ДЖЭ БЭНЬ ШУ) – эта книга; 一本书 yī běn shū (И БЭНЬ ШУ) – одна определенная книга, книга, о которой идет речь; 几本书 jǐ běn shū (ДЗИ БЭНЬ ШУ) – несколько любых книг из данных; 这几本书 zhè běn shū mén (ДЖЭ БЭНЬ ШУ МЭН) – эти несколько определенных книг².

Наиболее важный для наших целей выявления интерферирующего влияния на уровне языковой типологии — синтаксический способ маркировки частей речи при помощи грамматикализованного порядка слов. Подлежащее и дополнение китайского предложения имеют четко фиксированные позиции, и слова, попадающие в данные позиции, определяются как имена. Позиция подлежащего — это синтаксическая позиция перед глаголом, которую, как правило, занимает первый актант, организующий пропозицию, который обычно выражается именем субъекта действия или именем носителя признака. Позиция после глагола в рамках одной пропозиции — это всегда позиция дополнения.

В. А. Курдюмов отмечает, что любой частеречный переход не может рассматриваться как случайный. Для позиционирования слова по морфологической шкале важную роль играет этимологический критерий. Любой китайский предлог в диахронии является производным от предшествующего глагольного значения. В синхронии возможно параллельное употребление языковой единицы в двух значениях. Например, 在 zài – *в*, 从 cóng — *из, от*, 朝 cháo — *к* обычно трактуются как предлоги и именно в этой функции чаще всего употребляются в путунхуа: 她在大学读书 — Tā zài dàxué dúshū. —

¹ Там же. С. 183.

² См.: Акимова И. И. Субстантивное число и детерминация в русском и китайском языках: лингво-культурологический аспект: монография. Москва: Знак, 2015. 144 с.

Букв.: Она **ЦЗАЙ** (в) университет читать книжность. Но нередко названные морфемы задействованы и в глагольной функции: 他在北京 Tā zài Běijīng — Букв.: Он + 在 zài **ЦЗАЙ** (находиться) + Пекин.

Этимология морфемы и характер ее обозначаемого (денотативное или сигнификативное значение) позволяют сделать важную оговорку: несмотря на ограниченное число основных позиций (имя, глагольный предикат, атрибутив, наречие, служебные слова), реальных оттенков гораздо больше: китайские слова могут выступать в роли герундиев, причастий, деепричастий. В примере 她只懂一个吃。 Tā zhǐ dǒng yīgè chī. (ТА ЧЖИ ДУН ИГЭ ЧИ) — Букв.: Он состояние знать одно/только есть. — *Он понимает только одно: «поесть»*, глагол *есть* находится в именной позиции. Позиция инфинитива в КЯ — это именная позиция, заполняемая во флективных языках специальной глагольной формой. Отметим, что и в РЯ частеречные переходы отнюдь не редкость.

*Примечание – В РЯ системны явления субстантивации: Учащиеся написали диктант хорошо. Мне надоели твои «если бы». Проницаемы границы между неизменяемыми знаменательными и служебными частями речи, например: Шел, не **смотря** под ноги, и упал и **Несмотря** на непогоду, поход состоялся. Положи **на счет** в банке и Узнай **насчет** меня. Сравним союзы и частицы «и», «же», «ли»: Маша пьет молоко. Я **же** (союз) пью сок. Тебе ли говорить! (частица) и Спроси бабушку, есть ли у нее ли хлеб (союз). Несмотря на эти факты, имя никогда не станет глаголом, а глагол — именем; даже в примерах **Курить** — вредно и **Курение** вредно части речи не могут нивелироваться.*

Итак, для КЯ ведущую роль в определении частеречной функции морфемы в синтаксическом построении играет синтаксический критерий. Частеречная принадлежность слова может быть подвижна лишь в известных, хотя и достаточно широких, пределах, имеет коммуникативный характер и устанавливается в предложении-высказывании (далее — ПВ) КЯ на основе порядка членов предложения. Любое исходное значение теряет смысл, если синтаксис диктует противоположное.

3. Покажем следствия языковой типологии на коммуникативном уровне предложения-высказывания. В русском языке, как известно, члены предложения (далее — ЧП) обслуживают категорию оптативности. Под содержанием данной категории понимается индивидуальная маркировка каждой словоформы в зависимости от ее коммуникативного ранга. ЧП в ПВ РЯ представляют собой «иерархизованную систему коммуникативно-значимых позиций, где наиболее высокий ранг имеет подлежащее»¹.

В. А. Курдюмов² считает, что КЯ надо рассматривать как язык топикового типа. В психолингвистическом понимании топик и комментарий — это составляющие первичной ментальной, т. е. психолингвистической

¹ См.: Всеволодова М. В. Указ. соч. 2000. 502 с.

² См.: Курдюмов В. А. Курс китайского языка: теоретическая грамматика. Москва: Вече, 2006. 576 с. С. 123–125.

структуры *внутренней речи*¹. Прежде чем приступить к реализации вербальной речи, говорящий порождает серию структур, синтаксически организованных как топик и комментарий, которые затем преобразуются в подлежащно-сказуемое единство, при восприятии которого слушающий разграничивает предиктируемую информацию от предиктирующей.

Классические топик и комментарий определены как «синтаксические категории, основные компоненты предложения, находящиеся в предикативной зависимости (связь утверждается самим актом говорения), но не требующие формальной сочетаемости и ведущие себя свободно относительно друг друга». «Топик — это (предметная) тема образования текстового (сверхфразового) уровня, локализуемая в одном из предложений в синтаксическом виде»². «Классическое европейское подлежащее, с одной стороны, противопоставляется топику, но с другой стороны, является одним из его вариантов: полностью включенным в падежную рамку сказуемого, достигшим полного согласования с глаголом»³.

В топик китайского ПВ всегда входит подлежащее, выраженное существительным. На основании порядка слов устанавливается субъектно-объектная функция, характерная для имени, атрибутивная функция, свойственная имени (прилагательному) либо глаголу. Адъективная (сирконстантная) функция имени определяет его синтаксическую позицию в предложении китайского языка. За счет единства топика достигается цельность и связность фрагмента. Комментарий же может реализовываться на протяжении всего единства (топик характеризуется всем текстом, который он контролирует). Полагаем, что такая организация дискурса порождает некоторую «странность» китайских дискурсивных построений, о чем мы говорили в параграфе 4.

4. Китайский язык отстает от европейских языков на большую дистанцию, что и определяет недостаточно высокую по сравнению с прилагаемыми усилиями эффективность обучения европейским языкам. Сравним разные пропозиции для денотативной структуры *Кубинские девушки танцуют удивительно темпераментно* в РЯ и КЯ. В РЯ в качестве топика может выступать любое слово, возможны синтаксические трансформы: *Кубинский темперамент девушек в танце удивителен*, где топик — *кубинские девушки темпераментно танцевать*, а комментарий — *удивительно*. Ср.: *Танцы кубинских девушек удивительно темпераментны*, где топик — *танцы*, а комментарий —

¹ См.: Жинкин Н. И. Механизмы речи. Москва, 1958.

² См.: Курдюмов В. А. Указ. соч. С. 123–125.

³ Там же.

удивительно темпераментны. Введение показателя смысловых отношений дает варианты: *Танцы кубинских девушек отличаются удивительной темпераментностью/удивительным темпераментом.*

В китайском предложении *Кубинские девушки танцуют удивительно темпераментно* имеется топик — *кубинские девушки танцуют*, а комментарием является *удивительный темперамент*. 古巴姑娘跳舞的气质惊人 Gǔba gūniang **tiàowǔ de** qìzhí jīngrén* (ГУБА ГУНЯН ТЯО ВУ ДЭ ЦИЧЖИ Ц'ЗИНЖЭНЬ). Букв.: Куба девушки танцевать/танец + *de* (показатель определительности — *танца*) + *темперамент удивительный*. В КЯ возможен синтаксический трансформ: 古巴的姑娘热情地跳舞人惊奇 Gǔba de gūniang rèqíng de tiàowǔ rén jīngqí. — Букв.: Куба + ДЭ + девушка энтузиазм + *de* + танец (ТОПИК) | люди удивляться.

**Прим. автора – В РЯ китайским формам с 的de соответствуют: 1) относительное или притяжательное прилагательное: 古巴的姑娘 Gǔba de gūniang — кубинские девушки, 2) глагольная форма причастия, ср.: 跳舞tiàowǔ – танцевать и 跳舞的tiàowǔ de — танцующий. Наречие КЯ образуется при помощи другого форманта — 地 de, ср.: 热情 rèqíng — темперамент, энтузиазм и 热情地 rèqíng de — темпераментно.*

В КЯ возможна всего одна трансформация: 古巴姑娘热情的舞蹈使人惊奇 Gǔba gūniang rèqíng de wǔdǎo shǐ rén jīngqí. — Букв.: *Куба девушки и темперамент + de* (的показатель атрибутивности) + *танец* (ТОПИК) | + *привести/вызвать* (使shǐ) + *люди удивление* (КОММЕНТАРИЙ). Пословный перевод ПВ 2 показывает, что в КЯ возможна свернутая пропозиция: gūniang rèqíng de — *танцы девушек*; в этом случае используется глагол-релятор 使 shǐ со значением обусловленности. Порядок слов в тематической части ПВ КЯ (предицирующем компоненте) требует постановки атрибута перед определяемым именем: **девушки + 的 (ДЭ) + танцы**, в РЯ это свернутая пропозиция *танцы девушек*. Таким образом, полного параллелизма синтаксических структур в двух языках не наблюдается. Поэтому вполне прогнозируемы лингвистические барьеры, связанные с этнолингвистическим своеобразием на уровне синтаксиса.

Остановимся на еще одном аспекте интерференции, весьма важном для методики русского языка как иностранного — китайской лингводидактической традиции. Она оказывает существенное интерферирующее влияние при изучении языков среднеевропейского стандарта.

§ 7 Типология китайского языка и национально-культурные лингводидактические традиции и принципы обучения русскому языку как иностранному

1. Различие лингвометодических традиций имеет в своей основе разные цели обучения. Как известно, в европейской и отечественной лингводидактике целью обучения признается формирование коммуникативной компетенции во всех видах речевой деятельности: чтении, аудировании, письме, говорении. Особая образовательная модель, исторически сложившаяся в Китае, ориентирует учащегося на запоминание багажа знаний, а не на овладение знанием. Установка на запоминание (классических текстов) берет начало из древности, когда претендент на должность чиновника должен был пройти испытание — сдать экзамены. До сих пор студенты старательно зазубривают тексты, часто без должного осмысления языкового материала. Как следствие, речевые стереотипы формируются медленно, студенту трудно *оторваться* от письменного текста.

Назовем некоторые следствия использования привычных стратегий и тактик при обучении русскому языку.

1.1. Китайские учащиеся, и без того ориентированные своей методической традицией на механическое заучивание, знакомятся с неоправданно большим количеством синонимичных языковых средств, прагматический потенциал которых не всегда осознается в полной мере.

Примечание – Так, в УМК «Русский язык, часть 1-6», изданном Пекинским издательством иностранных языков (часть 2, с. 120) содержится такой диалог:

– Чем вы болели?

– Гриппом. Целую неделю в постели пролежала. Со мной это очень редко случается.

– Организм у вас все же крепкий. Ну, с выздоровлением вас.

Модусное средство «все же» на этом уровне обучения включать в активный запас китайских учащихся нельзя. Во всех своих лексико-семантических вариантах средство «все же» выражает противопоставление, так как оно синонимично союзу «но» и частице «все-таки»*. Его прагматическая нагруженность не лишена многозначности, что может повлиять на успешность коммуникации. Противопоставительный оттенок был бы уместен, если бы говорящий имел презумпцию «Удивительно, как это вы не умерли, обычно бывает именно так, а у Вас, у Вас здоровье все же крепкое, несмотря ни на что вы живы», но вряд ли такого рода пропозиция отвечала намерению говорящего. Обычно в подобной ситуации речевая стратегия направлена на поддержку, ободрение собеседника: «ничего, ты молодец, и (а не «а» или «но»!) здоровье у тебя крепкое.

**Прим. автора* – В словаре структурных слов русского языка справедливо отмечается, что «все же» «употребляется для выражения возражения, противопоставления чему-либо, сказанному самим говорящим или его собеседником» и «для выражения скрытого противопоставления» — значение 1.3. частицы «все же»¹. В Толковом словаре русского

¹ Морковкин В. В. Словарь структурных слов русского языка / В. В. Морковкин, Н. М. Луцкая, Г. Ф. Богачёва [и др.]. Москва: Лазурь, 1997. С. 75–76.

языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой читаем следующее: «всё же» в первом значении подчёркивает противопоставление или ожидавшийся результат. Он согласился всё же?». Во втором значении синонимичен союзам «тем не менее» и «всё-таки»: Он мне друг, всё же я его не оправдываю».

2. Необходимо сказать о наших методиках и учебниках русского языка для китайских учащихся.

2.1. Коммуникативная направленность обучения иностранным языкам китайской лингвометодической традиции не близка. Говорение подменяется чтением или пересказом механически заученного текста, что возможно благодаря исторически сформировавшейся хорошей зрительной памяти китайцев. Такой парадоксальный результат никак не соотносится с целями и задачами обучения иностранному языку в европейской методике (и отечественной лингводидактике, как ее неотъемлемой части).

2.2. Национальная лингвометодическая традиция, сформированная в целях обучения родному изолирующему китайскому языку, программирует учащихся на первоочередное внимание к лексике в ущерб грамматике. Для китайского учащегося заучить иностранное слово кажется важнее умения его использования в речевом построении в определенной синтаксической (морфологической) форме. Неудивительно, что китайские учащиеся склонны учить слова изолированно, как в словаре, либо заучивать отдельные формы слов, встреченные в тексте. В связи с этим в китайской аудитории чрезвычайно актуально представление лексики и морфологии на синтаксической основе, что логически следует из особенностей русского языка как языка с развитой морфологией. Как правило, данный принцип игнорируется в китайских учебных материалах: слова урока представлены в начальной форме, без учета возможностей синтаксического функционирования. В частности, в УМК «Русский язык» Пекинского издательства вводится практически не употребляемая форма инфинитива «мочь», а парадигма личных форм данного глагола не представлена. Подача лексики в словарной форме является правилом и демонстрирует ориентированность китайской лингводидактики на переводной метод обучения.

2.3. В китайской национальной лингводидактической традиции важное место занимают задания, которые необходимо выполнять по аналогии. Но работа с грамматическим материалом не должна становиться механической: необходимо убедиться в понимании лексики.

Примечание – Приведем невыдуманные истории, рассказанные автору русскими коллегами в аспирантуре Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина. Студенту в качестве задания предлагалось составить свои предложения по данному образцу: Меня зовут

Иван Петрович, можно просто Ваня. Работая по образцу, студент составил предложение: Меня зовут Ван Хуй Линь, можно просто Лев Толстой. Это произошло из-за отсутствия фоновых знаний: имена Иван и Ваня оказались для студента из Китая никак не связаны между собой, а значит, можно взять любое другое известное имя.

Не менее абсурдный пример возник при составлении диалогов по образцу:

– Вы будете чай или кофе?

– Чай, пожалуйста.

– Вам чай с лимоном или с сахаром?

В результате механической подстановки студентом данных для справок слов получилось:

– Вы будете водку или пиво?

– Вам водку с лимоном или с сахаром?

Ошибка кажется нам чудовищно нелепой, но и она связана с реалиями. Дело в том, что спиртные напитки независимо от типа обозначают иероглифом «цзю» — вино, водка, и китайцы пьют виски с бутилированным зеленым чаем, в котором уже есть сахар.

2.4. Сложным является вопрос о месте и роли перевода как метода обучения в китайской аудитории. Особенностью китайской лингвометодической традиции является широкое использование перевода на всех этапах урока в качестве метода обучения в условиях отсутствия языковой среды. Отметим, что в обучении иностранным языкам давно доказана неэффективность грамматико-переводного и переводного метода. Приверженность китайской лингвометодической традиции к переводу в качестве средства снятия языковых барьеров не способствует глубокому и устойчивому овладению механизмами перекодировок с одного языкового кода на другой. Тем самым готовый прямой перевод тормозит формирование лексико-грамматических навыков и стереотипов, необходимых для продуктивных видов речевой деятельности — говорения и письма. Однако учебный перевод как метод обучения рационально использовать в условиях, когда возможна проверка правильности перевода на китайский язык или когда учащимся предлагаются справочные материалы, содержащие китайские соответствия лингводидактических единиц.

Отметим, что во всех учебниках иностранных языков принят подстрочный перевод текстов. Китайская лингвометодическая традиция продолжает основываться на переводном методе обучения и наряду с бессистемной подачей лексико-грамматических единиц обучения, его можно считать причиной недостаточного уровня владения русским языком. Прямой перевод позволяет почувствовать семантически «темные» места, однако не всегда помогает увидеть ошибки грамматического характера: согласования, связанного управления, координации подлежащего и сказуемого в роде и числе, согласование времен причастия и деепричастия с глаголом основного действия, а также связанные с выбором глагольного вида.

Вместе с тем, по данным опроса китайских студентов разных курсов, магистров и преподавателей-русистов, китайский перевод помогает студенту, так как привлекается родной язык. С помощью прямого перевода преодолевается высокий лингвоэтнический барьер между китайским и другими (европейскими) языками. Значит, сопоставление русского языка с родным языком учащегося в китайской аудитории необходимо, поскольку этот метод, наряду с инструктированием (ориентацией на правила), является основным методом объяснения в китайской лингвометодической традиции*. Необходимо дозированное использование прямого перевода с целью семантизации лингводидактических единиц: новых синтаксисом и других грамматических явлений, связанных с перераспределением семантики. Синтаксема является языковой универсалией и может быть обнаружена, по крайней мере, во всех языках, где предложение состоит из разных слов (отдельно должен быть решен вопрос относительно синтаксемы в полисинтетических языках). Можно с уверенностью утверждать, что в китайском языке синтаксическая форма слова есть.

**Прим. автора – Коммуникативная методика отрицает перевод как метод обучения, однако имеются отдельные работы в его пользу¹.*

Еще более рациональным приемом обучения является обратный перевод. При этом методе учащиеся переводят с русского на китайский, а затем снова на китайский. Для обнаружения лексических и в первую очередь грамматических ошибок, важно сравнить исходное русское предложение с тем, что получилось в результате двойного перевода. Исправленный русский вариант записывается рядом с китайским (можно использовать двусторонние карточки), заучивается и периодически повторяется. Важно безошибочно воспроизводить по памяти русский вариант предложения, глядя на китайский перевод². Использование обратного перевода в качестве способа контрастивного анализа поверхностно-синтаксических структур двух языков с аналогичным смысловым содержанием позволяет снимать лингвистические барьеры и учитывать национальные лингво-методические традиции, а также способствует лучшей психологической адаптации учащихся. Таким образом, используемый в китайской лингвометодической традиции перевод по сути является приемом стихийного контрастивного анализа. В следующем параграфе мы предложим модифицированный метод перевода — «грамматический навигатор».

¹ См.: Шатилов С. Ф. Некоторые вопросы сопоставления иностранного и родного языков в методических целях. // Русский язык за рубежом. 1985. № 5. С. 61–64.

² См.: Бодров Н. Как изучить английский язык самостоятельно. Нестандартные приемы самообучения. Санкт-Петербург: Лениздат Союз, 2001. 190 с. (<https://libking.ru/books/sci/sci-linguistic/114375-56-nikolay-bodrov-kak-izuchit-angliyskiy-yazyk-samostoyatelno-nestandartnye-priemy-samoobucheniya.html#book>).

2.5. До сих пор мы говорили об учебниках, подготовленных китайскими коллегами. Наряду с ними обучение русскому языку в КНР (до недавнего времени — повсеместно) осуществлялось по УМК «Восток», созданному совместными усилиями китайских и российских преподавателей. Часть первая УМК «Восток»* имеет серьезные недостатки с точки зрения системности представления именных синтаксисов как лингводидактических единиц, что существенно замедляет формирование речевых стереотипов китайских учащихся. Перегруженность учебника языковыми средствами для пассивного усвоения (такими как хрестоматийное, но не широко используемое носителями языка *сколько лет, сколько зим*) не лучшим образом сказывается на результатах обучения. Подобные недостатки учебных материалов в ситуации отсутствия языковой среды закладывают в языковой памяти учащегося ошибочные стереотипы, трудно поддающиеся коррекции.

**Прим. автора – Учебный комплекс «Восток» составлен преподавателями Пекинского университета иностранных языков (Е Линь, Дин Шуци, Цзян Цунье, Ван цзюнь, Цзян Цунье, Жэнь Ли, Линь Цзин) и Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина (Н.Г. Крыловой, Т.С. Залмановой, Н.Н. Римской-Корсаковой, Е.Б. Григорьевым, Т.Л. Арефьевой). Предназначен для обучения по специальности "Русский язык в китайских вузах" (4 года). Издавался два раза: в 1998 г. и в 2001 г. Состоит из 8 частей.*

С точки зрения отбора, систематизации и концентрического представления языкового материала безусловно преимущество аутентичных учебников. Созданные в разное время базовые учебные комплексы «Старт», «Темп», «Русский язык для всех» и другие, а также УМК нового поколения «Дорога в Россию» содержат необходимый и достаточный минимум языковых средств, позволяющих говорящему решать строго определенные коммуникативные задачи на каждом из этапов овладения русским языком. Учет коммуникативных потребностей студента определяет концентрический принцип подачи материала, что позволяет сгруппировать дидактический материал в соответствии с конкретным уровнем и целями обучения.

Несмотря на очевидные для российских преподавателей РКИ преимущества обучения в России, китайские русисты убеждены, что подготовку по РЯ китайскому студенту лучше получить в Китае, у китайского преподавателя. Поехать на стажировку в Россию рекомендуется после окончания 2 или 3 курса, вероятно, в связи с существенным лингвистическим барьером.

Отмеченные парадоксы ждут исследования своих корней и причин. Думается, что отечественная лингводидактика должна учесть особенности китайского этносубъекта обучения, учитывая тот факт, что данный контингент составляет значительную часть иностранных

студентов не только в Дальневосточном, но и в других регионах. Поиск решений обсуждаемых проблем обучения РКИ в китайской аудитории как аудитории носителей типологически иного языка должен осуществляться с учетом достижений отечественной лингводидактики — выработанных ею за более чем полувековую историю принципов обучения.

Далее обратимся к этапам формирования вторичной языковой личности и оценим роль родного и изучаемого языка на каждом из этих этапов. Также обсудим базовый УМК нового поколения «Дорога в Россию»: обсудим реализованные в нем достижения методики РКИ и укажем на то, что еще предстоит сделать.

ГЛАВА 2

МЕТОД «ГРАММАТИЧЕСКОГО НАВИГАТОРА» КАК РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ И ПРИНЦИПОВ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

§ 8. Формирование речевых стереотипов и учет родного языка учащегося

Психолингвистами подчеркивается, что грамматическая правильность фразы зависит не от знания лексики и словоизменения в конкретном языке, а от степени сформированности стереотипов грамматических действий. Под грамматическими стереотипами (автоматизмами, навыками) понимаются автоматизированные морфологические и синтаксические речевые связи между формой и содержанием. Обязательным условием правильного говорения является автоматизация речевых стереотипов.

Речевые стереотипы формируются на базе грамматических навыков и умений, овладение которыми происходит поэтапно. Согласно концепции поэтапного формирования умений и навыков выделяются три этапа овладения грамматическими умениями и навыками: 1) ознакомительно-аналитический, 2) этап автоматизации, 3) варьирующий¹. Фактор учета родного языка оказывается наиболее значимым на первом — ознакомительно-аналитическом — этапе. Именно здесь «закладывается ориентировочная основа действия, развиваемого на последующих этапах до уровня умения, и создаются условия для предотвращения интерференции родного языка»².

1. На первом, ознакомительно-аналитическом этапе формирования речевых стереотипов «закладывается ориентировочная основа действия, развиваемого на последующих этапах до уровня умения, и создаются условия для предотвращения интерференции родного языка»³. «Речь идет о трактовке грамматических явлений, исходя из трудности их усвоения в определенной национальной аудитории, о влиянии переноса, об интерференции и возникающих под ее влиянием ошибках, о переводе как средстве семантизации грамматических явлений и контроля их понимания, о степени интенсивности упражнений в зависимости от сходства и различия грамматических средств в изучаемом иностранном языке по сравнению с родным,

¹ См.: Петровский А. В., Ярошевский М. Г., Брушлинский А. В., Петровский В. А. Общая психология / Под ред. А. В. Петровского. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Просвещение, 1976. 479 с.

² Михайлова О. Э. Обучение грамматике в языковом вузе / Сост. А. А. Леонтьев // Общая методика обучения иностранным языкам: хрестоматия. Москва: Русский язык, 1991. С. 311.

³ См.: Михайлова О. Э. Указ. соч.

о роли переводных упражнений». Поэтому «при показе и объяснении грамматических явлений важно выделить ориентиры, которые обеспечат их использование во всех ВРД»¹. Осознанность применения грамматических знаний достигается в т. ч. и путем сопоставления с родным языком учащегося, производимого с целью нахождения в первую очередь дифференциальных признаков родного и иностранного языков². Достижению этой цели служит изучение сопоставительных грамматик, а также специально проводимый в учебных целях сопоставительный анализ иностранного и родного языков³. Как говорила проф. М. В. Всеволодова, для постановки грамматической базы на ознакомительно-ориентировочном этапе необходимо дать иностранному учащемуся формальную матрицу транспозиции с родного языка на русский. Мы назвали эту матрицу моделью перекодировки и далее приведем отдельные примеры таких моделей для китайского языка.

Механизмы замены важны для экспликации значений многих синтаксем РЯ. Разнообразны по значению синтаксемы существительных в форме творительного падежа. Атрибутивность *девочка с косичками, книга с картинками* по-китайски будет выражена как самостоятельная пропозиция: *девочка иметь косички, картинки в книге, чай с молоком – в чай иметь молоко*. Значение совместности *я с братом* на КЯ выражается структурой *я и брат вместе*; значение орудийности *писать ручкой* — структурой *писать использовать ручка*. Там, где синтаксема (с/с) творительного падежа называет инструмент и можно сказать *использовать что* в КЯ употребляется глагольная морфема 用 yòng — *использовать*.

Достаточно проста перекодировка родительного приименного: *мамина шляпа* по-китайски выражается как *мама + de шляпа, Иван + de книга*, где *de* — показатель признаковости, который всегда оформляет существительное в объектной роли посессора. Как уже отмечалось, лингвистический барьер связан с различным порядком слов. В номинации РЯ выражается притяжательность — *улица Чехова (имени Чехова)*, а в КЯ соответствует атрибутивность: *Чехов + улица*, буквально *чеховская улица*.

При выражении атрибутивности в КЯ возникают прагматические нюансы: оформляя качественное прилагательное, показатель атрибутивности 的 de выполняет классифицирующую роль, переводя признаковое слово в более высокий (частеречный) ранг: *она красивая + de = она красавица*.

¹ Там же.

² Улман Л. М. Указ. соч.

³ Михайлова О. Э. Указ. соч.

На начальном этапе учащимся должны предлагаться такие способы выражения внеязыкового содержания, которые максимально близки к структуре его родного языка. Маловероятно, что преподаватель будет владеть языком учащегося, однако включить в учебник выверенные лингвистами модели перекодировок вполне реально. Подчеркнем: комментарий должен быть сделан практиками РКИ при участии владеющих теоретической грамматикой родного языка учащегося лингвистов.

*Примечание – На открытом уроке при повторном объяснении грамматической темы «глагольный вид» нами были использованы в качестве показателей аспекта полуслужебные морфемы КЯ. Коррелятом так называемого «общефактического значения» в КЯ был принят формант *ḡduo*. Студенты всё очень быстро поняли и были очень рады, что преподаватель объяснил тему просто и понятно. Однако вскоре обнаружилось, что учащиеся экспериментальной группы в результате привлечения КЯ как инструмента объяснения путают формы совершенного и несовершенного вида. При дополнительном обращении к фактам КЯ мы выяснили, что формант *ḡduo* соответствует обеим русским формам вида: *Ты ездил в Китай?* / *Ты уже съездил в Китай?* Это и было лингвистическим барьером.*

*Другой пример. Каждый, кто хоть недолго был в КНР, быстро понимает, что для выражения прошедшего времени используется показатель *ḡ le*. В учебной и научной литературе по китайскому языку мы встречали толкование данного форманта как показателя результативности. Но китаец может сказать «окейла» в смысле «о'кей», выражая согласие (план настоящего) и одобрение планируемого действия (план будущего). Возможно, что функции форманта *ḡ le* не исчерпываются чисто временными значениями, так как связаны с аспектуальностью (результативностью, прерванностью, законченностью) и, как следствие, с определенностью. А значит, говорить, что *ḡ le* выражает прошедшее время или совершенный вид — это вводить учащихся в заблуждение и формировать ложные речевые стереотипы. Мы убеждены в том, что в китайском языке аналога русского глагольного вида нет, но выражается аспект.*

Необходимой предпосылкой формирования грамматических речевых стереотипов являются грамматические умения. Обратимся к следующему этапу формирования речевых стереотипов — этапу автоматизации.

2. На втором этапе автоматизации речевых стереотипов учащиеся овладевают умениями оперирования языковыми единицами. На втором этапе учащиеся осуществляют операции выбора отдельных лексем и грамматических структур, операции комбинирования морфологических и морфолого-синтаксических языковых единиц, овладевают языковыми механизмами перифрастических замен¹.

Для продуктивных ВРД недостаточно знаний правил, например, о том, что в РЯ все существительные имеют род и согласуются с прилагательными по данному морфологическому признаку.

¹ См.: Шатилов С. Ф. Теоретические основы методики обучения грамматическому аспекту иноязычной речи / Сост. А. А. Леонтьев // Общая методика обучения иностранным языкам: хрестоматия. Москва: Русский язык, 1991. 360 с.

Учащийся должен автоматически согласовать существительное с прилагательным по форме рода, числа и падежа. В РЯ происходит координация в лице, числе и роде глаголов и прилагательных в синтаксической функции предиката с подлежащим. Решение столь комплексных задач требует длительной доречевой тренировки. Не менее трудны случаи немотивированного управления, требующие постановки имени актанта при управляющем слове в определенной предложно-падежной форме.

Очень важно, чтобы грамматические умения, отрабатываемые на каждом этапе обучения, «вступали в контакт» с уже сформированными ранее, *поддерживая* друг друга. Приведем ряд наблюдений, важных для методически корректной организации лингводидактических единиц в элементарном и базовом курсе РКИ.

1) Закономерно, что парадигма прилагательных традиционно вводится с опорой на падежные формы личных местоимений, и эту связь преподавателю необходимо использовать.

2) С формами множественного числа прилагательных учащиеся знакомятся только после того, как тщательно усвоены формы единственного числа.

3) До тех пор, пока до полного автоматизма не отработана парадигма форм глагола прошедшего времени, не следует предлагать китайским учащимся формы будущего времени. Можно показать будущее время на этапе объяснения, но нельзя *перегрузить* учащегося грамматическими формами, которые к тому же имеют разное временное значение.

Возможно, это связано с дополнительным, культурным барьером, о котором свидетельствуют также весьма частые оговорки учеников, употребляющих наречие *потом* вместо наречия *раньше*. В КЯ есть *обратная* модель времени. Китайцы, движутся в будущее спиной. Отметим, что эта же модель времени в РЯ выражается в слове *предки* — те, кто жили раньше нас, перед нами. Мы, как и китайцы, *смотрим на предков*. То, что было *раньше*, уходит в прошлое, а то, что ждет нас *потом*, приходит в настоящий момент. Но мы, в отличие от китайцев, обращены лицом в будущее. Наше *потом* всегда впереди, а у китайцев оно сзади. В этом причина отмеченной оговорки. Кроме того, в КЯ временной план прошедшего — непрошедшего (настоящего и будущего) часто понимается по умолчанию (маркируется аспект, а не время). Напомним, что в РЯ грамматическое различие временных планов прошедшего, настоящего и будущего чрезвычайно важно.

4) Только после овладения одной из форм директива — *старт № 2 из Китая* или *финиш № 4 в Китай* — можно приступать к изучению второй именной синтаксемы. Тщательной отработки требует различение форм локатива *№ 6 в Китае* и директива *№ 4 в Китай*.

Вообще, локатив дается китайцам тяжело, так как это первый падеж, с которым они встречаются. Возможно, имеет смысл начинать изучение падежной системы с синтаксемы со значением «Директив. Старт»: *из Китая*, потому что синтаксема этого значения похожа на синтаксему КЯ. В КЯ для выражения соответствующего значения используется препозитивная морфема 从 *cóng*, коррелирующая с русскими предлогами «от», «из», «с». Пространственно-временной локализатор имеет глагольную этимологию 在 *zài* и может служить маркером бытийной пропозиции, его формообразовательная роль не столь очевидна.

3. На третьем (варьирующем) этапе овладения грамматическими умениями и навыками осуществляется выход в речь, в реальный процесс коммуникации. Этот этап предполагает перевод соответствующих навыков «в состав сложных систем речевых умений»¹. Здесь подключаются интерпретационные и актуализационные механизмы языка, актуальное членение становится действительно коммуникативно-значимым, особую важность приобретает умение трансформировать синтаксические конструкции в соответствии с параметрами текста, учитывая целый ряд факторов прагматического, семантического и текстового характера.

§ 9. Анализ учебно-методического комплекса нового поколения «Дорога в Россию»: достоинства и недостатки версии для китайских учащихся

1. Без преувеличения, настоящим «прорывом» в методике РКИ стал УМК нового поколения «Дорога в Россию». Он обладает многими неоспоримыми достоинствами и, пожалуй, долго оставался одним из лучших. Обсуждаемый УМК является учебно-методическим комплексом нового поколения, обеспечивающим подготовку иностранных граждан в объеме российского Государственного стандарта по РКИ на элементарном, базовом и уровне общего владения русским языком. Его преимуществом является высокий уровень теоретического осмысления и методически выверенная форма представления лингвистического материала. Отметим прекрасную систематизацию и наглядное представление грамматической информации. Важным достоинством УМК является табличный способ графической презентации знаний*. К Части 1 имеется предназначенный для учащегося «Грамматический комментарий и словарь»². В этой книге для студента содержатся

¹ Михайлова О. Э. Указ. соч. С. 313.

² См.: Антонова В. Е. Дорога в Россию. Грамматический комментарий и словарь к учебнику для говорящих на китайском языке (элементарный уровень) / В. Е. Антонова, М. М. Нахабина, А. А. Толстых. 2-е изд. Москва: ЦМО МГУ им. М. В. Ломоносова, 2003. 108 с.

словари уроков, перевод заданий первых десяти уроков, комментарии к наиболее трудным грамматическим темам (глагольный вид).

**Прим. автора – В китайской аудитории для представления лексико-грамматического материала оптимально использование табличной формы. Содержимое «клеток» по вертикальной и горизонтальной осям различается лишь одним параметром, что хорошо соотносится с китайским когнитивным стилем, «диктующим отказ от логических операций и предпочитающим компенсаторный потенциал»¹. Схематическое представление знаний в китайской аудитории работает плохо: китайские учащиеся «не читают» графические знаки, выражающие иерархические отношения и связи между языковыми явлениями, отображаемыми в форме схем и логико-семантических графов, и при записи переносят в свою тетрадь только ту информацию, которая выражена вербально.*

Данный УМК² насыщен информацией об истории, искусстве, архитектуре России, ее географии, современной жизни людей в разных регионах, об интересных личностях, что помогало решать широкий спектр задач, в т. ч. задачу овладения национально-культурной составляющей обучения РКИ, способствовало формированию богатого арсенала фоновых знаний страноведческого и лингвострановедческого характера. Вместе с тем, прикладная модель Языка вскрывает проблемы, которые должна решать фундаментальная грамматика, и поскольку они еще не решены, методическое преломление языкового материала во многих случаях оказывается несовершенным или даже не вполне адекватным языковым реалиям. С этим будет связана наша вынужденная критика данного УМК.

*Примечание – Сегодня ведущие центры русского языка в КНР переориентированы на изданную в Пекинском издательстве иностранной литературы лицензионную версию УМК нового поколения «Дорога в Россию». В этой версии нет принципиальных отличий от версии издательства «Златоуст», за исключением того, что УМК имеет четыре, а не три части (в русской версии третья часть состоит из двух книг), отсутствуют «Грамматические комментарии и словарь»³, т. к. китайский преподаватель-русист комментирует факты русского языка на родном языке учащегося, как это делают российские преподаватели иностранных языков в России, а все задания переведены на китайский язык. Перевод заданий позволяет снять лингвистические барьеры, связанные с необходимостью уже на начальном этапе обучения понимать содержащуюся в них лингвистическую терминологию. Кроме того, китайская лицензионная версия содержит **подстрочный перевод** речевых образцов и текстов, отсутствующий в УМК издательства «Златоуст».*

2. Версия УМК «Дорога в Россию», ориентированная на китайских учащихся.

¹ Бобрышева И. Е. Учет национальных лингвометодических традиций в обучении русскому языку иностранцев (на примере Китая). Москва: Компания «Спутник+», 2001. С. 59.

² См.: Антонова В. Е. Дорога в Россию: учебник русского языка (базовый уровень): в 2 ч. / В. Е. Антонова, М. М. Нахабина, А. А. Толстых. Москва: ЦМО МГУ им. М.В. Ломоносова, 2003; 2004.

³ См.: Антонова В. Е. Дорога в Россию. Грамматический комментарий и словарь ...

Напомним, что данный УМК представлен двумя версиями: издательства «Златоуст» и лицензионной версией Пекинского издательства иностранных языков. К ним мы будем обращаться при рассмотрении всех фрагментов русской грамматики, представленных в нашей работе.

Достоинство УМК «Дорога в Россию» также состоит в том, что в нем впервые делаются шаги в сторону учета родного языка китайского учащегося. Однако при всех неоспоримых достоинствах УМК «Дорога в Россию» не лишен недостатков.

2.1. Сильную перегруженность УМК лингвистической терминологией, встречающейся в формулировках заданий отмечает О. Д. Митрофанова*. Это особенно затрудняет работу с учебником на начальном уровне. Без метаязыка описания обойтись невозможно, однако учащимся трудно овладеть иноязычной лингвистической терминологией в первые недели обучения даже на пассивном уровне.

**Прим. автора – Устный доклад на тему «Русист — преподаватель-предметник — студент в учебном треугольнике» на Международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию юбилею Центра международного образования МГУ им. М. В. Ломоносова «Международное образование: итоги и перспективы» (Москва, 22-24 ноября 2004 года).*

2.2. К недостаткам одноязычного коммуникативного метода обучения носителей типологически иных языков в стране изучаемого языка относится трудность контроля адекватности понимания объема и содержания лингвистически релевантных явлений и понятий, поскольку российский преподаватель, как правило, не владеет КЯ. Так называемые «нулевики», работая по УМК «Дорога в Россию» (Часть 1), держат на коленях китайский учебник «Русский язык» (части 1 и 2), содержащий комментарии на китайском языке, пытаюсь найти в нем перевод лингвистической терминологии, использованной в формулировках заданий, и хоть какую-то информацию об абсолютно новой для них системе языка*.

**Прим. автора – В ходе реализации совместной образовательной программы между российским и китайским вузом для российских студентов-нулевиков Тихоокеанского государственного университета, выезжающих в КНР, в 2000-х гг. читался курс лекций по общему языкознанию и вводный курс в теорию китайского языка. Такая практика показала свою эффективность. В процессе обучения китайских студентов обычно участвует российский китаист или китайский русист.*

2.3. Использование китайского перевода в качестве комментария к наиболее трудным урокам является данью китайской лингвометодической традиции и, на наш взгляд, не является достоинством анализируемого УМК. В комментариях к урокам 10–11

подстрочный перевод русских фраз, содержащих совершенный вид (далее – СВ) и несовершенный вид глаголов (далее – НСВ), по сути, уничтожает те семантические явления, которые он призван объяснить, поскольку ПВ китайского языка выражают аспектуальность аналитическими способами.

2.4. В числе недостатков отметим отсутствие четко сформулированных правил-обобщений, которые на начальном этапе было бы уместно сопровождать переводом на родной язык учащегося. Нужен справочный аппарат в виде схем и таблиц. В качестве образца справочника в общем виде служит Программа соответствующего сертификационного уровня, в идеале снабженная китайским комментарием, и предлагаемые в работе грамматические навигаторы, о которых будет сказано позже.

§ 10. Рациональные основы грамматики: понятийная (семантическая) категория как основа обучения в рамках функционально-коммуникативной лингводидактической (педагогической) модели языка

1. «Грамматика имеет рациональные основы, в которых можно увидеть предназначенность языковых средств для выражения их внеязыкового содержания»¹. С точки зрения психолингвистики, овладение иностранным языком — это установление новых семантических связей между вновь вычленяемыми из непроявленного семантического континуума иностранного языка фрагментами внеязыковой действительности. В связи с необходимостью решения прикладных задач обучения РКИ, для нас чрезвычайно важно изучение соотношений и взаимодействия семантических категорий в грамматическом строе языков и выявление семантических сходств (универсалий и фреквенталий) и различий.

Мы исходим из понимания того, что человеческий ЯЗЫК вариативно реализован в конкретных национальных языках. Грамматические категории разных языков причудливым образом отражают его универсальные понятийные (семантические) категории. С другой стороны, сознание человека всегда этнически обусловлено и существует «неразрывная связь языковых форм с формами национальной духовности»². Иначе говоря, законы конкретно-национальных языков накладывают отпечаток на механизм протекания мыслительных операций, оказывая наиболее глубокое и трудно устранимое интерферирующее влияние.

1.1. Языковая форма мышления предопределяется тем, что в коллективном сознании носителей языка язык дан в виде

¹ См.: Золотова Г. А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. изд. 2-е, испр. Москва: Эдиториал УРСС, 2001. 440 с.

² Безлепкина Н. И. Философия языка в России: к истории русской лингвофилософии. Санкт-Петербург: Искусство, 2001. С. 124.

«структуры языкового сознания»¹, или структуры категорий*. Естественно-языковая категоризация — это «печать» когнитивного опыта лингвоэтнической общности: в категориях фиксируется объективная реальность о Языке. Под «категориями» Языка понимаются членение языкового континуума на различные множества средств выражения того или иного понятийного содержания. Принято говорить о следующих естественно-языковых категориях: грамматических (морфологических, словообразовательных и синтаксических), лексико-грамматических категориальных классах ЧР, лексико-грамматических разрядах слов внутри ЧР, лексико-семантических группировках на базе понятийных категорий, имеющих весьма причудливый характер в разных языках и др.

**Прим. автора – Структура определяется: 1) как «сеть устойчивых и упорядоченных связей объекта, обеспечивающих его целостность и тождественность самому себе, т. е. сохранение основных свойств при различных внешних и внутренних изменениях»; 2) как «строение, расположение, порядок» элементов целого, их «соотношение».*

1.2. О том, что язык описывает когнитивное пространство познающего мир коллективного сознания, писали Б. Уорф², Ф. Брюно³ и О. Есперсен⁴. Однако впервые вопрос «о воздействии норм сознания на строй языка» поставил И. И. Мещанинов⁵. По его мысли, пространство языка, как и пространство человеческого сознания, может быть структурировано только в условных границах основных логических (понятийных) категорий. Он писал: «Понятийные категории выступают непосредственными выразителями норм сознания в самом языковом строе. Они служат тем соединяющим элементом, который связывает, в конечном итоге, языковой материал с общим строем человеческого мышления, следовательно, и с категориями логики и психологии»⁶.

С. Д. Кацнельсон, развивая психологические идеи В. Ф. Гумбольдта⁷, А. А. Потебни⁸, И. А. Мещанинова, писал, что одна из задач языкознания состоит в вычленении категорий мышления, лежащих в основе грамматических категорий, специфичных для каждого

¹ См.: Кривоносов А. Т. Система классов слов как отражение структуры языкового сознания: Философские основы теоретической грамматики. Москва: ЧеРо, 2001. 845 с.

² См.: Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в зарубежной лингвистике. Москва: Иностранная литература. 1960. Вып. 1. С. 135–168.

³ См.: Потебня А. А. Мысль и язык. Избранные работы. Москва: Юрайт, 2023. 238 с.

⁴ См.: Есперсен О. Философия языка / Пер. с англ. Кобозевой И. М. Москва: УРСС, 2004. 206 с.; Есперсен О. Философия грамматики / О. Есперсен ; пер. с англ. Москва: КомКнига, 2006. 406 с.

⁵ См.: Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. Москва: Издательство АН СССР, 1945. С. 5; 10; 15.

⁶ Мещанинов И. И. Понятийные категории в языке // Труды Военного института иностранных языков. Москва, 1945. № 1. С. 15.

⁷ См.: Радченко О. А. Язык как мирозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. 3-е изд., стер. Москва: КомКнига, 2006. 312 с.

⁸ См.: Потебня А. А. Мысль и язык. Избранные работы. Москва: Юрайт, 2023. 238 с.

языка, в выявлении сложных путей, ведущих от значения грамматических форм к грамматическим категориям и категориям мыслительным, поскольку всякая (или почти всякая) грамматическая категория имеет психологическое (понятийное) основание.

2. Идеи И. И. Мещанинова и других отечественных и зарубежных когнитивистов нашли свое развитие в современном лингвистическом направлении — ФППМЯ (до 2016 года ФКЛМЯ)¹.

Примечание – Ввиду важности процитируем значительный по объему фрагмент и з работы основателя данного фундаментального прикладного лингвистического направления М. В. Всеволодовой: «Ввиду того, что собственно академическая наука, собственно теоретическая лингвистика традиционно направлена на решение своих собственных, внутренних задач и практически в подавляющем большинстве случаев не отвечает запросам прикладных направлений, которые вынуждены сами решать в т. ч. и фундаментальные вопросы теории языка, к настоящему времени сложилось целостное и очень продуктивное направление, которое можно назвать функционально-коммуникативной лингводидактической моделью языка, в арсенале которой скопилось достаточно много лингвистических разысканий, большая часть которых вошла на равных в общую базу современной лингвистической парадигмы. Это направление характеризуется тремя принципиальными отличиями от чисто академической науки.

Во-первых, в отличие от чистой теоретической русистики для этого направления важна не просто фиксация фактов языка, чем ограничивается чистая теория, и даже не только их возможное объяснение, что предлагают некоторые направления современной лингвистики, нам нужны чёткие формулировки алгоритмов построения речевых единиц, алгоритмы употребления языковых единиц в речи, поскольку... конечной целью является... обучение синтезу, продуцированию русского текста, адекватного внелингвистическим условиям общения...

Во-вторых, мы не можем рассматривать русский язык только сам по себе, мы все время имеем дело с русским языком в его теснейшем контакте с языковым сознанием носителей других языков, что позволяет порой увидеть в нем вещи, не распознаваемые изнутри, с одной стороны, и часто увидеть в одном языковом объекте очень разные аспекты, высвечиваемые именно зеркалами разных языков.

В-третьих, мы имеем дело с языком как системой функционирующей, динамичной, а не статичной»².

2.1. Формальный взгляд на грамматику идет от метаязыка описания, представляющего систему этноуникальных лингвистических категорий и грамматика, как наиболее организованная часть языка, традиционно предлагается учащимся в традиционном, описательном ключе. Формальный подход к описанию русского языка, продиктованный особенностями языкового строя, безусловно, необходим. Лингвистическим материалом русского языка

¹ Всеволодова М. В. Поля, категории и концепты в грамматической системе языка // ВЯ. 2009. № 3. С. 76.

² Всеволодова М. В. Отзыв о диссертации Дэн Ин на тему «Семантика и функции глагольных форм прошедшего времени совершенного и несовершенного вида в русском языке в зеркале китайского»: на правах рукописи. Москва, 2006. 5 с.

(основными принципами языковой структуры) определяется необходимость рационального запоминания (усвоения) парадигм склонения, спряжения и форм немотивированного управления в РЯ. С позиций *теории речевой деятельности* совершенно очевидно, что атомарное описание грамматических явлений, таких как падеж или грамматический вид и время глагола, категория залога и другие — это традиция прошлого, дань грамматическому подходу в методике. Кроме того, с позиции носителя другого языка получается, что *икс* описывается через *игрек*.

2.2. Когда грамматика стала рассматриваться глазами инофона, грамматическая подача материала кардинальным образом поменялась. Благодаря исследованиям, выполненным в рамках ФКЛДМЯ в сопоставительном ключе в прикладных (дидактических) целях, стало очевидно, что и методика, и практика РКИ нуждаются в педагогически ориентированной модели описания русского языка¹.

Примечание – В данном ключе под руководством проф. М.В. Всеволодовой были выполнены пионерские исследования носителями разных языков. См., например: Ван Я. Модели русских предложений с предикатами эмоционального отношения и состояния в зеркале китайского языка // Вестник МГУ. Серия филологическая. 2005. № 6. С. 139–155; Всеволодова М. В., Али М. А. Система русских приставочных глаголов движения (в зеркале персидского языка). Москва: Диалог-МГУ, 1998. 140 с.; Всеволодова М. В. Ким Т. Ч. Система значений и употреблений форм настоящего времени русского глагола (в зеркале корейского языка) Фрагмент фундаментальной прикладной грамматики. 3-е изд. Москва: ЛЕНАНД, 2015. 136 с.; Всеволодова М. В., Шуфень Г. Классы моделей русского простого предложения и их типовых значений. Модели русских предложений со статальными предикатами и их речевые реализации (в зеркале китайского языка). Москва: АЦФИ, 1999. 169 с.; Насруддин А. Опыт лингвометодического описания: дисс. ... канд. филолог. наук. Москва: Институт русского языка им. А. С. Пушкина, 1985. 200 с. и др.

Теория ФППМЯ строится на методологической основе психолингвистики и когнитивистики, в ней успешно реализуется подход к рассмотрению языковой структуры (языковых категорий и механизмов речи) в качестве репрезентантов универсального и уникально-языкового содержания². Методологический принцип ФППМЯ формулируется как «учет фундаментальных характеристик языка при формировании лингвистической компетенции»³.

¹ См.: Всеволодова М. В. К вопросу о методологиях и методиках лингвистического анализа: (на примере категорий пространственных, временных и причинных отношений). // Вестник Московского университета. 2005. Сер. 9. № 1. С. 22–49; Всеволодова М. В. К вопросу о методологиях и методиках лингвистического анализа (на примере категорий пространственных, временных и причинных) // Вестник Московского университета. 2005. Сер. 9. № 2. С. 9 –34.

² См.: Амиантова Э. И. Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка ...

³ Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: учебник. Москва: Издательство МГУ, 2000. С.8.

Иностранец едва ли когда-нибудь научится думать на чужом языке; его внутренняя речь протекает на родном языке и перекодируется на подготовительных этапах. Поэтому в лингводидактическом аспекте (т. е. с точки зрения семантики, функций и употребления языковых единиц) предпочтительнее ономастические описания, отвечающие на вопрос *Почему?*. Преподаватель-практик должен иметь представление о том, чего не поймет иностранный учащийся и где вероятна ошибка, и *снабжать* его алгоритмами перекодировок универсальных семантических значений с родного на иностранный язык.

3. В рамках направления ФППМЯ за основу взят принцип методического *препарирования* языка *от смысла*, доказавший свою действенность в многолетней практике преподавания РКИ¹. Функционально-семантический подход *от смысла* доказал свою целесообразность и эффективность, так как именно этот подход максимально приближен к механизмам речевой деятельности.

3.1. Для данного подхода принципиально представление языка в виде конфигурации функционально-семантических категорий (далее — ФСК), функционально-грамматических категорий (далее — ФГК) и функционально-семантических полей (далее — ФСП). Будем исходить из того, что концептосфера каждого естественного языка формируется универсальными понятийными категориями, находящими то или иное отражение в категориях национального языка.

Примечание – В рамках функциональной грамматики, разрабатываемой школой А. В. Бондарко², под ФСП справедливо понимается единство семантических категорий и комплексов разноуровневых средств их выражения в данном языке. В концепции ФППМЯ (ФКЛДМЯ) ФСП предстает в виде арсенала лексических, грамматических и лексико-грамматических средств, представляющих национально-специфичную систему значений определенной понятийной категории конкретного языка. Хотя А. В. Бондарко не противопоставляет понятийные и семасеологические категории друг другу, считая их разными аспектами одного и того же изучаемого явления, однако он говорит о том, что понятийные категории имеют, наряду с реализациями универсальных инвариантов, также и неуниверсальные понятийные варианты – как систему «многоступенчатого семантического варьирования, в которой выявляются и неуниверсальные элементы, связанные с системой средств именно данного языка». Именно «неуниверсальные понятийные варианты» позволяют разграничивать универсальную понятийную категорию и семасеологическую категорию определенного национального языка, которая получает реализацию в соответствующих функционально-семантических и функционально-грамматических полях (ФСП и ФГП) данного языка.

¹ См.: Книга о грамматике: материалы к курсу «Русский язык как иностранный» / Под ред. А. В. Величко. Москва: Издательство МГУ, 2004. 688 с.

² См.: Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка 2002. 736 с.; Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Ленинград: Наука, 1984. 136 с.; Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики: персональность, залоговость / А. В. Бондарко [и др.]. Санкт-Петербург: Наука, 1991. 371 с. и др. работы.

Приведем имеющие методологическое значение для нашего исследования выдержки из работ М. В. Всеволодовой:

«Такие категории, как пространство, время, причина и т. п., имеют в каждом языке определенную, свойственную данному языку организацию, которую можно выявить, только исходя из данных самого языка, не навязывая ему, а извлекая из него свойственную языку и языковому сознанию его носителей смысловую организацию с учетом всех привходящих факторов, к числу которых относятся лексика, формирующая синтаксему (для существительного — именную группу) с тем или иным грамматическим категориальным и лексическим категориальным значением, распространители стержневой словоформы синтаксемы или именной группы, ее позиция в предложении, синтагматические связи, стилевая принадлежность высказывания, коммуникативная роль¹ и актуальное членение. Важно выявить основные структурообразующие единицы семантического пространства языка»².

«Как единица мироздания язык имеет два типа структурных единиц — поля и дискретные единицы. ... Несомненна адекватность понятий «функционально-семантическое» и «функционально-грамматическое» поле (ФСП и ФГП*), которым соответствуют функционально-семантические и функционально-грамматические категории (ФСК и ФГК). В рамках ФСП каждый тип языковых единиц — синтаксем, частей речи, лексических классов, предложений — формирует четко структурированные ФСК»³, что служит ярким примером, иллюстрирующим подобие внутреннего устройства Языка и структур сознания⁴.

**Прим. автора – ФГП формируются одной грамматической категорией, например, типом модели предложения.*

«...Язык есть инструмент объективации нашего мышления..., а наше мышление категориально. Это его, мышления, и вероятно, только его характеристика. По закону отражения любой инструмент должен отвечать по своим характеристикам объекту, для оперирования с которым он предназначен. И в этом отношении язык отражает категориальность мышления как способ упорядочения, организации познаваемых явлений»⁵.

¹ См.: Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. Москва: Языки славянской культуры, 2001. 384 с.; Всеволодова М. В. Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложений / М. В. Всеволодова, О. Ю. Деметьева. Москва, 1997. 171 с.

² См.: Всеволодова М. В. Поля, категории и концепты в грамматической системе языка // ВЯ. 2009. № 3. С. 76.

³ См.: Всеволодова М. В. Язык и его место в мироздании: к вопросу об актуальной грамматике // Вестник МГУ. 2010. № 6. С. 7–35.

⁴ См.: Всеволодова М. В. Функционально-семантические поля и функционально-семантические категории...; Всеволодова М. В. Поля, категории и концепты ...

⁵ Всеволодова М. В. Язык и его место в мироздании ...

«Мы думаем, что введение понятийных (логических) категорий, принципиально отличных от собственно грамматических (Брюно, Есперсен и, особенно [Мещанинов 1945], где показано, что эти категории не просто описываются языком, а по-своему встроены в каждый язык, во многом определяя его типологию), а затем и функционально-семантических полей (ФСП) как национально детерминированных реализаций некоторых типов понятийных категорий¹, как раз и позволяет понять наличие таких переходных случаев как один из механизмов функционирования языковых категорий.

Можно предположить, что категория состояния и модальные слова были введены Л. В. Щербой и В. В. Виноградовым в число категориальных классов слов — частей речи — именно в силу отсутствия или неразработанности в лингвистической парадигме того времени этих понятий. Мы относим к категории частей речи традиционно включаемые в нее полнозначенательные и служебные слова, а категорию состояния, как и категорию модальности, включаем в состав ФСП в частности и потому, что включение онтологической (состояние) и ономаσιологической (модальность) категорий в состав метаязыковой (грамматической) категории частей речи резко нарушает ее гомогенность»².

3.2. В результате представления о реализации понятийных категорий в языке была создана и разрабатывается Теория функционально-семантических полей. В естественном языке способ выражения каждой понятийной категории варьируется от языка к языку и может быть лексическим, грамматическим, лексико-грамматическим, смешанным. Вместе с тем вопрос об отношении понятийных категорий к языковым далеко не простой, так как под понятийными категориями могут подразумеваться как логические категории (в смысле О. Есперсена и Луи Ельмслева), так и семантические категории (в смысле И. И. Мещанинова, Л. В. Щербы, М. В. Всеволодовой)³.

4. Грамматическое в языке является наивысшей формой абстракции семантических значений. Грамматическая категория более «наглядна», так как в любом человеческом языке существуют способы материализации с помощью формальных маркеров главных для данного языка морфологических категорий. «Грамматическая категория определяется как множество взаимоисключающих значений, обязательное для некоторого естественного подкласса словоформ данного языка»⁴. Под «универсальным грамматическим

¹ См.: Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. Пособие для студентов и учителей. Ленинград: Просвещение, 1967. 190 с.

² См.: Всеволодова М. В. Указ. соч. 2010.

³ См.: Шубина О. Ю. Семантические и понятийные категории как основа для сопоставления различных языков // Вестник КРСУ. 2003. Т. 3. № 1. URL: <http://www.krsu.edu.kg/vestnik/2003/v1/a11.html> (дата обращения: 16.05.2023).

⁴ Плунгян В. А. Общая морфология: введение в проблематику: учебное пособие. 2-е изд., испр. Москва: УРСС, 2003. С. 109.

набором» понимается «пространство смыслов, из которого каждый язык выбирает некоторую часть для выражения средствами своей грамматической системы»¹.

4.1. В результате «полевого» представления языка в функционально-коммуникативной лингводидактической (педагогической) модели языка понятие Языковой категории² претерпело закономерное развитие: понятие о языковых категориях было дополнено представлением о семасеологических и ономасиологических категориях. Семасеологические категории обеспечивают формальную правильность речевых построений, хотя не все из них в одинаковой степени «безразличны» к семантике, поскольку язык есть форма (В. фон Гумбольдт). Ономасиологические категории существуют в некотором множестве единиц языка, объединенных общим понятийным признаком.

Для нас существенно, что так называемые «естественные» категории имеют непосредственное воплощение на уровне грамматики языка в виде морфологических категорий — частей речи и лексико-грамматических разрядов слов внутри каждой части речи, лексических группировок и т. п. «Ономасиологическая, или понятийная, категория — это результат понимания того, что категории, являясь средством объективации знаний о реальном мире, в своем языковом выражении не всегда опираются на морфологические парадигмы. Категории часто не получают четкого морфологического выражения. Ономасиологическая категория — это некоторое языковое множество, члены которого объединяются общим смысловым признаком и являют собой структуру, «скелет» функционально-семантического поля. С языковой точки зрения ономасиологические категории являются межуровневыми. Наполненные конкретным языковым материалом, они образуют функционально-семантические категории, или поля»³.

4.2. Способ представления каждой понятийной категории варьируется от языка к языку и может быть лексическим, грамматическим, лексико-грамматическим, комбинированным (ФСП) в зависимости от уровня абстракции понятийной категории. ФСП — это единство лексического и грамматического в языке. Принципиальная характеристика ФСП — наличие микрополей в его составе.

В матрицу основных концептов (ФСП) М. В. Всеволодовой включены следующие универсально-понятийные (семантические) категории, реализующиеся в ФСП конкретного национального

¹ Портнов А. Н. Язык и сознание: основные парадигмы исследования в философии XIX–XX вв. Иваново: ИвГУ, 1994. С. 225.

² См.: Драгунов А. А. Исследования по грамматике современного китайского языка. Части речи / Академия наук СССР; Институт востоковедения. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1952. Т. 1. С. 49–51.

³ См.: Книга о грамматике...

языка: ФСП Пространства, Бытийности, Характеризации, Действия, Состояния, Времени*, Отношения, включая категорию Принадлежности, Определительности и Обусловленности с более частными значениями: Уступки, Цели, Причины, Условия, Следствия. Выявление семантических структур ФСК в составе перечисленных ФСП позволит описать объект — семантический Язык — максимально адекватно структуре человеческого сознания, эксплицировав «внутреннюю форму» языка, смысловые связи его элементов, что и будет являться бесспорным фактором оптимизации процесса обучения, преодолевающим культурные и лингвистические барьеры.

Примечание – ФСП аспектуальности, формируемое взаимодействием ФСК именной и наречной темпоральности и функционально-грамматической категорией (ФГК) глагольного вида.

4.3. Представление языковой материи в виде ФСП предполагает ономазиологический подход от содержания к форме выражения. Как подчеркивает М. В. Всеволодова, основу формирования ФСП составляет содержательный аспект; спецификой категоризирующего человеческого сознания объясняется структурирование ФСП как категории, то есть его представленность в системе оппозиций¹. Таким образом, поле — универсально-семантическая категория, рассматриваемая вместе с комплексом разноуровневых средств своего выражения в конкретном языке, структурированных в виде ФСК.

4.4. Разграничение ФСП и ФСК для лингводидактики принципиально, так как позволяет увидеть за идиоэтнической реализацией универсальное лингвистическое содержание. Под ФСК мы будем понимать категориальную структуру значений, образованную единицами одного уровня языка: «ФСК есть двуединство системы значений и одного категориального языкового средства, формирующего эту систему»². ФСК как национальное проявление универсальных понятийных категорий в разных языках различаются по двум направлениям: в плане выражения на поверхностно-языковом уровне и в плане содержания на уровне семантики.

Вопрос о взаимодействии ФСП и ФСК подробно рассмотрен на материале семантической категории Времени. Рассмотрение особенностей функционирования разноуровневых языковых средств, сгруппированных на семантической основе, стало реальностью отечественной лингводидактики³. Различие ФСП и ФСК носит структурный характер. ФСП как система разноуровневых средств языка, объединенных общим семантическим содержанием, имеет сферическую континуальную структуру, в которой противопоставляются центр (ядерная зона) и периферия. Поле

¹ См.: Всеволодова М. В. Поля, категории и концепты ...

² Там же. С. 86.

³ См.: Книга о грамматике ...; Метс Н. А. Указ. соч.

предстает как полицентрическое образование, структурированное с помощью ФСК. Разграничение ФСП и ФСК для лингводидактики принципиально, т. к. позволяет увидеть за идиоэтнической реализацией универсальное лингвистическое содержание.

Вместе с тем Поле и Категория составляют органическое единство: формирующие поля ФСК могут пересекаться, создавая пересечение ФСП. Пересечение ФСП происходит в ядерной зоне и не затрагивает периферию. Пересечение нескольких полей образует свое поле с «минусовым» центром, где все характеристики этих полей выражены минимально. ФГП формируются одной грамматической категорией (например, типом моделей предложения, возможно, логическими типами ПВ, лексико-грамматической валентностью, типами предикатов, синтаксическими классификациями лексики и др., к анализу таких категорий лингвистика только подошла).

5. Исследования ФСК, представленные в работах М. В. Всеволодовой и ее учеников, показывают, что ФСК конкретного национального языка могут быть представлены в структурном отношении как дихотомические оппозиции (дендрограммы). Конкретные категориальные значения формируются на основе двух множеств признаков, наличие и совмещение которых в каждом классе языковых единиц данной категории может быть представлено в виде матрицы (таблицы). Оппозиции по степени маркированности признака бывают эквиолентными, привативными и градуальными, дизъюнктивными¹, а по степени регулярности проявления признака – пропорциональными и изолированными. Данный принцип описания используется в настоящей работе, что позволяет производить контрастивные межъязыковые описания в функционально-коммуникативном аспекте.

5.1. Понимание ФСК как системы оппозиций содержит операциональные принципы предъявления конкретно-языковых значений в иностранной аудитории: по семантическим компонентам. Для установления межъязыкового сходства (универсалий и фреквенталий) и различий необходимо выявлять структуры категориальных значений и искать межкатегориальные взаимодействия на уровне речевых реализаций. Эта задача в определенной степени решена далее, в частности, показано, что, несмотря на этнолингвистические различия, основные контуры ФСК локативности, темпоральности, количественности и аспектуальности в русском и китайском (и, идимо, во всех естественных языках) совпадают.

5.2. Введение ФСП и ФСК позволяет понять устроенность языковой системы как единого сложного механизма, увидеть коммуникативную предназначенность (функцию) грамматических категорий.

¹ Белошапкина В. А. Современный русский язык: учебник / Белошапкина В. А. [и др.]; под ред. В. А. Белошапкиной. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Азбуковник, 1999. С. 225.

Представление языковой системы в форме функционально-семантических полей ФСП и функционально-семантических категорий ФСК как национально-детерминированной реализации семантических категорий имеет много преимуществ перед уровневым описанием языка, так как, отражая бытование языковой системы в сознании, согласуется с данными психолингвистики (теории речевой деятельности А. А. Леонтьева [и др.]¹), объясняет и учитывает требования семантической согласованности синтагматической организации языковых единиц в высказывании.

§ 11. Обоснование метода «Грамматического навигатора», реализующего опору на родной язык учащегося при формировании его коммуникативной компетенции

В настоящее время коммуникативная компетенция определена как совокупность компетенций: лингвистической, социолингвистической, дискурсивной, стратегической, социальной, социокультурной и других. Формирование лингвистической компетенции (ЛК) как основы коммуникативной компетенции инофона предполагает удовлетворение инструментальных потребностей учащегося для практического решения им коммуникативных задач. ЛК обеспечивается практическим владением грамматическим строем и нормами изучаемого языка, необходимым и достаточным уровнем сформированности речевых стереотипов.

Примечание – Термин «коммуникативная компетенция» в отечественную лингводидактику ввел М. Н. Вятютнев в докладе на III конгрессе МАПРЯЛ в 1976 году. Под коммуникативной компетенцией понимается «выбор и реализация программ речевого поведения в зависимости от способности человека ориентироваться в той или иной обстановке общения»². В объем коммуникативной компетенции включалась языковая компетенция, которая определялась как приобретенное интуитивное знание правил, лежащее в основе построения глубинных структур, преобразуемых с помощью семантических, синтаксических, морфологических и фонологических правил в процессе порождения речи. Позднее коммуникативная компетенция стала пониматься как способность к общению в одном, нескольких или всех видах речевой деятельности³. А. Н. Щукин конкретизирует понятие «коммуникативная компетенция» как «способность реализовывать лингвистическую компетенцию в различных условиях речевого общения»⁴.*

¹ См.: Леонтьев А. А. Общая методика обучения иностранным языкам: хрестоматия. Москва: Русский язык, 1991. 360 с.

² См.: Вятютнев М. Н. Коммуникативная направленность обучения русскому языку в зарубежных школах // Русский язык за рубежом. 1977. № 6. С. 38–45; Вятютнев М. Н. Теория учебника русского языка как иностранного. Москва: Русский язык, 1984. С. 78–90.

³ Изаренков Д. И. Базисные составляющие коммуникативной компетенции и их формирование на продвинутом этапе обучения студентов-нефилологов // Русский язык за рубежом. 1990. № 4. С. 54

⁴ Азимов Г. Э., Щукин А. Н. Новый словарь лингводидактических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). Москва: ИКАР, 2009. С. 109.

**Прим. автора – Отечественная лингводидактика начала развиваться поступательными темпами в 30-е гг. XX века. В 60–70-е гг. наблюдается становление лингводидактики как науки. Отметим, что одним из ведущих научных направлений в то время было создание национально-ориентированных учебных материалов и пособий. Новейший этап лингводидактики был связан с разработкой модулей обучения. Под модулем понималось профилирование обучения (выделяются филологический и нефилологический профили) и разграничение уровней владения языком с описанием компетенций учащихся.*

Отрицательный материал¹ говорит о необходимости прогнозирования ошибок и коррекции представлений китайских учащихся о лингвистически релевантных характеристиках единиц русского языка. Овладевая иностранным языком с нуля в языковой среде, иностранные учащиеся методом проб и ошибок «выводят» закономерности, которые уточняются в практической (речевой) деятельности. Однако по причине больших цивилизационных и языковых различий между русскими и китайцами проконтролировать адекватность формируемой в сознании учащегося модели системы изучаемого (русского) языка практически невозможно. Интерференция системы родного языка учащегося связана со значительным расхождением языковых систем (в данном случае — в типологически далеких языках, «несущих» в себе далеко отстоящие этно-специфические картины мира), репрезентирующим лингвистическую (семантическую) уникальность значений и функций языковых единиц.

Идеально, если бы преподаватель-русист владел языком учащегося или если бы в национально-ориентированных УМК содержался лингвистически и методически корректный комментарий на родном языке учащегося. Однако российский преподаватель имеет относительно небольшие возможности этого в силу отсутствия общего метаязыка описания (учащийся только приступает к изучению русского языка, а преподаватель-русист, как правило, имеет весьма смутное представление о строе китайского языка, или не имеет его вообще). Второе также труднодостижимо, т. к. исследования языка другой типологии (аналитический язык изолирующего строя) оказываются слишком сложными для не китайцев. Явно недостаточно работ, посвященных интерференции китайского языка в процессе овладения русским языком. В связи с этим встает проблема реализации важного методического принципа учета языка учащегося или опоры на него.

Принципа учета языка учащегося предполагает не только и не столько знание преподавателем-русистом языка учащегося. В глубоко содержательной работе Л. П. Юдиной, сохраняющей свою научную ценность до сегодняшнего дня, отмечается, что преподаватель

¹ Щерба Л. В. Указ. соч.

отбирает материал, выделяет трудные темы, варьирует поворот темы в той или иной национальной аудитории, исходя из знания «особенностей родного языка учащихся дает возможность преподавателю предвидеть возможные ошибки в речи учащихся и предупредить их». «Зная специфику родного языка в сравнении с русским и трудности, возможные при усвоении учащимися того или иного явления <...>, преподаватель должен излагать тему в такой последовательности, с таким подбором соответствующих упражнений, которые помогут учащимся быстро и легко преодолеть эти трудности»¹. Явления, имеющие соответствия в родном языке, могут быть пройдены без детальной разработки.

В китайской аудитории практически вся морфология русского языка и многие синтаксические модели оказываются в зоне интерферирующего влияния, поэтому методический принцип учета языка учащегося не может свестись к выбору грамматических тем для обязательного и факультативного изучения, формулировкам заданий и выбора типов упражнений (хотя, безусловно, все это очень важно).

В условиях, когда преподаватель не владеет языком учащегося, рассматриваемый методический принцип стал пониматься как принцип опоры на язык учащегося, реализуемый, прежде всего через перевод. Однако исследования показывают, что метод перевода существенно тормозит развитие спонтанной речи иностранного учащегося, на этом основании отечественная коммуникативная методика практически отказалась от использования переводного метода.

Примечание – Имеется и так называемый «языковой барьер», который связан с тем, что учащиеся достаточно хорошо знают грамматические правила иностранного языка, но часто не умеют использовать их при порождении высказывания, т. к. не имеют речевой практики. Данные проблемы больше характерны не только для студентов, обучающихся в неязыковой среде в КНР, но и для студентов, проживающих компактно и обучающихся в мононациональных группах.

Применительно к контингенту учащихся-носителей языков не «среднеевропейского стандарта» основоположный методический принцип учета родного языка (равно как и ментальности) либо опоры на него на практике реализуется недостаточно. В качестве решения данной проблемы предложен метод «грамматического навигатора», основанный на прямом и обратном учебном переводе, но не сводимый к нему. «Грамматическим навигатором» мы назвали представление лингвистической информации по принципу соотношения сходных по внеязыковому (денотативному) содержанию синтаксем и синтаксических конструкций. Впервые в педагогических

¹ Юдина Л. П. Указ. соч. С. 13–19.

целях сопоставление структур типологически далеких языков на уровне синтаксиса было проведено в 1985 году¹.

Существенной проблемой является выбор языковых структур, включаемых в навигатор. Типологические различия языков связаны с различиями языковых категорий по их статусу и структуре, в чем и выражаются различия «языковых картин мира». Очевидно, что перекодировке могут подвергаться лишь то, что имеет общее содержание при различии формы выражения. Естественно, что речь должна идти о языковых средствах выражения универсальных понятийных категорий: на понятийном уровне есть только один человеческий ЯЗЫК, элементами которого являются понятийные, или семантические, категории.

В лингводидактических целях обучения русскому языку как иностранному принципиальна опора на универсальные понятийные (семантические) категории — ФСК, которые структурированы системой категориальных значений средств одного порядка — именных групп. Систематизированное представление лексико-грамматического материала позволяет глубже осознать различия в плане формирования и выражения универсально-языкового смысла и выявить этно-уникальные значения в периферийной зоне ФСК иностранного языка, тем самым осуществляя опору на язык учащегося.

Принцип минимизации материала и его концентрической подачи требует фрагментарного представления ФСП и ФСК на каждом этапе изучения русского языка как иностранного, в связи с чем, закономерна известная вариативность полноты предъявления ФСК в Навигаторе. Навигатор именных синтаксисов для начального этапа организован по принципу *от грамматической (падежной) формы*. По мере расширения объема знаний студентов о системе именных групп и обслуживаемых ими семантических категорий пополняется репертуар значений и требуется их классификация *от смысла*, т. е. в виде семантической конфигурации конкретной ФСК: темпоральности, локативности, атрибутивности, каузативности, субъектно-объектных ролей.

Метод «грамматического навигатора» способствует «переакцентировке» культурно-нормативных действий учащегося, направляя его мыслительные усилия на наблюдение и анализ форм родного и изучаемого языков, тем самым формирует когнитивные аналитические стратегии, необходимые для европейской (в т. ч. русской) социализации: членения, сравнения, осознания принципов организации частей в целое, вербального ассоциирования, контекстной догадки.

Материалы грамматического навигатора могут быть использованы на различных этапах обучения: на этапе презентации именных и наречных групп, на этапе формирования речевых стереотипов,

¹ См.: Насруддин А. Указ. соч.

систематизации лексико-грамматической информации в корректировочном курсе и при повторении изученного (например, при подготовке к экзамену ТРКИ-1).

Примечание – Указанный способ организации лексико-грамматического материала доказал свою эффективность в аудиториях китайских студентов-русистов бакалавриата и магистратуры в условиях китайского и российского вуза.

Так, контрастивное предъявление лексико-грамматического материала РЯ в зеркале китайского языка было использовано в целях коррекции грамматической базы китайских учащихся второго курса, обучавшихся по УМК «Восток», часть 1 и 2, в условиях китайского вуза. Применение навигатора позволило за одно занятие снять лингвистический барьер учащихся, связанный с непониманием значений и употреблений именных групп, входящих в лексико-грамматический минимум соответствующего этапа обучения.

Для магистрантов-русистов второго года обучения (уровень профессионального владения РКИ) был предложен «грамматический навигатор» по ФСК именной локативности, представленный оппозициями основных значений достаточно полно¹. Охват структуры значений ФСК ИТ дал возможность систематизировать имеющиеся знания на «онтологической» основе и определить семантические лакуны китайского языка.

Использование предложенной организации лингводидактических единиц позволяет научить студента за различием плана выражения структурно разных языков видеть общность мыслимого содержания и соотносить формальные различия предложно-падежных форм (синтаксем) с различиями в репрезентируемом содержании; избавить студента от интерферирующего лингвотодического стереотипа, во многом продиктованного языковой типологией морфологически *бедного* китайского языка, и привести его к целостному представлению о русской грамматике как о семантическом (смысловом) языковом механизме.

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОМУ РАЗДЕЛУ

В первом разделе был определен круг поиска путей оптимизации обучения носителей типологически иных языков (на примере китайского языка). Кратко изложим основные результаты.

С целью выявления основных интерферирующих факторов обучения китайских граждан в условиях российского вуза, в первом разделе был обсужден широкий круг вопросов.

Мы опираемся на понятие языковой личности², и на тезис о том, что овладение иностранным языком тем полнее, чем более глубокие уровни вторичной языковой личности формируются в процессе обучения.

В качестве интерферирующих рассмотрены основные факторы китайского этносубъекта обучения — языковой типологии,

¹ См.: Всеволодова М. В. Указ. соч. 2000. 502 с.

² См.: Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. Москва: Эдиториал, 2010.

языковой картины мира, национальной лингводидактической традиции. Все названные факторы определяют структуру языковой личности обучающегося — сформированные онтогенезом *в лоне* родного языка и культуры особенности восприятия, памяти, мыслительных стратегий, стратегий и тактик обучения и общения. При всех существенных особенностях, «когнитивная база» китайского этносубъекта обучения вряд ли может быть изменена, но должна быть учтена в программах обучения и типологии обучающих материалов, а также при подготовке преподавателей-русистов для работы с этим национальным контингентом.

2. Большое значение имеет лингвокультурный барьер, связанный с глубокими различиями национально-культурных традиций и условий быта, запечатленных в языке в безэквивалентной лексике и иных содержательных (коннотативных) составляющих лексикона. Различия такого рода могут приводить к парадоксальным ошибкам, причины которых, как правило, лежат в области языковой типологии и фоновых знаний.

3. Важнейшим по степени интерферирующего влияния фактором признается языковой барьер, создаваемый типологической дистанцией между РЯ и КЯ. Языковая типология (анализм) КЯ определяет принципы языкового кодирования, принципиально отличающиеся от языковой структуры синтетического по типу флективного РЯ. Преподаватель должен понимать структурные расхождения родного и изучаемого языков и уметь (иметь возможность) доносить эту информацию до учащихся уже на начальном (доречевом) этапе, с тем, чтобы учащиеся могли преодолевать ложные стереотипы, сформированные под влиянием национальной лингвометодической традиции китайского языка (были нацелены на изучение не только лексики, но и морфологии на синтаксической основе) — понимали важность грамматических категорий, их словообразовательных и словоизменительных формантов.

4. Существенным интерферирующим фактором мы считаем расхождения национальных лингвометодических традиций. Несмотря на огромные достижения китайской русистики в целом, китайские преподаватели остаются под влиянием парадигмы родного языка — языка иной типологии. Так, китайская лингвометодическая традиция широко использует подстрочный перевод и объяснение преподавателя на родном языке учащегося.

Отечественную методическую школу не может удовлетворять и тот факт, что в силу сложности обучения русскому языку, ожидающих студента-китайца в России, студенты-русисты ориентируются на получение лингвистического образования в области русского языка в условиях китайского национального вуза.

Наша методика должна отвечать потребностям учащихся с родным языком иной типологии — в т. ч. китайским. Выявленные объективные причины, препятствующие формированию коммуникативной и собственно-лингвистической компетенций в предусмотренные программой сроки, подсказали необходимость анализа предлагаемых инофонам методических материалов под новым углом зрения, а именно — в зеркале языка учащегося. Анализ имеющихся в нашем распоряжении отечественных и китайских УМК показал ряд проблем отбора, систематизации и представления лингвистического материала и позволил сделать следующие выводы.

4.1. В условиях глубоких расхождений культурно-языковой реальности русских и китайцев обучение должно быть национально ориентированным. Обучение инофонов должно проходить с опорой на понятийные (логические и семантические) универсалии. Моделирование языка в целях лингводидактики должно быть осуществлено на базе понятийных категорий в смысле И. И. Мещанинова, формирующих ФСП, ФСК, ФГК. Универсалии более частных уровней предстоит выявлять.

4.2. Среди выработанных в соответствии с целями и задачами обучения РКИ принципов отечественной лингводидактики следует особо подчеркнуть в связи с решаемыми в работе задачами принципы сознательности обучения и учета родного языка учащегося. Последовательная их реализация является основой овладения иностранным языком. Однако осуществление принципа учета языка учащегося (опоры на язык учащегося) ввиду объективных причин — не владения языком учащегося и незнания российскими преподавателями РКИ принципов языковой структуры — на сегодняшний день нельзя признать удовлетворительным. Необходимы усилия российских и китайских коллег по методическому осмыслению лингвистических барьеров китайских учащихся с целью создания адекватного языковым системам русского и китайского языков комментариев, основанных на принципах функционально-коммуникативной фундаментальной грамматики, то есть с учетом семасиологического и ономасиологического характера комментируемых категорий русского языка.

4.3. Для перекодировки мыслительного содержания, заложенного в грамматические структуры изучаемого языка, иностранцу требуется адекватная и максимально полная экспликация функционально-коммуникативных характеристик языкового средства выражения, что, собственно, и составляет содержание педагогически ориентированной модели языка. Для практических нужд РКИ необходимы развернутые и последовательные национально-ориентированные описания языков, включающие материал сопоставительного лингвистического анализа, что позволит определить

зоны интерферирующего влияния и пути его преодоления. Эта задача частично решается нами в дальнейшем изложении.

5. Для коммуникации на иностранном языке необходимым условием признается сформированность речевых умений — т. е. умений перекодировки мыслительного содержания на основе универсального «семантического языка» и других законов естественного Языка. Задача лингводидактики видится нам в том, чтобы научить учащегося производить мыслительные операции по переводу внутренней речи с родного языка на иностранный максимально эффективно. Это означает, что учащийся должен не запоминать и вспоминать, а транспонировать единицы своего языка в систему изучаемого иностранного языка, используя предложенные нашей лингводидактикой механизмы языковых перекодировок. Пока наша грамматика для китайских учащихся данными грамматическими алгоритмами не располагает, и объяснительной не является.

6. Для реализации принципа опоры на язык учащегося и методически-корректного представления русской грамматической системы в начальном курсе РКИ преподавателю-практику необходимо знание основных принципов языковой структуры языка учащегося; осознание данного факта и стало стимулом для нашего исследования.

7. В целях реализации принципа учета языка учащегося необходимы сопоставления русских и китайских языковых структур. Контрастивный анализ в учебных целях позволяет решать важнейшие лингводидактические задачи, связанные с экспликацией правил перекодировки, что, в свою очередь, ведет к существенной оптимизации процесса обучения за счет осознанной корректировки грамматических стереотипов учащихся. Перевод лингводидактических единиц (а не текстов или предложений!) выступает как форма представления «от смысла» и позволяет выявить случаи семантического перераспределения и выработать алгоритм перекодировки универсального мыслительного содержания средствами изучаемого языка на основе анализа языковых структур сопоставляемых языков.

8. Реализация принципа учета родного языка учащегося в мононациональной аудитории носителей типологически иных языков нам видится в том, чтобы включить в учебники выполненные «сквозь призму инофона» лингводидактические материалы, дополняющие традиционное описание. В качестве таких материалов для учащегося мы предложили соотнесение языковых единиц изучаемого и родного языков в виде «грамматического навигатора». Использование «грамматического навигатора» как метода сопоставительного (контрастивного) анализа языковых структур типологически далеких языков при формировании грамматического умения позволяет достичь эффекта «3D» — целостного видения принципа сборки

языкового конструкта, что положительно сказывается на формировании стереотипов грамматических действий учащегося.

9. Целесообразность применения метода «Грамматического навигатора» может быть обоснована с точки зрения особенностей языковой типологии и когнитивного стиля китайского этно-субъекта обучения, а также национальных лингвометодических традиций, сложившихся под влиянием первых двух факторов. Существенно подчеркнуть, что такого рода описание не может быть сведено к простому переводу структур одного языка (русского) структурами другого языка (китайского) и что было бы неверно ставить знак равенства между нашим переводом как способом грамматической «навигации» и плохо зарекомендовавшим себя сплошным (подстрочным) переводом. Как будет показано в связи с анализом русской аспектуальности, и перевод примеров как метод объяснения не всегда целесообразен.

РАЗДЕЛ 2

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ В ГРАММАТИКЕ

Реализация принципа учета родного языка учащегося возможна при условии преемственной методики обучения, для обеспечения таковой необходима инвентаризация метаязыка русистики, ориентированного на китайскую аудиторию, и анализ китайской лингвометодической традиции в области русистики. Во втором разделе будут проанализированы основные морфологические категории русского Имени в зеркале родного языка учащегося (на примере китайского), показана типологическая (когнитивная) дистанция на уровне грамматики, предложено лингводидактические описание с учетом языка учащегося и даны рекомендации относительно порядка и приемов введения русских именных синтаксем и видовременных (аспектуальных) глагольных форм.

В главе 3 определен лингвистический минимум для китайских учащихся (филологического профиля), оптимальные способы введения лингвистических понятий русской грамматической базы. Представленные списки терминов (см. таблицы 2–5) демонстрируют лингвистические универсалии и фреквенталии, описывают лингвистическую компетенцию китайского студента подготовительного факультета и высвечивают зоны грамматической интерференции.

В главе 4 в зеркале языка учащегося рассмотрены морфологические категории русского имени существительного — одушевленности, грамматического рода, числа. Категория падежного словоизменения рассмотрена на синтаксической основе — именных синтаксем разных типов, определен порядок их введения и прогнозируемые трудности.

В главе 5 дается обоснование метода, названного «грамматический навигатор», выявляется учебный минимум именных синтаксем элементарного и базового уровня ТРКИ-1 с учетом денотативных и членопредложенческих ролей.

ГЛАВА 3

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ И СПОСОБЫ ВВЕДЕНИЯ ОБОЗНАЧАЕМЫХ ЕЮ ПОНЯТИЙ В КУРСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО ДЛЯ КИТАЙСКИХ УЧАЩИХСЯ

§ 12. Определение лингвистического минимума начального этапа обучения

В условиях российского вуза особенно остра проблема представления лингвистического знания. В отечественной лингводидактике

для всех профилей обучения на начальном этапе общепринятым является принцип минимизации лингвистической терминологии. Это особенно важно в аудитории учащихся нефилологического профиля обучения. Более полное и глубокое знание лингвистической терминологии изучаемого языка предполагает подготовка лингвистов.

Между тем опыт преподавания убеждает в том, что даже на элементарном уровне совсем без лингвистической терминологии обойтись нельзя. Терминологическая лексика может и должна быть использована преподавателем на уроке и в методических материалах как метаязык описания и объяснения изучаемых языковых явлений. Овладение метаязыком лингвистики относится к области лингвистической компетенции, поскольку лингвистическая терминология отражает национально-уникальную грамматическую систему языка, который описывается с ее помощью. Отсутствие лингвистической компетенции (терминологического минимума) русской грамматической системы снижает успехи в обучении, препятствует адекватной интериоризации языковых фактов. Считаем, что необходимо искать *золотую середину*.

На первом году обучения представлены грамматические категории и парадигмы словоизменения, репрезентирующие всю систему русского языка.

В курсе РЯ элементарного и базового уровней программой ТРКИ-1* предусматривается овладение:

1) классификацией лексики по частям речи;

**Прим. автора: Тест русского как иностранного, первый сертификационный уровень.*

2) падежной системой имен;

3) системой спряжения глаголов;

4) словообразовательными моделями основных частей речи (за исключением внутриглагольного словообразования);

5) словоизменительными категориями:

– имен: рода, числа, падежа;

– глагола: лица, наклонения, времени;

6) лексико-грамматическими категориями вида, одушевленности, собирательности, вещественности, переходности;

7) основными способами выражения всех субъектных и объектных ролей;

8) основными синтаксическими конструкциями — простых предложений, сложных сочинительных и подчинительных предложений с разными типами придаточных;

9) способами внутрисинтаксического выражения основных модальных значений: *отрицания, необходимости/ненужности, возможности/невозможности*.

Особенностью языковых категорий является их коммуникативная предназначенность: семантика грамматических форм проявляет

себя на более *высоком* уровне — в речевом построении. Парадигмы склонения и спряжения русского языка сами по себе асемантичны, поэтому общеизвестным постулатом методики РКИ является методический принцип: лингводидактические единицы вводятся на синтаксической основе, так как ряд форм (*окну, двери, мочь*) оказывается не востребуемым. Очевидно, что иностранные учащиеся на начальном этапе обучения не могут и не должны владеть понятийным аппаратом русской грамматики в полном объеме. Явления грамматики РЯ учащийся должен знать, как минимум, на «дотерминологическом», т. е. на понятийном, уровне. Очевидно, что состав специальной лексики должен умело дозироваться преподавателем в зависимости от следующих факторов:

- целей и задач обучения (краткосрочные курсы разговорного языка или долгосрочное обучение; филологический или нефилологический профиль);

- уровня владения языком (элементарный уровень или базовый уровень и уровень общего владения);

- возможностей использования терминов языка-посредника или родного языка учащегося.

В УМК «Дорога в Россию» и других базовых учебниках РКИ ряд релевантных для грамматической системы русского языка понятий вводится на понятийной основе. Это категории **частей речи, времени, глагольного вида, числа, притяжательности, обусловленности**. Вместе с тем ряд важнейших семантических категорий, таких как **переходность, предельность, определенность–неопределенность, одушевленность–неодушевленность** не вводится вообще.

Поскольку в основе всякого изучения проблем познания и понимания лежит проблема универсалий, необходима классификация объектов и средств, используемых субъектом обучения в процессе познания языковой действительности, которая позволила бы проводить межъязыковые сопоставления. Возникает проблема состава терминологических минимумов и содержания выражаемых понятий.

В таблице 2 приведем список основных терминологических понятий, составляющих терминологический минимум РЯ и КЯ. Объем терминологического минимума¹ РЯ определен методом сплошной выборки и сличения списков терминов в базовых УМК «Старт»-1, 2, 3; «Темп»-1, 2, 3; «Русский язык для всех» и «Дорога в Россию»-1, 2 и включает 35 терминов для пассивного усвоения².

¹ См.: Лингвистический максимум терминов см.: Монахова О. А. Терминологический минимум для иностранных студентов-не филологов. Хабаровск: Издательство ХГТУ, 2003. 112 с.

² См.: Монахова О. А. Лингвистическая терминология родного и изучаемого языка: тождество, различие и сходство объема понятий как фактор, влияющий на усвоение иностранного языка // Язык – культура – коммуникация: сборник материалов КАПРЯЛ. Ханчжоу (КНР): Издательство Чжецзянского университета, 2007. С. 405–412; Монахова, О. А. Терминологический минимум для иностранных студентов-нефилологов. Хабаровск: Издательство ХГТУ, 2003. 112 с.

Таблица 2 – Лингвистическая терминология, представленная в базовых УМК по РКИ старого поколения

1 Интонация	19 Совершенный вид (глагола)
2 Слог	20 Несовершенный вид
3 Ударение	(глагола)
4 Звук	21 Время
5 Гласные	22 Настоящее
6 Синонимы	23 Прошедшее
7 Антонимы	24 Будущее
8 Суффикс	25 Причастие
9 Приставка	26 Деепричастие
10 Окончание	27 Наречие
11 Существительное	28 Предлог
12 Прилагательное	29 Союз
13 Род	30 Словосочетание
14 Число	31 Предложение
15 Падёж	32 Простое предложение
16 Местоимение	33 Сложное предложение
17 Лицо	34 Сложно-подчиненное предл.
18 Глагол	35 Абзац

Примечания:

1 – В УМК «Дорога в Россию» лингвистическую компетенцию студентов-не филологов на начальном этапе обучения (часть 1 УМК) в основном составляют родовые термины.

2 – Термин «интонация» представлен видовыми значениями: в целях конкретизации использованы условные обозначения ИК-1, 2, 3, 4, 5 и схемы движения тона. ИК-6 не вводится.

3 – На терминологическом уровне почему-то не введены категориальные разряды для частей речи, а это синтаксически релевантная информация.

4 – Введены основные способы выражения модальных значений: отрицания; необходимости и ненужности; возможности и невозможности.

5 – Простые предложения в составе сложноподчиненных вступают в отношения разного типа: определительные, изъяснительные, временные, пространственные, причинно-следственные, условные, целевые, уступительные отношения, а также отношения сопоставления, сравнения, принадлежности.

С названными логико-синтаксическими отношениями учащиеся знакомятся на уровне речевых ситуаций и речевых образцов не ранее второго года обучения.

В таблице 3 приводим список терминов, систематизированных по уровням языка. Курсивом набраны термины, которые на лексическом уровне не вводятся.

Таблица 3 – Лингвистическая терминология, представленная в УМК «Дорога в Россию» издательства «Златоуст»

Раздел языкознания	Родовой термин	Видовые термины	Условные обозначения
Фонетика	Фраза		
	интонация	интонационные конструкции	ИК-1, 2, 3, 4
	Ударение		
Звуки	гласные		
	согласные	твердые	
		мягкие	
		звонкие	
		глухие	
Раздел языкознания	Родовой термин	Видовые термины	Условные обозначения
Словообразование	корень		
	суффикс		
Лексика	слово	синонимы	
		антонимы	
	фразеология		
Части речи	существительное		
	прилагательное		
	числительное		
	местоимение		
	глагол		
	наречие		
	предлог		
	союз		
Категории	род	мужской род	м.
		женский род	ж.
		средний род	ср.
	число	единственное	ед. ч.
		множественное	мн. ч.
	падеж	именительный	
		родительный	
		дательный	
		винительный	
		творительный	
		предложный	

Продолжение таблицы 3

Раздел языкознания	Родовой термин	Видовые термины	Условные обозначения
Категории	степень	сравнения (прил. и нареч.)	
		превосходная	
	лицо	первое	1 л.
		второе	2 л.
		третье	3 л.
	вид глагола	совершенный вид	СВ
		несовершен- ный вид	НСВ
	время глагола	настоящее	
		прошедшее	
		будущее	
Предложение	простое		ПП
	сложное	бессоюзное и союзное	СП
		сложноподчи- ненное	ССП
		сложноподчи- ненное	СПП
Члены предложения	подлежащее сказуемое определение дополнение обстоятельство		
Абзац			

Для сравнения в таблице 4 приведем перечень принятых при изучении родного языка в КНР и составляющих лингвистическую компетенцию выпускника китайской школы грамматических терминов*. Перевод на латинский язык-посредник полезен для тех учащихся из КНР, кто владеет другими европейскими языками (английским, к примеру).

**Прим. автора – Список заимствован из выпускной квалификационной работы Лю Цзи Сян (刘吉祥) «Лингвистическая терминология как часть лингвистической компетенции в теории и практике РКИ», защищенной на кафедре РКИ ТОГУ в 2006 году (руководитель О. А. Монахова).*

Таблица 4 – Русско-латинско-китайские терминологические соответствия

Существительное	Substantivum	名词 míngcí МИНЦЫ
Род	Genus	性xìng СИН
мужской	masculinum	男性 nánxìng НАНЬСИН
женский	femininum	女性nǚxìng НЮЙСИН
средний	neutrum	中性 zhōng xìng ЧЖУНСИН
Число	Numerus	数 shù ШУ
единственное	singularis	单数 dān shù ДАНЬ ШУ
множественное	pluralis	复数 fù shù ФУ ШУ
Падеж	Casus	格 gé ГЭ
именительный	<i>nominativus (N1)</i>	一格 yī gé; 主格 zhǔ gé ИГЭ; ЧЖУ ГЭ
родительный	<i>genitivus (N2)</i>	二格 èr gé; 生格 shēng gé ЭРГЭ; ШЭНГЭ
дательный	<i>dativus (N3)</i>	三格 sān gé САНЬГЭ
винительный	<i>accusativus (N4)</i>	四格 sì gé; 宾格 bīn gé СЫГЭ; БИНЬГЭ
творительный	<i>instrumentalis (N5)</i>	五格 wǔ gé ВУГЭ
предложный	<i>praepositionalis (N6)</i>	六格 liù gé ЛЮГЭ
Склонение, просклонять	Declinator, declinare	变格 biàn gé БЯНЬГЭ
Прилагательное	Ajectivum	形容词 xíng róng cí СИНЖУНЦЫ
качественное	qualitativum	形质形容词 xíngzhì xíngróngcí СИНЧЖИ СИНЖУНЦЫ
относительное	relativum	关系的 guānxì de ГУАНЬСИДЭ
притяжательное	possessivum	所有的 suǒyǒu de СУОЮДЭ
Степени сравнения	Gradus comparationis	形容词比较级xíng róng cí bǐ jiào jí СИНЖУН ЦЫ БИ Ц'ЗЯО ЦЗИ
положительная	positivus	原级 yuán jí ЮАНЬ ЦЗИ
сравнительная	comparativus	比较级 bǐ jiào jí БИ ЦЗЯО ЦЗИ
превосходная	superlativus	最高级 zuì gāojí ЦЗУИ ГАОЦЗИ
Полная форма	Adjectivum longum	长尾 cháng wěi ЧАН ВЭЙ
Краткая форма прилагательного	Adjectivum breve	短尾形容词 duǎn wěi xíngróngcí ДУАНЬ ВЭЙ СИНЖУНЦЫ

Продолжение таблицы 4

Местоимение	Pronomen	代词 dàicí ДАЙЦЫ
личное	persona le	人称的 rén chēng de ЖЭНЬЧЭНДЭ
притяжательное	posessivum	所有的 suǒ yǒu de СУО ЮДЭ
вопросительное	interrogativum	疑问的 yíwèn de И ВЭНЬ ДЭ
относительное	relativum	关系的 guān xì de ГУАНЬЮДЭ
определительное	determinativum	限定的 xiàn dìng de СЯНЬДИНДЭ
отрицательное	negativum	否定的 fǒu dìng de ФОУДИНДЭ
неопределенное	indefinitivum	未详定的 wèi xiáng dìng de ВЭЙСЯНЬДИНДЭ
Числительное	Numera le	数词 shù cí ШУЦЫ
количественное	cardina le	数量数词 shù liàng shùcí ШУ ЛЯН ШУЦ'Ы
порядковое	ordina le	顺序数词 shùnxù shùcí ШУНСЮЙ ШУЦЫ
собираательное	col lectivum	集合数词 jíhé shùcí ЦЗИХЭ ШУЦЫ
Глагол	Verbum	动词 dòngcí ДУНЦЫ
возвратный	ref lecxivum	反身动词 fǎnshēn dòng cí ФАНЬШЭНЬ ДОНЦЫ
переходный	transitivum	及物动词 jí wù dòngcí ЦЗИ ВУ ДОНЦЫ
непереходный	intransitivum	不及物动词 bù jí wù dòngcí БУ ЦЗИ ВУ ДОНЦЫ
Время	Tempus	时态 shí tài = 'время-залог' ШИТ'АЙ
настоящее	praesens	现在时 xiàn zài shí СЯНЬ ЦЗАЙ ШИ
прошедшее	praetertum	过去时 guòqù shí ГОЦЮЙ ШИ
будущее	futurus	将来时 jiāng lái shí ЦЗЯН ЛАЙ ШИ
Наклонение	Modus	式 shì ШИ
изъявительное	indicativus	叙述式 xùshù shì СЮШУ ШИ
сослагательное	conjunctivus	假定式 jiǎdìng shì ЦЗЯДИНШИ
повелительное	imperativus	命令式 mìng lìng shì МИН ЛИН ШИ

Продолжение таблицы 4

Вид	Aspectus	动词的体 dòngcí de tǐ ДОНЦЫ ДЭ ТИ
совершенный	perfectivus	动词体 dòngcí de tǐ ДОНЦХЫ ДЭ ТИ
несовершенный	imperfectivus	未完成体 wèi wánchéng tǐ ВЭЙ ВАНЬЧЭН ТИ
Спряжение	Conjugation, conjugare	变位 biàn wèi БЯНЬ ВЭЙ
Неопределенная форма	infinitivus	非固定式 fēi gùdìng shì ФЭЙ- ГУДИНШИ
Причастие	Partisipium	动词性动词 dòngcí xìng dòngcí ДУНЦИ СИН ДУНЦЫ
Деепричастие	Gerundium	副动词 fù dòngcí ФУ ДУНЦЫ
Залог	Genus	态 tài ТАЙ
действительный	activum	生动态 shēng dòngtài ШЭН ДУНТАЙ
страдательный	passivum	补部动态 Bǔ bù dòngtài БУ БУ ДУНТАЙ
Наречие	Adverbium	副词 fùcí ФУЦЫ
Предлог	Praepositio	前置词 qián zhì cí ЦЯНЬ ЧЖИ ЦЫ
Союз	Conjunction	连词 liáncí ЛЯНЬЦИ
Частица	Particulae	соответствие не найдено*
Междометие	Interjectio	感叹词 gǎntàn cí ГАНЬТАНЬ ЦЫ
согласование	congruentio	一致关系 yīzhì guān xì ИЧЖИ ГУАНЬ ЦЫ
управление	rectio	支配 zhī pèi ЦЖИ ПЭЙ
примыкание	adjunctio	连接词 lián jiē cí ЛЯНЬ ЦЗЕ ЦЫ
Подлежащее	Subjectum	主话 zhǔ huà ЧЖУ ХУА
Сказуемое	Predicatum	谓话 wèi huà ВЭЙ ХУА
Дополнение	Objectum	宾话 bīn huà БИНЬ ХУА
Обстоятельство	Circumstantial	补话 bǔ huà БУ ХУА
Предложение	Propositio	句子 jùzi ЦЗЮЙЦЗЫ
главное	principalis	主句 zhǔ jù ЧЖУ ЦЗЮ
придаточное	adjecta	从句 cóng jù ЦУН ЦЗЮЙ
сложносочиненное	paratactica	复合句 fù hé jù ФУХЭЦЗЮЙ
сложноподчиненное	hyrotactica	主从复合句 zhǔ cóng fùhé jù ЧЖУ ЦУН ФУХЭЦ'ЗЮЙ

Продолжение таблицы 4

повествовательное	indicative	陈述语气 chénshù yǔqì ЧЭНЬ-ШУ ЮЙЦИ
вопросительное	interrogative	疑问句 yí wèn jù ИВЭНЬ ЦЗЮЙ
восклицательное	exclamativa	感叹句 gǎntàn jù ГАНЬТАНЬ Ц'ЗЮЙ
Знаки препинания	Signa interpunctionis	标点符号 biāo diǎn fúhào БЯО ДЯНЬ ФУХАО
точка	punctum	句号 jù hào ЦЗЮЙ ХАО
запятая	comma, colon	逗号 dòu hào ДОУ ХАО
точка с запятой	semicolon	分号 fēn hào ФЭНЬХАО
восклицательный знак	signum exclamati- onis	感叹号 gǎn tàn hào ГАНЬ ТАНЬ ХАО
вопросительный знак	signum interroga-	问号 wèn hào ВЭНЬ ХАО
Звук	Vox	话音 huà yīn ХУА ИНЬ
гласный	vocalis	元音 yuán yīn ЮАНЬИНЬ
согласный	consonans	辅音 fǔyīn ФУИНЬ
Ударение	Accentus	重音 zhòng yīn ЦЖОН ЙИНЬ
гласный ударный	ccentuate	重读元音 zhòng dú yuán yīn ЧЖУН ДУ ЮАНЬ ИНЬ
гласный безударный	Non-accentuata	非重读元音 fēi zhòng dú yuán yīn
согласный	consonans	辅音 fǔ yīn ФУ ИНЬ
твердый	non-palatali	硬辅音 yìng fǔyīn ИН ФУ ИНЬ
мягкий	palatalis	软辅音 ruǎn fǔ yīn ЖУАНЬ ФУ ИНЬ
звонкий	sonoris	浊辅音 zhuó fǔ yīn ЧЖУО ФУИНЬ
глухой	surda	清辅音 qīng fǔ yīn ЦИН ФУИН
Губы	Labia	嘴唇 zuǐchún ЦЗУЙ ЧУНЬ
Зубы	Dentes	牙齿 yáchǐ ЯЧИ
Язык	Lingua	舌头 shé tou ШЭТОУ
кончик языка	acumen linguae	舌尖 shéjiān ШЭЦЗЯНЬ
спинка языка	dorsum linguae	舌背 shé bèi ШЭБЭЙ
передняя, средняя, задняя часть	pars anterior, me- dia, posterior	前部 qián bù ЦЯНЬБУ, 中部 zhōng bù ЧЖУНБУ,

Окончание таблицы 4

Нёбо	Pe letum	上腭shàng è ШАН Э
твёрдое	отсутствует	硬上腭 yìng shàng è ИН ШАН Э
мягкое	velum	软上腭 ruǎn shàng è ЖУАНЬ ШАН Э
Маленький язычок	Uvula	小舌头 xiǎo shé tou СЯО ШЭ ТОУ

Мы полагаем, что целесообразно снабдить УМК данным списком терминологической лексики. Оснащение УМК учебным лингвистическим словарем позволит «снять» ряд психологических барьеров учащихся и позволит преподавателю в первые месяцы обучения использовать условные обозначения на языке учащегося.

Списком в таблице 5 представим для сравнения лингвистическую базу китайского учащегося, поступающего на подготовительный факультет российского вуза.

Таблица 5 – Грамматические термины, принятые при изучении родного языка в Китае

语法 yǔfǎ ЮЙФА	Грамматика	词法 cí fǎ ЦЫ ФА	Морфология
句法 jùfǎ ЦЗЮЙФА	Синтаксис	词素 cí sù ЦЫ СУ	Морфема
词根 cí gēn ЦЫ ГЭНЬ	Корневая морфема	词缀 cí zhuì ЦЫ ЧЖУЙ	Аффикс
前缀 qián zhuì ЦЯНЬ ЧЖУЙ	Префикс	后缀 hòuzhuì ХОУ ЧЖУЙ	Суффикс
派生词词尾 pàishēng cí cíwěi ПАЙШЭН ЦЫ ЦЫ ВЭЙ	Словообразовательный суффикс	形态变化词 xíng tài biàn huà cí СИНТАЙ БЯНЬ ХУАЦЫ	Формообразовательный суффикс
单词 dān cí ДАНЬ ЦЫ	Простое слово	派生词 pài shēng cí ПАЙ ШЭН ЦЫ	Производное слово
复合词 fùhé cí ФУ ХЭ ЦЫ	Сложное слово	复合派生词 fù hé pài shēng cí ФУХЭ ПАЙ ШЭН ЦЫ	Ложнопроизводное слово
和构成式 hé gòu chéng shì ХЭ ГОУ ЧЭН ШИ	Сочинительная структура	偏正构成 piān zhèng gòu chéng ПЯНЬ ЧЖЭН ГОУ ЧЭН	Атрибутивная структура

Продолжение таблицы 5

语法 yǔfǎ ЮЙФА	Грамматика	词法 cí fǎ ЦЫ ФА	Морфология
句法 jùfǎ ЦЗЮЙФА	Синтаксис	词素 cí sù ЦЫ СУ	Морфема
词根 cí gēn ЦЫ ГЭНЬ	Корневая морфема	词缀 cí zhuì ЦЫ ЧЖУЙ	Аффикс
前缀 qián zhuì ЦЯНЬ ЧЖУЙ	Префикс	后缀 hòuzhuì ХОУ ЧЖУЙ	Суффикс
派生词词尾 pàishēng cí cíwěi ПАЙШЭН ЦЫ ЦЫ ВЭЙ	Словообразо- вательный суффикс	形态变化词 xíng tài biàn huà cí СИНТАЙ БЯНЬ ХУАЦЫ	Формообразова- тельный суффикс
单词 dān cí ДАНЬ ЦЫ	Простое слово	派生词 pài shēng cí ПАЙ ШЭН ЦЫ	Производное слово
复合词 fùhé cí ФУ ХЭ ЦЫ	Сложное слово	复合派生词 fù hé pài shēng cí ФУХЭ ПАЙ ШЭН ЦЫ	Ложнопроизвод- ное слово
和构成式 hé gòu chéng shì ХЭ ГОУ ЧЭН ШИ	Сочинительная структура	偏正构成 piān zhèng gòu chéng ПЯНЬ ЧЖЭН ГОУ ЧЭН	Атрибутивная структура
动宾构成式 dòng bīn gòu- chéng shì ДУН БИНЬ ГОУ ЧЭН ШИ	Глагольно- объектная структура	动补构成式 dòng bǔ gòu chéng shì ДУН БУ ГОУ ЧЭН ШИ	Комплементарная структура
主谓构成式 zhǔ wèi gòuchéng shì ЧЖУ ВЭЙ ГОУ ЧЭН ШИ	Субъектно- предикативная структура	词类 cí lèi ЦЫ ЛЭЙ	Части речи
实词 shí cí ШИ ЦЫ	Полнозначные слова	虚词 xū cí СЮЙ ЦЫ	Служебные слова
名词 míng cí МИН ЦЫ	Существи- тельное	数词 shù cí ШУЦЫ	Числительное
量词 liàng cí ЛИАН ЦЫ	Классифика- тор (счетное слово)	形容词 xíng róng cí СИНЖУНЦЫ	Прилагательное
副词 fù cí ФУ ЦЫ	Наречие	动词 dòngcí ДОНЦЫ	Глагол

Окончание таблицы 5

代词 dài cí ДАЙ ЦЫ	Местоимение (местословие)	介词 jiè cí ЦЗЕ ЦЫ	Предлог
词组 cí huà ЦХЫ ХУА	Словосочета- ние	句子 jùzi ЦЗЮЙ ЦЗЫ	Предложение
句子成分 jù zǐ chéngfèn ЦЗЮЙ ЦЗЫ ЧЭН ФЭНЬ	Член предложения	主话 zhǔ huà ЧЖУ ХУА	Подлежащее
谓话 wèi huà ВЭЙ ХУА	Сказуемое	宾话 bīn huà БИНЬ ХУА	Дополнение
定话 dìng huà ДИН ХУА	Определение	补话 bǔ huà БУ ХУА	Обстоятельство
单词 dān cí ДАНЬ ЦЫ	Простое пред- ложение	复句 fù jù ФУ ЦЗЮЙ	Сложное предло- жение
陈述句 chén shù jù ЧЭНЬ ШУ ЦЗЮЙ	Повествова- тельное пред- ложение	疑问句 yí wèn jù И ВЭН ЦЗЮЙ	Вопросительное предложение
使句 shǐ jù ШИ ЦЗЮЙ	Побудительное предложение	感叹句 gǎn tàn jù ГАНЬ ТАНЬ ЦЗЮЙ	Воклицательное предложение
连词 lián cí ЛЯНЬ ЦЫ	Союз		

Хорошо видно, что данные списки демонстрируют языковые универсалии и фреквенталии. Действительно, все языки имеют грамматику, во всех языках есть понятийные категории основных частей речи (слов с категориальным значением *признаковость*, *предметность*, *действие* и другие, лингвоспецифичные группировки, например, *счетные слова* китайского и вьетнамского языков). Можно возразить против терминов *суффикс*, *приставка* и заменить их термином *морфема*, более емким по объему. Можно было бы разделять *корневые (главные) морфемы* и *служебные морфемы*, но понятие *морфема* для русского и китайского языков — это фреквенталия. Категория падежей в КЯ практически отсутствует (есть только два синтаксических падежа: прямой — для подлежащего и непрямой — для дополнения), но в китайской методической традиции соответствующий термин используется.

Для выявления структурных расхождений РЯ и КЯ репрезентативен список основных терминов КЯ¹. Он включает следующие

¹ См.: Готлиб О. М. Практическая грамматика современного китайского языка. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Муравей, 2002. 304 с.

25 понятий: грамматика, морфология, синтаксис, морфема, корневая морфема, аффикс, префикс, суффикс, словообразовательный суффикс, формообразовательный суффикс, слово, производное слово, сложное слово, сложнопроизводное слово, сочинительная структура, атрибутивная структура, глагольно-объектная структура, комплементарная структура, субъектно-предикативная структура, часть речи, полнозначные слова, служебные слова, классификаторы, стандартные глаголы, редупликация.

В пособии используется еще несколько терминов, не свойственных традиционным описаниям РЯ¹. Это *глаголы результативной связи, каузативные глаголы, стандартные глаголы и редупликация*.

***Примечание** – Обозначенные ими явления семантического порядка отчасти свойственны русскому языку. Каузативные глаголы — языковая универсалия (кормить, обижать и др.), в Русской грамматике-80 представлены типы спряжения глаголов. Явление редупликации (языковой прием повтора) имеет различное содержание в русском и китайском языках. В КЯ с помощью редупликации обозначается краткое по длительности действие типа «посмотри» — *kan-kan*, то есть это способ выражения определенного способа глагольного действия, аспектуальности. В РЯ редупликация используется при словообразовании: *еле-еле, давным-давно, много-много*, при выражении количественных значений, в т. ч. связанных со степенью интенсивности признака, и во многих других случаях, когда соединяются синонимические редупликаты, например *к вопросу о.., возле, около, кпереди от.., к сбоку от.., кзади от... и др.**

Из простого соположения списков видно, что пространство КЯ похоже на разреженный горный воздух в плане выражения обязательных для русского языка (грамматических) значений. Лингвистическая компетенция родного языка китайских учащихся существенно расходится с требуемым минимумом лингвистической компетенции изучаемого русского языка. Можно заключить, что типологическая дистанция РЯ и КЯ действительно велика, и она оказывает огромное интерферирующее воздействие при изучении РКИ.

Методика нуждается в семантическом языке описания, с помощью которого можно было бы соотносить формально различные, но содержательно и функционально близкие явления в разных языках. Метаязык описания — суть национально-специфическая *квинтэссенция* категоризации конкретного национального языка. Однако считаем целесообразным учитывать специфику грамматической системы родного (китайского) языка учащегося, так как, имея дело с иностранным языком на практике, учащийся всякий раз, *осознанно* или *стихийно*, устанавливает соотношения между значениями родного и иностранного языков, со временем интуитивно определяет понятийные универсалии и формальные способы перекодировки с иностранного на родной язык, даже если затрудняется вербально выразить результаты интуитивного *контрастивного анализа*.

¹ Там же.

До недавнего времени это было проблемой сравнительного языкознания, однако задача представления грамматической системы изучаемого (русского) языка в зеркале родного языка учащегося требует внимания к этой методической проблеме. Опыт работы с названным УМК показал, что различие метаязыков описания родного языка и изучаемого языка (на примере русского и китайского языков), а также языка-посредника (английского) оказывает интерферирующее влияние при обучении РКИ.

Кроме проблем отбора, методическую важность представляет способ представления экстенционала терминологических единиц в обучающих материалах. Важно выработать и обосновать приемы семантизации релевантных для грамматики изучаемого языка понятий *в зеркале языка учащегося*.

§ 13. Приемы семантизации терминологической лексики в аудитории носителей типологически далеких языков (на примере китайского)

Проблема представления лингвистической терминологии продолжает быть актуальной и ждет своего решения. Терминология является частью лексической системы языка, и теоретически способы введения терминологической лексики будут общими для лексики. В ходе урока для семантизации лексических единиц преподаватель может использовать следующие способы:

- 1) ситуативный (догадки);
- 2) переводной метод (перевод на родной язык или язык-посредник);
- 3) грамматико-переводной метод (перевод с учетом значения грамматической формы);
- 4) метод наглядности (картинки, таблицы, схемы);
- 5) контекст;
- 6) толкование;
- 7) синонимические замены и другие.

В настоящей работе при контрастивном анализе языковых структур мы широко применяем метод калькирования.

Терминологическую лексику следует считать безэквивалентной. Для семантизации безэквивалентной лексики используется преимущественно два метода: переводной и наглядности. Целесообразно использовать метод комментирования лингвистических реалий изучаемого языка с целью объяснения и инструктажа на родном языке учащегося. В качестве относительно нового метода, объединяющего перевод и наглядность, мы предложим материалы грамматического навигатора, о котором уже говорилось.

В версии для китайских учащихся УМК «Дорога в Россию» при введении терминологии использован переводной метод:

в книге для студента имеется поурочный словарь встречающихся в заданиях к упражнениям терминов с переводом на китайский язык. В него вошли названия частей речи, названия падежей, видовые значения категорий рода, числа, лица, глагольного вида (аспекта), грамматического времени, наклонения глаголов. Мы считаем, что термины *род, число, лицо, вид, время, наклонение* следует прокомментировать на языке учащегося.

Лексему *падеж* приходится вводить на русском языке, использовать английское *case* нельзя по причине многозначности. Но неоправданным является использование названий падежей (именительный, родительный и т. д.). В базовых УМК предыдущего поколения падежи обозначались цифрами, и мы с таким решением согласны. В китайской лингвометодической традиции русские падежи нумеруются: первый, второй и т. д., такие же обозначения на языке учащегося или арабскими цифрами следует использовать в китайской аудитории на протяжении всего первого года обучения, названия падежей, вынесенные в грамматические темы, студентам достаточно понимать (знать на уровне пассивного усвоения).

Вопрос о том, насколько целесообразен и возможен перевод терминов не так прост, как может показаться. Очевидно, что подводить под одно обозначение содержательно различные понятия нельзя. Некорректный перевод или неуместный способ перевода может стать причиной устойчивых ошибок учащихся. Так, например, подмена русского термина *действительный залог* и *страдательный залог* англоязычными терминами *active voice* и *passive voice* приводит к подмене понятий, поскольку термины не равнозначны по содержанию.

Некоторые термины вообще не имеют аналога. Так, для логической пропозиции *уступка*, которая вводится позже других, мы используем толкование *вопреки причине* (= несмотря на) и др. В китайском словаре существительному *уступка* соответствует аналог союза *но* 不过 (БУ ГО) и другие союзы уступительного значения: 可是 kěshì = но, однако; 但是 dànshì = однако; только.

Переводной метод целесообразно использовать для терминов, именующих универсальные явления и языковые фреквенталии. Однако лингвистическая терминология должна рассматриваться как безэквивалентная лексика, именующая специфические реалии, и подход к ее толкованию должен быть соответствующим. При использовании термина одного языка для объяснения явлений другого языка необходим поиск универсального семантического основания.

Анализ списков терминологического минимума русского и китайского языков подсказывает следующие способы представления терминов.

Примечание – Например, используя английские названия времен глагола *Past* и *Present*, надо учесть различное членение ФСП Времени и аспекта в русском и английском языках: в настоящем актуальном и длительном прошедшем в форме НСВ выражается *длительность* (*Present Continious: Я пишу письмо другу; Я писал письмо другу два часа*); в форме НСВ настоящего времени выражается *повторяемость* (*Present Simple: Я пишу письма домой каждое воскресенье*) или что-то другое (*прерывистость: Иван пишет книгу, готовится к соревнованиям* или *потенциальность: Маша хорошо поет, ставит уколы*).

В форме прошедшего времени (факт) реализуется значение *однократность* (НСВ соответствует *Past Simple: Я писал ручкой. Я писал тебе письмо, почему ты не ответил мне?*; *Past Continious: Иван писал эту книгу два года. А СВ может соответствовать Past Perfect: Я только что написал тебе письмо. Иван писал книгу два года, а потом все бросил и уехал в деревню*).

1. В основе грамматической категоризации мира лежит деление слов на классы частей речи. Основные части речи — имя существительное, прилагательное, глагол, местоимение, наречие — обнаруживаются в большинстве языков. Поэтому имеет смысл на первом году обучения использовать китайские названия основных частей речи (существительное, глагол, прилагательные, наречие) (см. список терминов выше) с учетом того, что в РЯ это в первую очередь морфологическая *форма* (окончание, значения словоизменительных категорий), а в КЯ — членопредложенческая позиция и категориальное значение. Русские термины для названия частей речи можно вводить постепенно и использовать параллельно. Деление лексики КЯ на классы частей речи будет несколько иным, чем в русском и других европейских языках. Так, в РЯ среди знаменательной лексики выделяют *имена* (существительные, прилагательные и числительные) и *глаголы*, позднее был введен класс наречий. В китайском и ряде других восточных языков выделяют *имена* и *признаковые слова* (прилагательные и глаголы). Это различие имеет важное значение для синтаксиса.

2. Для представления терминов *звук, ударение, слово, род, мужской, женский, средний, число, единственное, множественное, лицо, первое, второе, третье* (см. таблица 3) оправданно использование слов русского языка. Собственно говоря, данными терминами мы предлагаем ограничить объем лингвистической терминологии элементарного уровня, вводимой на изучаемом языке.

3. Категории падежа, рода, названия глагольных категорий (вид, наклонение, залог) и их категориальные значения нуждаются в переводе и комментировании, так как подобных грамматических категорий в китайском языке нет (этноспецифичны для русского языка)*.

**Прим. автора* – Комментарий на китайском языке содержится в двуязычных китайско-русских словарях, издаваемых в КНР, к сожалению, в них много ошибочных форм.

4. В китайской лингвистике есть традиция описания синтаксических структур по членам предложения. Русские названия членов предложений могут быть использованы вместе с условными графическими обозначениями (подчеркиваниями), введенных при поддержке китайского языка. Крайне необходим комментарий относительно соотношения членов предложений и порядка слов в русском языке.

Наряду с формальным анализом по членам предложения следует проводить семантический и коммуникативный разбор предложений-высказываний, при помощи ролевой игры или как-то иначе высвечивая смысловые (прагматические) различия ПВ различных линейно-интонационных структур: повествовательных и вопросительных с центром ИК на разных компонентах высказывания).

Существует понятие терминологического и дотерминологического уровня лингвистической компетенции, в связи, с чем среди грамматических категорий принципиально важно различать семасеологические и ономасеологические. На начальном этапе, особенно это актуально для нефилологов, первые вводятся на дотерминологическом (понятийном) уровне и с помощью слов общеупотребительного языка (лицо, не-лицо, сила, процесс, результат и другие). Такие понятия нашли отражение в методических материалах табличного типа, названных грамматическим навигатором, предлагаемых в работе по мере рассмотрения нашего материала.

В первую очередь к семасеологическим категориям относятся:

– лексико-грамматические классы и лексико-семантические группировки, архиважные для грамматики (это так называемые *скрытые* грамматические категории);

– понятийные категории *одушевленность, род* (для существ), *число, время, место, аспектуальность, определенность* (референции) и все логические значения (Отношение, Причина и другие, включая денотативные роли). Эти семасеологические категории мотивированы внеязыковой реальностью и могут не совпадать по способам своего выражения в двух языках. Например, в КЯ есть универсальная категория аспекта, но нет грамматической категории вида. Это же справедливо и по отношению к грамматическому времени. Это примеры расхождений языковой концептуализации на грамматическом уровне, нуждающиеся в объяснении.

Кроме деления на части речи, для грамматики языка важны более частные группировки: морфологические классы и лексико-семантические группы слов. Они представляют собой универсальное явление, хотя имеют национально-специфичный состав. Так, темпоральными именами в КЯ являются аналоги русских лексем *завтра, летом, осенью, зимой, весной, утром, вечером, ночью*, относимые формальными описаниями РЯ к темпоральным наречиям*. Важнейшие группировки

русских глаголов — аспектуальные классы, о которых мы скажем в третьем разделе. В КЯ им соответствуют результативные и нерезультативные глаголы. В качестве терминов денотативных ролей выступают падежные вопросы.

**Прим. автора – Оназаченные формы творительного падежа имен существительных следует толковать также на том основании, что они входят в морфологическую парадигму с другими формами, ср.: Иван весной – к весне – до весны придет. Наречием является только слово днем в значении с 12.00 до 17.00¹.*

Привлечение китайского материала показало слабые стороны методического подхода в описании грамматики русского языка *от русского языка*. Облигаторные категории рода, числа и падежа русских существительных в большей степени отражают типологические особенности структуры русского языка. Категории *рода, числа и падежа* имен прилагательных, количественных и порядковых числительных, причастий имеют сугубо формальный, согласовательный характер. В КЯ как языке с относительно устойчивым порядком слов дублирование значений данных категорий отсутствует, с чем связаны существенные понятийные трудности учащихся. Например, китайскому студенту непонятно, почему *Москва – красивый (а не красивая) город*; почему *он врач* и *она врач*; почему *она преподаватель* и в то же время *преподавательница*.

Большинство грамматических (облигаторных) категорий русского языка в китайском языке не представлено. Лингвоспецифичными являются русские понятия *падеж, род, число, грамматическое глагольное время, вид глагола, залог*. Значит, типологические особенности системы китайского языка делают проблематичным использование без глубокого объяснения и контроля понимания лингвистической терминологии, называющей отсутствующие в КЯ лингвистические реалии. Вместе с тем, несмотря на расхождения в способах и средствах выражения, перечисленные категории имеют понятийную основу и называют лингвистически универсальные смыслы, имеющие разные способы выражения в разных языках. Представление понятий конкретного языка должно осуществляться на основе когнитивно-универсальных смыслов, то есть с опорой на родной язык учащегося и с учетом интерферирующих факторов родного языка учащегося, вызываемых различием объема и содержания представляемых понятий.

В связи со сказанным выше особую важность приобретает метод комментирования. Важно прокомментировать на языке учащегося те понятия, которые отражают грамматические категории русского языка и несвойственны родному языку учащегося.

¹ Всеволодова М. В. Указ. соч. 2000. С. 35.

Ниже перечислим расхождения в морфологии знаменательных частей речи РЯ и КЯ, требующие комментария.

1. Имена существительные не имеют лексико-грамматического разряда собирательных существительных.

2. Имена прилагательные не имеют грамматических разрядов (притяжательных, относительных, качественных). *Качественность* признака выражается лексически, связана с его онтологией.

3. У числительных и наречий отсутствует разряд собирательных (*двое, вдвоем*). Порядковость выражается присоединением морфемы *dī*: 第一 *dī yī* – первый.

4. Одушевленность и пол выражаются графически в начертании местоимений (есть местоимения для лиц и для неодушевленных предметов и зоонимов).

5. В КЯ существует категория классификаторов — счетных слов. Классификаторы указывают на лексико-семантический разряд конкретных имен существительных, ср. в РЯ: *булка хлеба, стакан молока*. Выражение счетности имеет значение для категории *определенности /неопределенности*.

6. Категория «Определённость/неопределённость» в КЯ выражается формально, а в РЯ — при помощи контекста (лексически), порядка слов, линейно-интонационной структуры предложения¹. Определенность-неопределенность номинации влияет на логический тип высказывания. Отношения идентификации связывают только определено-референтные имена: *Девочка с косичками* (определено-референтное) — *это наша Маша!* — денотативное тождество (идентификация); *Наша Маша* — *та девочка с косичками* (определено-референтное); *Мама* — *врач* (нереферентное) — тип характеристики и *Врач* (определено-референтное) — *это моя мама* денотативное тождество (идентификация)².

7. Категория одушевленности / неодушевленности в РЯ может быть отнесена к скрытым грамматическим категориям. В КЯ понятие одушевленности имен существительных выражается не грамматически, а прагматически (т. е. в случае необходимости) и семантически-облигаторна для личных и притяжательных местоимений. Конкретные значения одушевленности и пола заключены в начертании китайского иероглифа.

¹ См.: Тань А. Проблемы скрытой грамматики: Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка). Москва: Языки славянской культуры, 2002. 899 с.; Акимова И. И. Лингвистические универсалии как методологическая основа обучения иностранным языкам. Функционально-семантическая категория именной темпоральности. Книга для преподавателя. Москва: РПА Минюста России, 2013. 170 с.

² См.: Акимова И.И. Субстантивное число и детерминация в русском и китайском языках: лингво-культурологический аспект : монография. – М. : Знак, 2015. – 144 с.; Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы). Москва: Едиториал УРСС, 2003. 384 с.; Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. Москва: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.

8. В качестве семантически корректных соответствий, в частности, для русской грамматической категории рода, можно было бы предложить семантически универсальное понятие пола (только для одушевленных имен лиц и зоонимов).

9. Грамматическую словоизменительную категорию падежа целесообразно представлять на синтаксической основе. Синтаксемы и именные группы, сформированные на их основе, выражают в ПВ определенные субъектно-объектные роли или сирконстантные (обстоятельственные) значения. В КЯ можно говорить о синтаксических падежах, по крайней мере, есть номинатив и косвенный падеж в позиции дополнения.

10. Грамматические категории «род», «число» имен существительных, категория времени глагола являются общими (универсальными или фреквентальными) для языков так называемого средневропейского стандарта (SAE). Соответствующие значения передаются аналитически, носят прагматический характер.

11. Облигаторная в РЯ лексико-грамматическая категория глагольного вида (значения *совершенный* и *несовершенный вид*) является общеславянским этноуникальным способом выражения видовременных (аспектных) значений. В КЯ выражаются универсально-языковые значения аспекта и таксиса. Соответствующие значения передаются аналитически: знаменательной лексикой и служебными и полуслужебными формантами. Поэтому категорию грамматического вида необходимо представлять на основе аспектуальных значений видовременных форм, приводя перечень сем и их возможных комбинаций для каждой видовой формы с учетом семантических классов и лексико-семантических группировок глаголов.

12. Отсутствуют части речи (так называемые глагольные формы) причастий и деепричастий, хотя их атрибутивные и обстоятельственные значения могут быть переданы аналитически.

Комментирование особенно важно в случаях расхождения соотносимых языковых средств в плане их формы и/или содержания.

Дидактический принцип наглядности обеспечивает метод графической наглядности, который в общем виде предполагает использование таблиц, схем и рисунков (наглядность в широком смысле включает весь предъявляемый языковой материал, включая объяснение преподавателя). Мы предложили грамматический навигатор, сочетающий графическую наглядность и буквальный перевод (своего рода комментарий). Он имеет следующие преимущества перед традиционным методом графической наглядности.

1. Табличная форма структурирования материала позволяет представлять и сравнивать однородные элементы содержания только по одному основанию, что хорошо согласуется с особенностями мышления китайцев¹. Таблицы используются очень широко

¹ См.: Бобрышева И. Е. Указ. соч., 2004. С. 114–117.

для введения парадигмы форм склонения и спряжения, образования форм причастий и деепричастий, а также форм вида, категории залога (*проводят — проводятся, выбирают — выбирается*) и дериватов с омонимичным формантом -ся (*бороться, умываться, улыбаться, нездоровиться, окно открылось*)¹.

2. Схемы и рисунки обладают хорошими объяснительными возможностями при семантизации явлений, относящихся к целому ряду тем: глаголов движения, пространственных предлогов и приставок, аспектуальных значений совершенного и несовершенного вида глагольных лексем, значений именной локативности и темпоральности, а также при объяснении смысла лексико-грамматической категории возвратности как алгоритма формального механизма перевода конструкций действительного залога в страдательный залог; при показе отношений межсубъектности, переходности и непереходности, каузации: *Петя обидел Олю. Анна рада Ивану. Маша накормила брата.*

3. Помимо схем и таблиц как способ создания прагматической ситуации в сопровождении контекста часто используются рисунки и иллюстрации. Так, изображение часовой стрелки сопровождает введение видовременных форм.

Важным этапом развития отечественной лингводидактики, прошедшей долгий путь становления и развития, является создание УМК «Дорога в Россию». Поэтому первым шагом на пути поиска оптимизации обучения инофонов — носителей типологически иных языков (на примере китайского языка) должен стать анализ ориентированной на китайских учащихся версии базового УМК «Дорога в Россию», выполненный сквозь призму родного языка китайского обучающегося².

УМК «Дорога в Россию» содержит перевод основных лингвистических понятий, вводимых в первых уроках, и их комментариев на родном (китайском) языке учащегося. Это, несомненно, большой плюс. Однако в случае большой типологической дистанции одного перевода фактов языка явно недостаточно. Чтобы показать это, сопоставим в следующих главах русские именные категории и способы их выражения средствами КЯ в следующем порядке:

- 1) категория грамматического рода;
- 2) грамматическая категория одушевленности / неодушевленности;
- 3) семантическая категория определенности / неопределенности (детерминации);
- 4) категория субстантивного числа;
- 5) категория падежа.

¹ См.: Антонова В. Е., Нахабина М. М., Толстых А. А. Дорога в Россию: учебник русского языка (базовый уровень). Москва: ЦМО – МГУ, 2003. Ч. 3. С. 7; 20.

² Там же.

Глава 4

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

§ 14. Категория одушевленности–неодушевленности

С представлением о предметности в русском языке в первую очередь связаны значения одушевленности и неодушевленности. РЯ — единственный, в котором категория одушевленности грамматикализовалась в парадигме словоизменения. Одушевленность, как и род, есть не во всех языках, китайский язык этих категорий не имеет. В некоторых языках представлена категория мужского лица (к примеру, польский).

*Примечание – Для обозначения одушевленности часто используется слово «лицо». Однако в значении «человек» в литературе XIX века **лицо** могло употребляться и как неодушевленное имя: Достаточно было взглянуть на эти **лица**, чтобы увидеть, что все они бегут одеваться¹. Для современного литературного языка более привычным является употребление слова **лицо** как одушевленного: включить в список следующих **лиц**. Право адвокатов на **опрос лиц** было предоставлено законодателем в целях обеспечения возможности доказывания обстоятельств дела...*

Категория одушевленности реализуется в более частных ономазиологических значениях мужского и женского пола, которые в русском языке имеют проекцию в грамматическую категорию рода. В русском языке категория одушевленности-неодушевленности выступает как скрытая грамматическая категория, проявляющаяся на синтаксическом уровне через механизм грамматического управления. У неодушевленных существительных *второго склонения* (мужского рода с нулевым окончанием и среднего рода с окончанием -о/е) форма В.п. единственного числа совпадает с формой И.п. (*Вижу стол, дом. Но: нет стола, дома*) у одушевленных — с формой Р.п. (*Вижу отца, брата. Ср.: нет отца, брата*). Формы В.п. и Р.п. одушевленных существительных всех родов во множественном числе совпадают (*вижу людей, студентов, медведей, овец, сорок, змей*); у неодушевленных существительных всех родов совпадают формы В.п. и И.п. (*вижу столы, книги, дома, деревья, цветы*). Соотношение форм родительного, винительного и именительного падежей одушевленных и неодушевленных существительных в русском языке показано в таблице 6.

¹ См.: См.: Успенский В. А. К понятию диатезы / Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Ленинград: Наука, 1977. С. 75–84; Успенский М. Б. Лингводидактика / Под ред. В. В. Давыдова // Российская педагогическая энциклопедия: в 2 т. Москва, 1999. Т. 1. 504 с.; Холодович А.А. (отв. ред.). Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогии. Л., 1974.; Храковский В.С. (отв. ред.). Структурно-типологические методы в синтаксисе разнотипных языков. Диатезы и залогии. Л., 1975.

Таблица 6 – Соотношение форм родительного, винительного и именительного падежей одушевленных и неодушевленных существительных в русском языке

Формы падежа и числа	Разряд и форма существительного	Примеры
В.п. = Р.п. Единственное число	У одушевленных существительных мужского рода в единственном числе	Нет серого кота (Р.п.) Вижу серого кота (В.п.)
В.п. = Р.п. Множественное число	У одушевленных существительных мужского и женского рода во множественном числе	Нет серых котов, кошек (Р.п.) Вижу серых котов, кошек (В.п.) Вижу: Ж. р. : сестёр, девушек, инфузорий, кукол, куколок, личинок, бактерий. 1. Одушевленные существа и случаи олицетворения: М. р.: ферзей, валетов, микробов, мертвецов, покойников, юношей, купцов, мальчиков, микробов
В. п = И. п. единственное и множественное число	У неодушевленных существительных мужского рода в единственном числе	Растёт зелёный куст (И. п.) Вижу зелёный куст (В.п.)
	У неодушевлённых существительных всех родов во множественном числе	2. Неодушевленные предметы: вижу вирусы, бактерии трупы, лады. Растут зелёные кусты, травы (И. п.) = Вижу зелёные кусты, травы (В.п.) На карте синим цветом обозначены моря и реки (И. п.) = Я вижу на карте моря и реки В.п.)

Одушевленные имена существительные обозначают людей, животных, птиц, рыб, насекомых и других живых существ (*учитель, собака, щука, муха, соловей, кенгуру и какаду*), а неодушевленные существительные называют предметы, понятия и явления действительности, не причисляемые к живым существам (*стул, облако, метро, боа, кофе, гроза, красота, болезнь*). Значения *одушевленность / неодушевленность* мотивированы реальными или идеальными свойствами объекта внеязыковой действительности*.

**Прим. автора – В нашем языке различение категории Од. в грамматике не полностью совпадает с тем, что мы считаем живым или неживым. Неодушевленными являются слова бактерия и вирус, одушевленными — кукла. Показательно, что растения относятся*

к неодушевленным вещам. Хотя цветы и деревья растут, цветут, даже дышат, но они не передвигаются, не изменяют своего положения в пространстве. Видимо, данный критерий положен в основу категоризации по признаку одушевленности в русской языковой картине мира.

Значение одушевленности часто складывается исторически и трудно объяснимо с точки зрения современного состояния языка и культуры. В РЯ конвенциональна одушевленность слов кукла (*наряжаю кукол**, а не *куклы*). Однако не так давно автор услышал в разговоре на улице, как русская мать спрашивала ребенка: *Ты сложила свои **куклы**?* В силу культурно-религиозных причин неодушевленным оказывается существительное *труп*, тогда как денотативно-тождественные номинации *мертвец* и *покойник* с грамматической точки зрения одушевлены, ср.: *вижу труп*, но *вижу мертвеца*, *покойника*. Слова *валет*, *ферзь* с точки зрения русской грамматики также являются одушевленными, на что указывает форма винительного падежа единственного и множественного числа.

**Прим. автора – У славян отношение к куклам было очень серьезное: кукла считалась домашней помощницей и оберегом, к ней относились с уважением, как к магической, а значит, одушевленной вещи.*

Многие слова испытывают колебания значений категории одушевленности. Такие колебания характерны для слов *бацилла*, *микроб*, *бактерия*, *личинка*, *зародыш*, *эмбрион*, употребляемых (особенно в специальной литературе) с окончаниями имен существительных одушевленных, однако, согласно норме современного русского языка, их правильнее относить к неодушевленным, ср.: *описывать микробы* (не *микробов*), *питать зародыши* (не *зародышей*). Во всяком случае, грамматический выбор говорящего определяет коллективно-языковое или индивидуальное представление о явлении.

*Примечание – С немотивированностью грамматического значения связана вариативность языкового употребления (норма и узус), ср. примеры из Интернета: 1) личинки содержат **бактерий**. Но можно и бактерии: Именно он выяснил, что кисломолочные продукты содержат **бактерии**, идентичные здоровой микрофлоре желудочно-кишечного тракта человека; подхватить вирус гриппа. Но можно и вируса: Риск подхватить **вируса** при такой жизни очень велик, и при всей ее привлекательности, приходится все же десять раз подумать, чем кликнуть **мышем** по иконке. В этом примере содержится форма мужского рода слова «мышь», мотивированная желанием разграничить омонимичные лексемы. Вариативность употребления слова *зародыш* показывают другие примеры из Интернета: Зародыш человека, думается, живой. Логичное поведение заключается в аборте и свадьбе, но она выбирает **сохранить зародыша** неизвестно от кого, несмотря на факт появления в её жизни достойного человека. Вам врач ставит выбор: **сохранить зародыша** или мать. Что вы предпочтете? Почему пытался **сохранить зародыша**? Все другое может и можно вернуть, но только не это! Сделайте все возможное, чтобы **сохранить зародыша** и привести его в мир.*

Чтобы представлять трудности учащегося, связанные с категорией Од., важно знать, что в КЯ она не имеет грамматических показателей, а мотивируется графическими показателями *пола* в иероглифике (друг, подруга) либо встроена в семантику имен-названий лиц (брат, сестра, няня). Для зоонимов есть слова *самец* и *самка*. О выражении пола в КЯ мы скажем в следующем параграфе в связи с категорией рода. Отметим, что неграмматический статус категории Од. позволяет не выражать значение пола в переходных случаях: для существ типа *микроб, бактерия, вирус* и т. п.

Важным средством лексико-грамматического выражения Од. в РЯ выступает морфосинтаксическое образование — квантитатив. Специфике славянского и русского квантитатива как морфосинтаксической структуры и, возможно, словоформы, посвящена содержательная работа, где отмечено «глубокое пересечение двух именных категориальных классов — существительных и числительных, объяснимое полевой структурой языка»¹.

Примечание – Квантитативы – это синтаксические единства, формирующие один из центров ФСП Количественности, их особенностью является наличие особой синтаксической парадигмы, отличной от именной. К словам количественной семантики (числительным) отнесены:

1. Количественные числительные – базовая форма. Включает подразряды:

– Собственно базовая форма – определенные числительные **один, два, пять, двенадцать, двадцать, сто** *стригать пять* и под. относятся к именным разрядам. В функции числа – только склоняемая категория. При обозначении количества – склоняемая и частично согласуемая.

– Второй разряд – неопределенные числительные в том составе, как это представлено в РГ-80: **много, немного, мало, немало, местоименные слова несколько, сколько, столько.**

2. Собираательные числительные представлены четырьмя подразрядами:

2.1. Тип **двое, пятеро**, которые наши Грамматики справедливо относят тоже к именам: они склоняются, не согласуются и управляют. Нр: **трое внуков, семеро саней.**

2.2. Тип **вдвоем, втроём, вдесятером**. Подобные словоформы в словаре Ожегова-Шведовой толкуются следующим образом: «В количестве двух, трёх, десяти человек». Такое толкование соотносит эти числительные с категорией лица. Но языковой материал показывает, что в речи системны сочетания и с названиями животных: Злые **птицы вдвоем** отправились на рыбалку. **Собаки вчетвером** съедают около 15 кг еды в день, причём половину общей порции уплетает Белый. Эх, друг мой любезный, на лося **волки втроем - вчетвером** ходят. И стали **звери впятером** жить. (А. Афанасьев, «Теремок»).

2.3. Типа **вдвое, втрое, впятеро**. СОШ толкует эти словоформы как **в два раза, в три раза, в пять раз** (во сколько раз больше). Здесь выделяются два типа высказываний:

– с семантикой сравнения: [Зарплата] **Вдесятеро** меньше, чем у приличного специалиста с высшим образованием. **Вдвадцатеро** меньше, чем у кандидата наук на частной работе;

¹ См.: Всеволодова М. В. Специфика категории количественности в славянских языках: числительные, квантитативы, счетное множество. и изменения в парадигматике русских числительных (функционально-коммуникативная грамматика) // STEPHANOS. 2013. № 2 (2). С. 68–141.

– с семантикой сворачивания, складывания: Сложить лист **вчетверо**. Так же, как и предыдущий, этот разряд, представлен и сложными числительными: Потом Фредди нашел у себя за поясом сложенную **ввосемнадцатеро** инструкцию по доведению заснятого до ума. Не надо **вдвадцатеро** переглаживать. И, самое главное, будут **втридцатеро** превосходить бывшую метрополию. Неизменяемый разряд наречного класса.

Единожды, дважды, трижды, четырежды; и типа **однократно, двукратно, пятикратно, десятикратно, стократно, а также многократно**. Эти словоформы наречного типа синонимичны квантитативам со словом **раз** в двух вариантах:

1) В контексте со значением повторяемости – один раз, два, пять, сто раз что-л. сделать, что-л. было: Он **дважды** совершил ошибку. = два раза. Данный список содержит имена, период жизни и профессиональные данные всех **трижды** Героев Социалистического Труда = три раза получивших. Сонный сторож неверной рукой **четырежды** ударил в колокол. (М. Горький) = четыре раза ударил. Владимир Сергеич **неоднократно** обращался к Марье Павловне, но вести разговор с ней было трудно = не один раз обращался. **Двадцатикратно** заложенное имущество = двадцать раз заложили. **Стократно** оплаченные лишения = сто раз оплатили.

2) В контексте со значением больше/меньше – в два раза/в пять/в десять/в сто раз. **Двукратно** усечённый тетраэдр А. С. Шмелёва. Он содержит 44 плоскости, 42 угла и 84 ребра = в два раза усечённый. Павлу трудно, всем остальным **трижды** труднее = в три раза труднее. Причина тому – штрафные санкции, **семикратно** превышающие сумму самих претензий = в семь раз. **Десятикратно** силы множь, ешь больше каш и витаминов = в десять раз. В таком употреблении эти наречные числительные синонимичны разряду вдвое, втрое, впятеро.

3. Порядковые типа **первый, двадцать второй, две тысячи третий** – склоняемые согласуемые адъективы.

4. Комплексные числительные представлены следующими подразрядами: **дробные, степени, величины (размера), пропорции и диапазона**. К ним примыкает подразряд со значением соотнесенности со временем (скорость, регулярность, частотность).

4.1. Дробные типа **одна седьмая; пять целых и три восьмых** (подразумеваются доли единицы), см.: **Ноль целых** одна десятая процента. Весит одно зерно 0,03 (**ноль целых три сотых**) грамма. В них соседствуют собственно количественные, порядковые (простые, сложные, составные) числительные и субстантивные единицы типа **часть, доля, целая**, само наличие которых (пусть и в нульформе) объясняет употребление числительных **один, два** в форме ж.р.: пять целых **одна седьмая**; пятьдесят пять целых **тридцать одна сорок первая**; три целых **две пятых**; четыре целых **две десятых**. При этом:

– При обозначении числа системно выступают реализации дробных числительных с названием полного числа, как правило, без какого либо существительного. В функции существительного возможно алгебраическое название числа X (икс) или Y (игрек). Роль грамматически главного «слова» в прямых падежах выполняет количественное числительное, роль грамматически зависимой «словоформы» – порядковое числительное – простое, сложное, составное, ли слово **целая** во мн. числе Вопрос: $(x + \text{четыре целых две седьмых})$ – три целых шесть седьмых = 6, помогите. Ответ: $x + \text{четыре целых две седьмых}$

равно сто двадцать девять седьмых $X = \text{сто двадцать девять седьмых}$ минус четыре целых две седьмых, $X = \text{четырнадцать целых одна седьмая}$. Семь двадцатых минус девять сороковых. Скажите... Ответ: Ты не поверишь, одна восьмая. Пятнадцать целых шесть седьмых минус две целых одна седьмая.

– При обозначении количества возможны реализации квантитатива как со словами *часть, доля, целая*, так и без них. Автор обращает внимание:

1) на вариативность им. и род. пп. порядковых числительных и слова *целые* после числительных *две, три, четыре* в прямых падежах: *четыре миллиона две тысячи шестьсот сорок две целые* пятьдесят восемь сотых – *сто сорок две целых* и *шесть десятых*; *Тридцать три целые* четыре десятые процента – *Тридцать три целых* и *тридцать три десятых* процента;

2) возможность союзных образований как для числа, так и для количества: если 70 разделить на 90, получается *ноль целых и семь десятых* в периоде Туда записались три тысячи римских граждан, и выбранные для этого триумвиры нарезали каждому по *три и семь двадцатых* югера земли.

4.2. Обозначение степени: Ближайший мир, населенный двойниками землян, — шар радиусом сто световых лет, — располагается на расстоянии *десять в степени десять в девяносто первой степени* (10^{10} и в 91 степени) метров... Вероятность получается, примерно, со *степенью десять в минус двести с лишним*. На семинаре по матанализу: «Упрощенно это будет равно *семь двадцатых в степени три двадцать первых в степени четырнадцать третьих*, умноженному на *тридцать двадцать пятых в степени...*».

4.3. Обозначения величины, разного рода размеров – линейных, площади, объёма: В этом игроке – *два метра двадцать пять сантиметров роста*. Скала в четыре человеческих роста, на её краю камень *два на три и на три метра*, снизу.

4.4. Отношения пропорции и диапазона: Один к семи – это соотношение болельщиков нашей команды по половому признаку. Количество участников: *пять – семь* человек. Температура в *десять – пятнадцать* градусов Цельсия является оптимальной для кристаллизации меда.

4.5. Соотнесённость со временем: скорость, регулярность. Числительное *один* может быть в славянских языках опущено, во многих других – обязательно. Прирученные киты-убийцы могут развивать скорость *38 км/ч*, (тридцать восемь километров в час). 5 фраз *с частотностью от 999 до 0*. С места до скорости *сто километров в час* разгоняется за три секунды, быстрее, чем спорткары! Одиннадцатого января, рассказал директор В.М. Поприч, вышли на запланированную пропускную способность – *сорок человек в час*. Данный тип был выделен при анализе «синтаксического поведения» числительных в определенных предложных структурах¹.

¹ См.: Судзуки Р. Русские атрибутивные конструкции со значением «пара-метрическая характеристика предмета» и функционирование в них компонентов предложного типа (в зеркале японского языка): дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2008. 273 с.; Всеволодова М. В. Русские предлоги и средства предложного типа: материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления / М. В. Всеволодова, О. В. Кукушкина, А. А. Поликарпов; под общ. ред. М. В. Всеволодовой. Москва: URSS, 2014.

Для выражения одушевленности предназначены *собираательные числительные* двое, пятеро и вдвоем, впятером (в традиционной грамматике наречия¹) и т. п.: двое сыновей (при отмеченности, но не нормативности **двое домов*); *грабили впятером, собаки впятером* напали (в традиционной грамматике это наречие). Числительные *оба* и *обе* указывают только на род: *оба ребенка* и *оба берега, обе руки, обе сестры*. Квантитативы с местоименными числительными *много* и *многие* различаются степенью определенности референции множества, ср.: *многие мои друзья, перевели на многие иностранные языки и много друзей; Многие старые книги болгар-помаков были написаны по-русски*.

Примечание – Отметим, что словари содержат примеры с числительными *девятеро, десятеро*: *Ест и пьёт за девятерых. Работает за девятерых. Всё делим на десятерых*², но не отмечают формы *одиннадцатеро, двеннадцатеро*. Принято считать, что в норме не образуют собираательных форм сложные числительные от *десяти* до *двадцати, тридцати, сорока – девяноста, ста*, от *двухсот* до *девятисот*, а также составные числительные типа *сорок три*. Такого рода ограничения можно объяснить тем, что воспринимающаяся совокупно цельно-раздельность ограничена магическим числом «семь» плюс/минус два, большее количество язык определяет как «много». Тем не менее, в узусе категория собирательности и одушевленности перестает работать на больших количествах, но на каких именно — пока неизвестно. На это обратила внимание М. В. Всеволодова³.

Для обозначения лиц мужского пола используются как количественные, так и собираательные числительные: *два – три – четыре, пять... мальчика — пять мальчиков, двое – трое – четверо, пятеро... мальчиков. Пригласил пять/пятерых друзей; нет друзей; их было пятеро/шестеро/семеро*.

В норме собираательные числительные используются с существительными, которые обозначают молодняк животных (*двое котят/щенят/козлят*). Для обозначения нескольких лиц женского пола используются количественные числительные и существительные, обозначающие лиц женского пола: *две/три/четыре женщины, шесть девочек; две кошки, собаки, два козла, две козы*, а также используются с неодушевленными существительными, которые не имеют формы единственного числа и не употребляются ни с какими другими существительными: *двое ножниц, трое брюк, четверо суток*. Но и здесь нормативные требования грамматик отражают лишь часть узуальных возможностей использования собираательных числительных: примеры форм собираательных числительных, управляющих

¹ Разные разряды одной части речи могут относиться к разным морфологическим классам — категориальным классам слов (см.: Всеволодова М. В. Специфика категории количественности ...).

² Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Москва: Азъ, 1994. 907 с.

³ .См.: Всеволодова М. В. Специфика категории количественности ...

именами существительными-названиями животных приводит С. В. Рябушкина¹: *Новой жертвой стали четверо львов; с нею проживает трое собак; двое пернатых; трое отважных иерусалимских кошек.*

Наречные числительные типа «впятером» в узусе сочетаются не только с названиями лиц (*Бандиты напали впятером*), но и с именами зоонимов (*Волки охотились вдвоем*), т. е. как и слова *двое-пятеро* выражают именно одушевленность.

Для правильного употребления форм родительного и винительного падежей, для согласования с прилагательным и причастием в полной форме и координации подлежащего с глаголом в прошедшем времени, краткими формами прилагательного и страдательного причастия иностранному учащемуся необходимо знать грамматическое значение категории одушевленности или неодушевленности. Трудность овладения данной категорией русского языка связана с тем, что в ряде случаев необходимо обращение к словарям. Видимо, такие случаи имеет смысл задавать и отрабатывать списком в зависимости от направленности обучения (имеем в виду юридический, медицинский, экономический или филологический профиль).

Есть еще один способ выражения Од. — синтаксический. На уровне синтаксиса различается субъект — лицо в неопределенно-личных предложениях (*Скамью покрасили. Вино выпили.*) и предметно-стихийный субъект в МП с безличной формой глагола: *Его придавило деревом/тушей медведя*². В предложении, построенном по бесодлежащей (личной?) модели *По крыше стучит* выражен неодушевленный приедметно-стихийный субъект: это *что-то* (дождь, ветер и т. п.), ср. с предложением *В дверь стучат*, где одушевленный субъект — *кто-то*.

§ 15. Категория грамматического рода

Категория грамматического рода возникла позже категории одушевленности (Од.), сформировавшись на базе понятийной категории пола. Данная категория выражается через парадигму склонения имен существительных. В русском языке она охватывает всю лексику и — шире — грамматический строй РЯ. В современном русском языке она является *стертой* в семантическом плане и относится к числу формальных грамматических категорий, реализующих свой семантический потенциал в исключительных

¹ Рябушкина С. В. О стилистически маркированном употреблении собирательных числительных / Гл. ред. Т.А. Гридина // Уральский филологический вестник: материалы Всероссийской конференции с международным участием «Язык. Система. Личность: аспекты речетворчества» 17-19 апреля 2014 г. Екатеринбург, 2014. С. 156-164.

² Пример из: Всеволодова М. В. Специфика категории количественности ...

условиях коммуникации, например, в поэзии. Особый случай в РЯ представляют собой слова общего рода: сирота (*он круглый/она круглая сирота*) и слова мужского рода, называющие лиц по профессии, ср.: *Вошел врач и Вошла врач Иванова*.

Категорию рода имеют не только существительные, но и числительные. Причем это значение не согласовательное, т. к. в количественном словосочетании существительного и числительного управляет числительное: *звонил обеим сестрам, не хватает двух книг*. **Собирательное числительное** *оба* управляет именами существительными муж. и ср. рода, а *обе* — именами женского рода: *обе руки, обе сестры и оба города, оба мужчины*. **Количественное числительное** *один* имеет форму мужского рода (*один*), женского рода (*одна*), среднего рода (*одно*) и форму множественного числа (*одни*), причем формы рода различаются во всех падежах. Числительное *два* имеет две формы рода: мужского рода (*два*) и женского рода (*две дочери*). Во множественном числе род различается только в именительном и в винительном падежах, если существительное обозначает неодушевленный предмет (*вижу двух девочек, мальчиков, но: вижу две книги, два словаря*)*.

**Прим. автора – Кроме ограничений на употребление числительных, к «дискриминации» форм женского рода в РЯ относим конвенцию, согласно которой в общем случае названия зоонимов выражают мужской пол (имеют мужской род). Только для домашних копытных животных есть регулярно употребляемые парные существительные женского и мужского рода (пола). При необходимости используются общеродовые слова «самец» и «самка».*

Совпадение формальных маркеров рода существительных — падежных окончаний слов первого склонения (*мама, папа*) — вызывает ошибки при согласовании: в китайской аудитории можно услышать **моя дорогая папа*.

В КЯ категория рода отсутствует, а в начертании знаково-иероглифов для личных местоимений 3-го лица *он, она, оно* (которые фонетически совпадают) одушевленность и пол, как мы уже говорили, имеют эксплицитное графическое выражение: иероглиф *она* 她 *ta* (ТА) содержит ключ 女 *nǚ* (НЮЙ) — *женщина*, *он* — 他 *ta* (ТА), *оно* — 它 *ta* (ТА). Пол обязательно выражается, если речь идет об отдельных человеческих существах, и не выражается, если же речь о людской массе (множестве *люди* или совокупности: *человечество, народ*).

Естественно, что мужской или женский пол могут иметь только живые существа: люди, высшие животные, птицы. Существительные, называющие лиц мужского/женского пола, содержат

морфему 男 nán (НАНЬ) или 女 nǚ (НЮЙ). Морфема 男 nán присоединяется к существительным мужского рода, а 女 nǚ — к существительным женского рода. Однако пол живых существ может и не выражаться: *Вызвали врача.* — В КЯ: 他们邀请医生。Tāmen yāoqǐng yīshēng. — Букв.: Они пригласить врач. В официальных документах указание на пол, как правило, не используется: 老师 (ЛАОШИ) — общеродовое слово *учитель*, но, как и в русском языке, при необходимости пол может быть уточнен, например: 男老师 (НАНЬЛАОШИ) — учитель-мужчина; 女老师 (НЮЙ ЛАОШИ) — учительница.

В именах родства КЯ категория пола выражается лексически и графически: они могут содержать графические ключи: для женского пола это 女 (НЮЙ) или 母 (МУ), для мужского — 儿 (ЭР), 父 (ФУ), 男 (НАНЬ). Приведем основные имена родства: бабушка — 祖母 zǔmǔ (ЦЗУМУ), внучка — 孙女 sūnnǚ (СУНЬНЮЙ), дедушка — 祖父 zǔfù (ЦЗУФУ), внук — 孙子 sūnzi (СУНЬЦЗЫ), 儿孙 **ersūn** (ЭРСУНЬ), тетя — 舅母 jiùmǔ (ЦЗЮМУ), племянница — 侄女 zhínǚ (ЧЖИНЮЙ), дядя — 伯父 bófù (БОФУ), племянник — 侄儿 zhíer (ЧЖИЭР*), мама — 母亲 mǔqīn МУЧЦИНЬ, папа — 父亲 fùqīn ФУЦИНЬ, брат — 兄弟 xiōngdì СЮНДИ, младший брат — 哥哥 gēgē (ГЭГЭ), старший брат — 弟弟 dìdì (ДИДИ), старшая сестра — 姐姐 jiějie (ЦЗЕЦЗЕ), младшая сестра — 妹妹 mèimei (МЭЙМЭЙ).

**Прим. автора – В КЯ система терминов родства более дифференцирована, чем в РЯ: 侄子 zhízi — сын брата; 外甥 wàisheng — сын сестры; 姪子 zhízi.*

Если возможно различить пол живого существа, то его можно выразить. В китайском языке для определения пола животных к названиям прибавляются 公 gōng для мужского и 母 mǔ для женского. Например: 公狗 gōng gǒu (ГУН ГОУ) — кобель и 母狗 mǔgǒu (МУ ГОУ) — сука; 公鸡 gōngjī (ГУНЦЗИ) — петух; 母鸡 mǔjī — курица (МУЦ'ЗИ). В книжном языке для определения пола птиц прибавляются: 雄 xióng (сЮн) для самцов и 雌 cí (ЦЫ) для самок птиц; а для животных — 牝 pìn (ПИНЬ) — самка и 牡 mǔ (МУ) — самец. Отсутствие полового признака означает невозможность присоединения к слову эквивалентов слов *самка* и *самец*, *мужчина* и *женщина*.

Анализ показывает, что уже в первых уроках китайские учащиеся встречаются с неизвестной им языковой реальностью — категорией грамматического рода, которая охватывает практически всю лексику русского языка (за исключением слов *pluralium tantum*, не имеющих формы единственного числа: сани, брюки, сутки, весы, каникулы. Слова *singular tantum*, не имеющие форм

множественного числа, — это имена собирательные: *ветошь, мелочь, детвора, воронье, мебель, багаж, одежда, обувь, молодежь* относятся к женскому роду: *новая обувь, веселая детвора; студенчество, офицерство, воронье, тряпье* — к среднему. Показательно, что среди собирательных имен мы не нашли слов мужского рода, возможно, что категория собирательности связана с выражением значения не-лица.

Значение одушевленности имеет различный характер: онтологический у субстантивов, дублирующий (согласовательный) у прилагательных (*добрый человек, добрые люди*) и координирующий у слов разных частей речи в предикативной функции — у глаголов (*ТЕ, кто стоит рядом с трибуной, громко скандируют*), кратких форм прилагательных (*Каша хороша! Борщ вкусен. Ван ленив*) и причастий (*Чемодан собран*). Несмотря на кажущуюся тривиальность образования и согласования форм числа для носителей флективных языков, оно сопряжено с рядом трудностей для носителей аналитических языков (без словоизменения), в т. ч. китайского языка. С учетом сказанного, необходимо включить в УМК комментарий этой грамматической категории.

§ 16. Категория субстантивного числа в русском и китайском языках и выражение значений категории детерминации

Категория субстантивного числа русского языка отражает универсально-логическую (понятийную) категорию количественности, формируя в ее ядерной зоне оппозицию «единичность» vs. «множественность». Данная категория имеет грамматический статус, облигаторно выражаясь в формах единственного и множественного числа имен существительных (*гром–громы; гроза–грозы*), прилагательных, числительных, в глагольной форме причастий, в личных окончаниях глаголов в изъявительном наклонении.

Приведем примеры форм числа существительных, показывающих сложность устройства этой, казалось бы, самой простой категории.

Ряд слов имеет по две формы множественного числа с разным значением: *дерево — деревья и дерева; муж — мужи и мужья*.

Вещественные и абстрактные существительные, образуя форму множественного числа, переходят в разряд конкретных имен, ср.: *хлеб — хлеба и хлебы, вода–воды; сок–соки; масло–масла; красота–красоты*.

Расхождение категорий числа в русском и китайском языках не ограничивается частными случаями, которые можно было бы задать списком, а затрагивает глубинные уровни концептуализа-

ции в самой структуре языка, репрезентируя значения вещественности, собирательности или счетности.

К трудностям в употреблении субстантивных форм числа инофонами относится число абстрактных имен действий и признаков, значение собирательности и другие случаи *дефектной* парадигмы числа. Так, существительные абстрактного значения со значением признака (*скромность, мудрость, красота*) и действия (*чтение, строительство*) не образуют форм множественного числа, тогда как другие существительные такую форму получают. Например: *способность–способности, талант–таланты, песок–пески*.

Значение числа в китайском (как языке аналитического строя) выражается принципиально иначе, чем в русском (языке флективного строя синтетического типа). Категория числа в китайском языке, как и в русском, представлена противопоставлением двух рядов форм: нейтральной в отношении числа, и маркированной по числу формой множественного числа с показателем 们 *men*. Однако языковой статус категории субстантивного числа и характер семантических оппозиций в русском и китайском языках не совпадает. Поскольку в аналитическом КЯ нет формоизменения, «существительное в китайском языке нейтрально в отношении числа: оно может обозначать как единичный предмет, так и совокупность однородных предметов. Число существительных в каждом конкретном случае уточняется контекстом»¹.

В русском языке в нереферентном употреблении (в основном в генеритивном регистре речи) формы числа взаимозаменяемы: *Берегите книгу/книги. Уважай женщину/женщин. Мужчина/мужчины — это вымирающий вид*.

Несмотря на типологическое различие кодирования, категория субстантивной количественности в обоих языках носит универсальные черты: она теснейшим образом связана с выражением речевой категории определенности–неопределенности. «Одно из возможных определений значение «определенность» основано на количественном совпадении референта ИГ с ее экстенсионалом в релевантном денотативном пространстве. Если же референт составляет лишь часть экстенсионала, мы имеем дело с неопределенностью»².

Структура китайской категории субстантивной количественности представлена в виде привативной оппозиции. На схеме (рисунок 1) показано, что формант 们 *men* маркирует форму множественного числа, характеризованную по значению определенности (это формант множественного числа, преимущественно для антропонимов, находящихся в фокусе эмпатии говорящего). Форма без этого показателя является нейтральной по числу,

¹ См.: Горелов В. И. Указ. соч.

² См.: Шмелев А. Д. Указ. соч.

и в качестве ее перевода на русский язык будем использовать собирательную форму «книжность», как предложил В. А. Курдюмов¹.

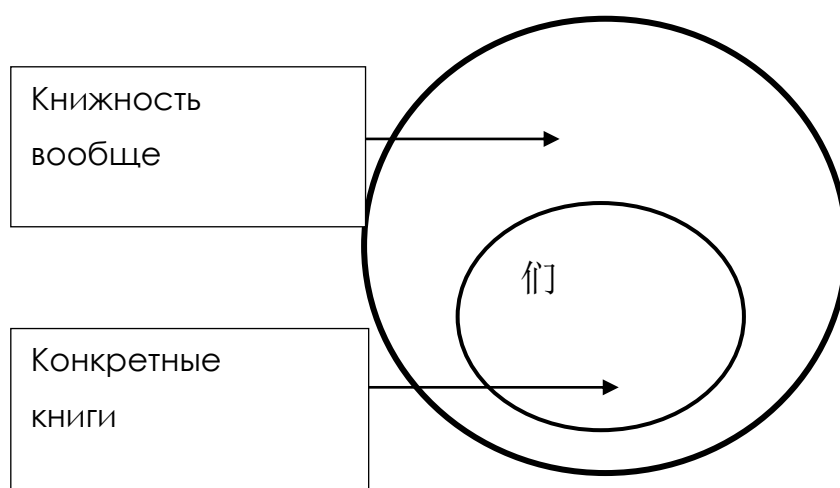

Рисунок 1 – Привативная оппозиция маркированных и немаркированных по числу субстантивных форм в китайском языке

На следующей схеме (рисунок 2) дана эквивалентная оппозиция форм числа имен существительных в русском языке. Из числового противопоставления выведены значения собирательности и вещественности (как правило, нереферентные).

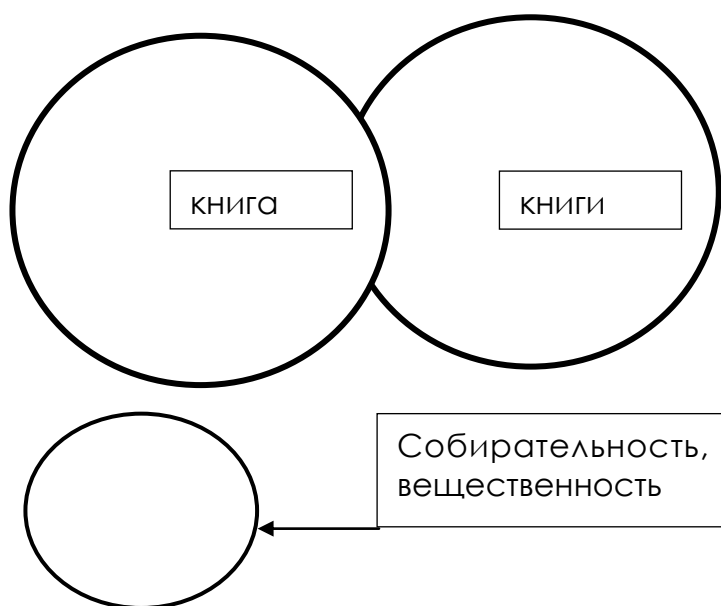

Рисунок 2 – Эквивалентная оппозиция субстантивных форм числа в русском языке

В КЯ грамматически «неоформленное» показателем 们 men слово никогда не может быть количественно определенным и, следовательно, референтным. Количественно немаркированная форма имени в КЯ обозначает предмет вообще и не имеет конкретного

¹ См.: Курдюмов В. А. Указ. соч.

референта. Это понятийное значение имени, которое обычно дается в толковых словарях и совпадает с нереферентной формой единственного числа в РЯ. Нейтральная форма КЯ выражает значение *собирательность*, которое следует понимать не в смысле собирательности русского языка как неделимой совокупности, а как идею существенных признаков класса. *Собирательность* как лексико-грамматическая категория (*молодежь, воронье, студенчество, человечество, солдатня, ребята, ребятня*) в КЯ не представлена.

Немаркированная форма числа в КЯ обозначает весь экстенционал или любого представителя класса. Ср. 我可以买书。— Wǒ kěyǐ mǎi shū. (ВО КЭИ МАЙ ШУ) — Я могу купить [какую-нибудь] книгу (книжность) для него. 我喜欢读书。Wǒ xǐhuān dúshū — Букв.: Я люблю читать книжность, что означает *Я люблю читать книги; Я люблю читать.*

Категория определенности-неопределенности (далее — Опр.) на поверхностно-синтаксическом уровне ПВ РЯ выражается при помощи грамматических и лексических средств. К первым относятся формы субстантивного числа, ко вторым — неопределенные местоимения типа *кто-то, кто-нибудь, что-либо, несколько, сколько-нибудь, какие-то* и определительные местоимения *этот, тот, один*. Как показатели референции необходимо рассматривать кванторные слова и выражения РЯ: *каждый, любой, всякий, некоторые из..., один из..., несколько, много, мало, многие, немногие* и др.¹.

В КЯ есть особая группа слов, выражающих саму идею исчисляемости — это счетные слова*, или классификаторы. В КЯ референтность или нереферентность употребления субстантивов указывается дополнительно: референтность обозначается при помощи сочетания числительного и счетного слова перед именем и указательных местоимений. Счетные слова в сочетании с числительным непременно участвуют в выражении значений *единичность* и *определенная по числу множественность*. Счетных слов в КЯ порядка ста. В таблице 7 приведем наиболее употребительные именные счетные слова КЯ, маркирующие лексические классы имен.

**Прим. автора – Хотя счетные слова имеют служебный характер, графическая форма иероглифа (пиктограмма) указывает на определенные общие и существенные категориальные признаки объектов, с именами которых они сочетаются. К примеру, с помощью счетного слова 双 shuāng выражается значение «парность»*

Далее покажем структуру категории субстантивного числа в КЯ и ее связи с категорией определенности в виде дендрограммы.

¹ См.: Ревзина О. Г. Функциональный подход к языку и категория определенности-неопределенности / Отв. ред. Т.М. Николаева // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. Москва: Наука, 1979. С. 64–90.

Таблица 7 — Наиболее употребительные именные счетные слова китайского языка

Именное счетное слово	Квалификативный признак	Представители класса
把bǎ БА	предметы с ручкой	нож, веер, стул, чайник
杯bēi БЭЙ	мера жидкости: бокал, стакан, кружка	жидкости и сыпучие вещества
本běn БЭНЬ	переплет	толстый журнал
份fèn ФЭНЬ	бумаги, документы	тонкий журнал
封fēng ФЭН	то, что запечатывают	письмо, телеграмма
口kǒu КОУ	едоки	население, члены семьи
件jiàn ЦЗЯНЬ	одежда, вещи	одежда, дело
块kuài КУАЙ	кусок	мел, часы, материя
间jiān ЦЗЯНЬ	помещение	гостиница, спальня, классная комната
个gè ¹ ГЭ	универсальное счетное слово, «штука»	люди, вещи
辆liàng ЛЯН	транспортное средство на колесах	вагон, машина, велосипед
双shuāng ШУАН	парные предметы	обувь, руки, крылья, палочки для еды, серьги
所suǒ СУО	постройка	дом, сарай
台tái ТАЙ	механизм	трактор, печатная машинка
条tiáo ТЯО	продолговатая форма	дорога, рыба, брюки, река, галстук, юбка
位wèi ВЭЙ	уважаемые лица	гость, учитель, господин
张zhāng ЧЖАН	плоская поверхность	карта, стол, бумага
支zhī ЧЖИ	письменные принадлежности	винтовка, ручка, карандаш, кисть, чернильница
只zhǐ ЦЖИ	парные предметы, птицы, животные, лодки, суда	ухо, рука, носок, туфля, утка, свинья
种zhǒng ЧЖУН	сорт, вид	идеи, вещи, фрукты, ткани, породы
坐zuò ЦЗО	массивные объекты	храм, гора, мост
头tóu ТОУ	округлая форма	голова, картофель, капуста

¹ .О других (стилистических, оценочных, прагматических) функциях счетного слова 个gè и условиях его дистрибуции (см.: Тань А. Проблемы скрытой грамматики: Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка). Москва: Языки славянской культуры, 2002. С. 641–644).

В категории субстантивного числа КЯ мы выделили две зоны: референциально определенной и неопределенной количественности. К референциально определенной количественности мы относим формы, маркированные по значению определенности: единичность и множественность. На определенно-референтную количественность (на единичность или множественность) указывают дейктические местоимения 这 zhe (ЧЖЕ) — *этот*, 哪儿 nǎr (НАР) — *тот*. 这些双 zhèxiē shuāng (ЧЖЕСЕ ШУАН) притяжательные местоимения показатель атрибутивности 的 de (ДЭ) в препозиции к имени: 我 wo + 的 de (ВОДЭ) — *мой*, 他 tā + 的 de (ТАДЭ) — *его*.

В определенно-референтном употреблении имя единичного или множественного объекта определяется: либо единичность с указанием на точное количество, что выражается морфемным комплексом *указательное местоимение + счетное слово + числительное + имя бытующего объекта*, либо множественность без указания на точное количество.

Референтно-определенная количественность, связанная с указанием на элементы множества как на совокупность счетных или несчетных объектов, выражается показателями: 这/那些 zhè (ЧЖЕ) / nàxiē (НАСЕ) — *это/то неопределенное количество, эта часть целого, эта/та некоторая часть, эти/те несколько*.

Определенно-референтную множественность выражает формант 们men (МЭНЬ), выражающий идею множественности наличных элементов дифференцированного множества, находящихся в фокусе эмпатии говорящего: 孩子们 háizimen (ХАЙЦЗЫМЭНЬ) — *несколько известных нам ребяташек*, 他们都 tāmen dōu (ТАМЭНЬ ДОУ) — *они все* (ср.: *Они все вернулись обратно, никто не поступил в университет*).

Формант 们men (МЭНЬ) сигнализирует о ситуации знания или наблюдения, в которой множественность не может не быть количественно определенной: «все эти наши детки».

В зону II референциально неопределенной количественности мы помещаем формы маркированные по значению количества и немаркированные по значению количества. Маркирование по количеству осуществляется двумя способами: числовым и нечисловым.

К числовому способу маркирования отнесем примеры типа: 一本书 yī běnshū (И БЭНЬ ШУ) — *одна (любая) книга*, 三本书 sān běnshū (САНЬ БЭНЬ ШУ) — *три (какие-нибудь) книги*, а к нечисловым — случаи, аналогичные 几个孩子 jǐ gè háizi (ЦЗИ ГЭ ХАЙЦЗЫ) — *сколько детей, некоторые дети*; 在家所有的孩子 zàijiā suǒyǒu de háizi (ЦЗАЙЦЗЯ СУОЮ ДЭ ХАЙЦЗЫ) — *все имеющиеся дети в семье* (ср.: *Все*

дети должны ходить в школу), 所有的孩子都 suǒyǒu de hái zi dōu (СУОЮ ДЭ ХАЙЦЗЫ ДОУ) — все дети, где 都 dōu – всё и все (ср.: Все дети должны иметь семью); 一些蛋 yīxiē dàn (И СЕ ДАНЬ) — немного яиц, 一斤苹果 yī jīn píngguǒ (И ЦЗИН ПИНГО) — полкило яблок.

Референтно-неопределенная и количественно-неопределенная множественность, в т. ч. лексико-грамматическое значение «вещественность» (разрядов собирательных и вещественных имен в КЯ мы не обнаружили) передается:

– при помощи комплекса 所有的 suǒyǒu de — букв.: *любые имеющиеся, наличные*, передается сочетанием морфем 一些 — *немного, сколько-нибудь, некоторое количество вещества*;

– при помощи комплекса 几个 jǐ gè (ЦЗИГЭ), который указывает на такую же количественно-неопределенную референтность, как и русские неопределенные местоимения *сколько, несколько, некоторые*;

– нейтральная форма числа, как уже говорилось, выражает значение *класс*, она используется в нереперентном употреблении.

Соотнося средства выражения значений числа и межкатегориальные связи субстантивного числа и аспектualityности, важно отметить, что значение *определенности* тесно связано с *актуализованностью*, и грамматическая категория субстантивного числа в РЯ имеет зону взаимодействия с категорией глагольного вида.

Категория субстантивного числа в РЯ определяет возможности актуализации имен объектов и событий в речи, теснейшим образом взаимодействуя с категорией глагольного вида. Форма числа существительного в объектной позиции указывает на характер референции и позволяет отличить значение узуального (повторяющегося) целостного действия (*читает книги*) от значений актуального настоящего (*читает книгу в данный момент*) или неактуального, широкого настоящего (*читает книгу уже месяц, взял и не отдает*).

Аспектualityные значения *однократность vs. повторяемость* кодируются в т. ч. и при помощи форм соответствующего числа имен существительных в объектной функции при глаголе. В контексте совершенного вида (*прочитал книгу или книги*), представлено действие, охватывающее один или несколько объектов. Форма совершенного вида глагола называет конкретный результат действия (*прочитал книгу*), возможно, достигнутый в несколько приступов, либо с комплексным объектом (*прочитал книги*), а форма несовершенного вида может обозначать действие как конкретно (*читает книгу* — в английском языке соответствует *Present Indefinite*), так и обобщенно, в т. ч. как потенциальное (*читает книги* — *любит, умеет читать*).

Информация о межкатегориальном взаимодействии значений аспекта (вида), числа и определенности ни в одном из известных

нам УМК до сведения учащихся не доводится. Это, на наш взгляд, приводит к некорректной постановке грамматических стереотипов учащихся. В частности, китайские студенты некорректно используют форму объекта переходного глагола *читать*: употребляют существительное *книгу* в единственном числе, выражая узואальное действие, переходящее на множественный объект *книги*.

Представим систему значений категории *числа и определенности* в китайском языке в форме дихотомической классификации, взяв за основу деления характер референции¹.

¹ См.: Акимова И. И. Указ. соч., 2013. 170 с.

II. Референтные значения (с видовым счетным словом, для *книжности* — это 本**běn** (БЭНЬ), для *вытянутых* предметов — 条*tiáo* (ТЯО), и т. д.):

1. Неопределенная референтность.

1.1. Количественная (числовая) определенность:

1.1.1. Неопределенно-референтная единичность: 一本书 **yī běn shū** — *какая-то штука книга — какие-нибудь книги: И БЭНЬ ШУ*; купи (любые) брюки 买一条裤子 *mǎi yī tiáo kùzi* (МАЙ И ТЯО КУЦЗЫ). На основании способа выражения в КЯ можно заключить, что *единичность* — это частный случай множественности.

1.1.2. Неопределенно-референтная множественность: 三本书 **sān běn shū** — *три штука книга — три книги: САНЬ БЭНЬ ШУ*.

1.2. Количественная (числовая) неопределенность:

1.2.1. Неопределенно-референтное количественно неопределенное неактуализованное всё наличное множество как целое: все имеющиеся (наличные) элементы множества, составляющие класс (экстенционал) или его часть: 所有的书 *suǒyǒu de shū* — *все имеющиеся книги*, 所有的狗 *suǒyǒu de gǒu* — *все собаки, какие есть в...*

1.2.2. Неопределенно-референтная часть множества, выборка из подмножества: 一些书 **yīxiē shū** — *немного книжность — несколько каких-нибудь (любых) из этих книг: И СЕ ШУ*.

2. Определенная референтность.

2.1. Определено-референтная часть класса.

2.1.1. Определено-референтная количественно неопределенная часть множества:

2.1.1.1. Определено-референтная количественно неопределенная неактуализованная часть множества: 这些本书 **zhèxiē běn shū** — *эти несколько штука книжность — эти несколько книг: ЧЖЕ СЕ БЭНЬ ШУ*; определено-референтная количественность или вещественность: 这些汤 *zhèxiē tāng* — *этот суп*, 这些苹果 *zhèxiē píngguǒ* — *немного этих яблок — какие-нибудь яблочки, несколько, немного яблочек*.

2.1.1.2. Определенно-референтное, количественно неопределенное, актуализованное и находящееся в поле зрения говорящего (в фокусе его эмпатии) множество объектов: 两本书们 **liǎng běn shū mén** — *две штука книжность много определено — книги, о которых мы говорим: ЛЯН БЭНЬ ШУ МЭНЬ*. Данный способ выражения отмечался носителями языка как неупотребительный, книжный, но вполне нормативный. Пример: 孩子们 *háizimen* — *детки, ребяташечки, о которых я говорю: ХАЙЦЗЫ МЭНЬ*¹.

¹ См.: Тань А. Проблемы скрытой грамматики: Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка). Москва: Языки славянской культуры, 2002. 899 с.

2.2. Определенно-референтная количественно определенная наличная количественность:

2.2.1. Определенно-референтная наличная единичность. Данное значение имеет два вариативных способа выражения:

1) 这一本书 **zhè yī běn shū** — **эта одна штука книжность: ЧЖЭ И БЭНЬ ШУ;**

2) 这本书 **zhè běnshū**: **ЧЖЭ БЕНЬ ШУ;** второй способ выражает скрыто-определенную ИГ в русском языке, например, в примере *купленные книги*.

2.2.2. Определенно-референтная наличная множественность: 这三本书 **zhè sān běn shū** — *эти три штука книжность* — эти три книги: **ЧЖЭ САНЬ БЭНЬ ШУ.**

Назовем выявленные расхождения категоризации (таксономии) по числу в русском и китайском языках.

В РЯ словарная форма имени существительного (имя класса) *случайно* совпадает с формой единственного числа. Грамматическое значение единичности при референтном употреблении тяготеет к определенности референции, а грамматическая множественность — к референциальной неопределенности. В китайском языке определенность референции связана с количественной определенностью, поэтому в КЯ обязательно маркируется количественная определенность или неопределенность.

В РЯ значение класса и значение представителя класса на уровне словоформы грамматически не выражается, но восстанавливается из конситуации (*книга — эта книга; книги вообще — данные известные книги*). В китайском языке данные значения выражаются и различаются с помощью грамматикализованных формантов.

1. Формант 们 *mén* выражает определенность единичного объекта или множества.

2. Значение «представитель класса» выражают счетные слова при существительном: 一本书 *yī běn shū* (И БЭНЬ ШУ) — [одна любая] книга; 买一条裤子 *mǎi yī tiáo kùzi*. (МАЙ И ТЯО КУЦЗЫ) — купи [какие-нибудь] брюки.

3. Счетное слово 个 *ge* (ГЭ) в сочетании с указательным местоимением выполняет функцию специального актуализатора с лексическим значением *вид, род, тип*. 这个书现在买不到了。 — *Zhège shū xiànzài mǎi bù dào le.* — *Эту (= такую) книгу сейчас уже не купишь* = никто не может купить.

4. Определенно-референтные множества предметов в КЯ маркируются: 那些书 *nà xiē shū* (НА СЕ ШУ) — *те несколько книга*.

В русском языке числительное *один* используется для выражения «количества чего-либо, равного этому числу»¹: *пришел один человек*. Китайское числительное 一 (один) выполняет ту же функцию: указывает на количество: 一个人来了. Yīgè rén lái le (ИГЭ ЖЭНЬ ЛАЙЛЭ) — Один человек пришел. Род в китайском языке не выражается, а в русском языке род выражен четырежды: один раз как род существительного и дважды согласованием числительного и прилагательного, а также координацией подлежащего и сказуемого: пришел сорок ОДИН китайский студент/сорок ОДНА китайская студентка пришла.

И в РЯ, и в КЯ имеется омонимичное местоимение «один», которое вводит новый топик: *один человек сказал*. 一个 yīgè (ИГЭ), омонимичное числительному *один*, в КЯ осуществляет ввод темы в когнитивную сферу адресата в интродуктивном предложении. Местоимение 一个 yīgè указывает на определенность вводимого в общую сферу знаний имени (модальная рамка «говорящий знает, о чем или о ком он говорит»): 一个朋友的说... yīgè péngyǒu de shuō... (ИГЭ ПЭНЬЮ ДЭ ШУО) — букв.: один друг +ДЭ + говорить = по словам друга, как говорит друг. Однако Отмеченная омонимия при выражении неопределенной единичности и референциальной определенности в РЯ является для китайских учащихся языковой трудностью. Необходимо обратить внимание на порядок слов и линейно-интонационную структуру. Так, в случае квантификации словосочетание с числительным стоит в рематической части (*Пришел один человек*), а в случае детерминации — в тематической (*Один человек пришел. Пришел один человек*). Вообще следует отметить, что при функционально-коммуникативном подходе интонация оказывается важной частью грамматики, ср.: *Детей у них всего пять. И у них // всего пять детей* (= мало), и, к сожалению, в грамматиках для иностранцев это никак не отражено.

В РЯ значение неопределенной и определенной множественности выражается контекстуально, тогда как в КЯ маркируется аналитически — при помощи комбинаций морфем. Референтная определенность-неопределенность имени зависит от эмпатии говорящего.

В фокусе эмпатии говорящего в КЯ находятся предметы, имена которых маркируются при помощи 们 men (МЭНЬ)*. Данное средство выражения определенной множественности в китайском языке носит прагматический, необлигаторный характер. Обозначаемые предметы для говорящих количественно и референтно определены, находятся в их общей сфере знаний.

¹ Морковкин В. В. Указ. соч. С. 237.

Прим. автора – Существо обсуждаемой проблемы хорошо отражают логические термины «распределенный»/«нераспределенный» термин. В КЯ указывается, в каком объеме взят термин: покрывает ли он все множество своего объема или работает на какой-то части объема. Например: **Все дворовые собаки мечтают завести хозяина. Номинация **все дворовые собаки** представляет определенную неактуализованную множественность. Ср.: **Все собаки, что живут в нашем дворе, знают, кто их кормит. Здесь все собаки, живущие в нашем дворе** — это количественно определенное множество собак, по крайней мере для говорящего, однако количественная сторона не является актуальной для коммуникации. Показатель референтной Опр. 11'1тен во втором случае факультативен, т. к. определенность фактически выражена определением «живущие в нашем дворе».*

Определенность референции в КЯ выражается при помощи 这 zhè (ЧЖЭ) и 那 nà (НА) — аналогов определительного местоимения РЯ: *этот, эта, это, эти; тот, та, то, те* в сочетании с числительным, указывающим на количество объектов: 这一本书 zhè yī běn shū (ЧЖЭ И БЭНЬ ШУ) – *эта одна книга*, или без числительного для единичного объекта: 这本书 zhè běn shū — (ЧЖЭ БЭНЬ ШУ) *эта книга*; 这两本书 zhè liǎng běn shū (ЧЖЭ ЛАН БЭНЬ ШУ) — *эти две книга* и в сочетании с нечисловыми показателями неопределенной количественности (как части класса): 那些书 nà xiē shū (НА СЕ ШУ) — *те несколько книга*.

Итак, материал КЯ продемонстрировал, что характер оппозиций внутри категории определенной vs. неопределенной количественности в РЯ и в КЯ этноуникален. Расхождения языковых систем, оказывающие интерферирующее влияние при овладении русской количественностью, связаны со структурой и типологией сопоставляемых языков. Факт этноуникальности системы значений категории количественности в РЯ и КЯ позволяет предположить, что фактором существенного интерферирующего влияния являются не столько формальные расхождения средств выражения единственного и множественного числа, сколько содержательные различия в выражении значений определенности/неопределенности при выражении количества средствами двух языков.

В «Грамматическом комментарии и словаре»¹ в ориентированной на китайских учащихся версии УМК «Дорога в Россию» комментарий по теме «Категория грамматического числа» отсутствует². Между тем учет различий в устройстве категории субстантивного числа в РЯ и КЯ необходим в практике преподавания этих языков, т. к. категория грамматического числа не является «прозрачной» для китайских студентов. Комментарий для китайского учащегося должен быть направлен на показ системных явлений семантического плана, таких как потенциальная (семантическая) возможность или невозможность образования форм числа существительных разных лексико-

¹ Юй Чанхуэй Грамматические комментарии к урокам (китайская лицензионная версия УМК «Дорога в Россию». Пекин: Издательство иностранных языков.

² См.: Антонова В. Е., Нахабина М. М., Толстых А. А. Указ. соч., 2003. С. 59–69.

грамматических разрядов* и механизмов межкатегориальных взаимодействий в родном и изучаемом языках.

**Прим. автора – Собираательные, вещественные, а также абстрактные имена существительные не имеют форм мн. числа, ср.: молодёжь, ворьё, ложь, строительство, но в курсе ТРКИ-1 иностранным учащимся эта далеко не самоочевидная информация нигде не сообщается.*

Перейдем к обсуждению трудностей именных синтаксем (категории падежа).

§ 17. Теория синтаксем как лингводидактическая основа функционального представления категории падежа в курсе русского языка как иностранного

Понятие синтаксемы

Из всех формальных* категорий имени в РЯ наиболее сложно устроенной является категория русского падежа (падежей) существительных. В XX веке было установлено, что категория падежа имен существительных проявляет свои смыслообразующие потенции (функции) на уровне синтаксем и именных групп (ИГ).

**Прим. автора – К формальным грамматическим категориям относятся словоизменяемые категории (род, число, падеж для именных частей речи, время, наклонение, залог для глаголов и причастных и деепричастных форм. Категория вида является неграмматизированной категорией и к числу формализованных не относится.*

Примечание – Понятие «синтаксема» введено в лингвистический оборот на материале древнеанглийского языка¹. Теория синтаксем, разработанная Г.А. Золотовой на материале русского языка, явилась новым значительным шагом вперед². С формой слова связаны три понятия разного уровня абстракции, это словесная форма, словоформа и синтаксема.

1. Словесная форма представляет собой уровень высокой абстракции, например, словесная форма на +№4 объединит такие разные синтаксемы, как: **на пляж (идти) / на Урал (ехать), на урок идти, на люди (собираться), на проверку (оказаться), на первый взгляд (показаться), на удачу (надеяться)**; словесная форма №5: **Отчизной (гордиться), ножом (резать), самолетом (лететь), другом (быть преданным), врагом (убит), собакой (облизан).**

2. Словоформа — конкретная форма конкретного слова в тексте. Синтаксическая парадигма (ряд использующихся в речевых построениях форм) слова может не совпасть с морфологической парадигмой. Так, не раз указывалось на ограниченность употребления форм **окну, столу, двЕри, лЕсу, камню** (пожалуй, только с предикатом много лет). Повелительное наклонение глаголов неконтролируемого действия: **Болей!**

¹ См.: Мухин А. М. Функциональный анализ синтаксических элементов (на материале древнеанглийского языка): монография. Москва: Наука, 1964. 293 с.

² См., например: Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса. Москва: Наука, 1973. 352 с.; Золотова Г. А. О конститутивной синтаксической единице // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. Москва: Наука, 1981. Т. 40. № 6. С. 496–508.; Золотова Г. А. Указ. соч., 2001. 440 с.

Теряй! Забывай!, форма 1 лица ед.ч. негативно оцениваемого действия: *клевету; лгу, злорадствую, трушу* нуждаются в особых контекстах.

3. Уровень «синтаксема» относится к классу слов и учитывает семантический и синтаксический потенциал соответствующей словесной формы. Г.А. Золотова говорит о «синтаксической функции» синтаксемы как о ее «конструктивной роли в построении коммуникативной единицы»¹.

Синтаксема — это морфосинтаксическая форма знаменательной части речи, включающая в себя предлог (в случае имен существительных: *к брату, из окна, вдоль моря, у моря, со временем, часу в шестом*), или частицу (*ни разу, писал бы, мне ли, не присела (за весь день)*), словоформу строевого слова (*начал говорить, будем знакомы, пусть придет; будь здоров; хочется спать; надо работать*) и связки (*был рад, будет врачом*), в которой слова знаменательных частей речи занимают синтаксическую позицию в синтаксических построениях и выступают как носители элементарного смысла². Синтаксема — это строительный блок предложения-высказывания. В синтаксеме проявляется единство лексического и категориального значений слова, с одной стороны, и его морфологической формы — с другой.

Как синтаксемы функционируют слова всех знаменательных частей речи. Далее, обсуждая именную категорию падежа, будем говорить преимущественно об именных синтаксемах, которые способны образовывать именные группы: *со скоростью 100 км/час., в будущем году, через час после обеда, за неделю до отъезда, в километре от дома, отложить до приезда* и др., которые составляют единое смысловое целое и имеют эквиваленты в других языках (примеры соответствий в КЯ см. в соответствующих параграфах).

Мы принимаем положение Г. А. Золотовой о синтаксеме, потому что слова работают в синтаксисе, и синтаксема — это лингвистическая универсалия. В КЯ трудно определить часть речи, практически невозможно сделать это без знания лексического значения, но в предложении-высказывании частеречная функция устанавливается благодаря синтаксической модели (позиции члена предложения), а также именным и глагольным формантам, оформляющим слова. Применительно к китайскому и другим языкам изолирующего строя можно говорить о категории синтаксического падежа. Русскому именительному соответствует прямой синтаксический падеж, представленный именной группой в позиции подлежащего. Косвенные синтаксические падежи выражают объектные и сирконстантные роли. И независимо от того, имеется ли формоизменение в конкретном языке, синтаксема определяется на основе денотативного (лексико-грамматического) значения.

¹ Золотова Г. А. Указ. соч., 2001. С. 4.

² См.: Всеволодова М. В. Указ. соч., 2016. С. 225–263.

В связи с этим целесообразно обучать не только падежной системе и формам именного словоизменения, а наиболее коммуникативно-значимым способам выражения основных денотативных ролей, о чем подробнее будет сказано в дальнейшем.

Здесь же заметим, что в китайском языке нет безличных конструкций, характерных для русского языка. Субъектная роль всегда маркируется прямым синтаксическим падежом — синтаксической позицией перед глаголом, ср. кальки с КЯ: *Мне плохо слышно*. 我听你错了 Wǒ tīng nǐ cuò le. — Букв.: Я слышать ты плохо; *Нам весело*. 我们很高兴 Wǒmen hěn gāoxìng. — Букв.: Мы веселый.

Семантический потенциал именных синтаксем

Слова разных лексико-грамматических разрядов существительных формируют разные типы именных синтаксем: пространственного **значения**: *в лесу, в шкафу, на стене, на платье, у дома, недалеко от тебя, за домом, по парку (гулять)*; **временного**: *в субботу, на неделе, за неделю, к шести, после звонка, через неделю, спустя неделю, между часом и тремя*; **причинного**: *из-за тебя, по невнимательности, от страха, из любви к искусству*; **целевого**: *к празднику, для детей, не славы ради*; **атрибутивного**: *дом брата, защита жены, щи из говядины, юбка в пятнах/в дырках/в кляксах/руки в царапинах (идея повреждения — П.п.), блузка в горошек, скатерть в полосочку/в клетку (В.п.)*.

Одинаковые словесные формы имеют разные значения и характеризуется разной функциональностью на уровне словосочетания и предложения, выступая в качестве разных синтаксем (и это случаи грамматической омонимии): *у озера (жить), у бабушки (гостить) и у бабушки (есть внуки), у деда (борода), в снегу валяться — город в снегу, проехать зайцем (скрытно, без билета) и скакать зайцем — любоваться зайцем*. Как будет показано, изолирующий язык избегает подобной многозначности, в связи с чем синтаксемы косвенных падежей сложны для понимания китайским учащимся.

Семантический потенциал именных синтаксем требует изучения. Необходимо обращать внимание на лексическую и лексико-грамматическую сочетаемость синтаксем, ср.: *мать в слезах/в гневе/в панике*, но: *собака *в гневе, *в печали* (свободные синтаксемы со значением эмоционального состояния в РЯ относятся только к человеку)¹.

¹ См.: Крюčkova М. Л. Особенности глагольного немотивированного управления в современном русском языке. Москва: Русский язык, 1979. 120 с.; Ван Я. Модели русских предложений с предикатами эмоционального отношения и состояния в зеркале китайского языка // Вестник МГУ. Серия филологическая. 2005. № 6. С. 139–155.

О том, что сочетаемость слов должны рассматриваться на уровне не только грамматики, но и семантики, писал А. М. Пешковский: «абстрагировавшись от реального и конкретного в словах, мы могли бы получить некую структуру (схему) предложения, внешне сходную с предыдущей, но лишенную реального содержания. Например: *Лес убил охотника в олене, Озеро на утках плавает* и т. п. Но это уже не грамматика, а пародия на грамматику»¹.

Синтаксический потенциал синтаксемы (позиция в предложении)

По способности синтаксемы занимать позицию в предложении-высказывании (ПВ) Г. А. Золотова делит синтаксемы на три типа: имеющие изолированное употребление семантически самодостаточные синтаксемы — свободные (I), являющиеся компонентом предложения — обусловленные (II) и являющиеся компонентом словосочетания — связанные (III). В группе II различаются синтаксемы в составе грамматической основы (преддицируемого и преддицирующего типа) и вне грамматической основы предложения (распространитель и компонент полипредикативного предложения). В группе III выделяются приглагольный, приименный, приаъективный, принаречный компоненты². В работе принята уточненная классификация типов синтаксем М. В. Всеволодовой. Далее подробнее рассмотрим синтаксически релевантные характеристики именных синтаксем — их типы и позиции, и методику работы с синтаксемами и сформированными на их основе именными группами различного типа³.

Типы и позиции синтаксем как синтаксически релевантные характеристики

Согласно концепции М. В. Всеволодовой, которая развивает учение о синтаксеме Г. А. Золотовой в рамках ФКЛДМЯ, существенные признаки синтаксемы — ее тип и синтаксическая позиция. По типу именной синтаксемы определяется тип связи «управление», которое может быть мотивированным, обусловленным и немотивированным, а по характеристике валентности различают сильное и слабое управление*. Данные характеристики синтаксем определяют их способ представления в аудитории инофонов.

**Прим. автора — Слабое управление характерно для непереходных глаголов, управляющих существительным в синтаксической роли дополнения: пойти за молоком, перейти через дорогу, лететь самолетом, добираться морем/по морю, ехать автобусом, лететь над лесом, резать ножом, рубить топором, пилить пилой, писать чернилами, поливать водой и т. д.*

¹ Цит. по: Белов А. И. А. М. Пешковский как лингвист и методист. Москва: УЧПЕДГИЗ, 1958. С. 20.

² См.: Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Под общ. ред. Г. А. Золотовой. Москва, МГУ, 1998. 528 с.; Золотова Г. А. Указ. соч., 2001. 440 с.

³ См.: Всеволодова М. В. Указ. соч. 2000. С. 186–191.

По типу, как сказано выше, все синтаксема делятся:

- 1) на свободные,
- 2) обусловленные,
- 3) связанные.

Материал подтвердил, что все три типа именных синтаксем существуют и в КЯ. Свободная, обусловленная и связанная синтаксемы также характеризуются по занимаемым позициям, соответственно формируя мотивированное, обусловленное и немотивированное управление:

- вне предложения;
- в структуре предложения (в субъектно-предикатной паре или вне ее);
- при слове¹.

1. Свободные синтаксемы обеспечивают так называемое **мотивированное управление**, когда форма синтаксемы семантически самостоятельна и не зависит от управляющего слова. Они выражают денотативное содержание (типовую ситуацию) вне контекста (в заголовочной функции): *Для пищевых продуктов* (надпись на таре), *к платформе № 2* (указатель), *Из России в Париж* (заглавие), *Из Петербурга в Москву, Москва – Озерки, От Президиума*. 16+ (возрастная классификация информационной продукции). *На уроке. В декабре. После дождика в четверг. У реки. За овощами. За свободу. С братом. Об отце. У бабушки в деревне.*

В отличие от свободных, обусловленные и связанные синтаксемы семантически не самодостаточны.

2. Обусловленная синтаксема в синтаксическое построение включается немотивированно и проявляет свою денотативную роль² в семантической структуре предложения: *Мне грустно. Отцу за тридцать, Мне рано вставать. У нее/сестра замужем* (обусловленной именной синтаксемой Д.п. выражен семантический субъект), *Сестра Петра вернулась домой. Плащ цвета хаки* (обусловленная именная синтаксема И.п. *сестра* стоит в синтаксической позиции подлежащего). Здесь необходимо сказать, что форма И.п. также считается связанной обусловленным управлением. Отметим, что И.п. функционирует не только как подлежащее, ср.: *Он живет в городе Москва. По имени Лида; длиной два метра, шириной порядка три метра, крепостью один к трем, не менее два-три метра длиной*³. Существенно, что субъект

¹ См.: Всеволодова М. В. Указ. соч. 2000. С. 167–174; Всеволодова М. В. Указ. соч., 2016.

² Денотативные (по терминологии ТФКС) роли — это семантические актантные и сир-константные роли компонентов предложения-высказывания: агенса, экспериенцера, пациенса, бенефактива, донатора, инструмента и т. д. (Всеволодова М.В. Указ. соч. 2000. С. 133–153).

³ См.: Судзуки Р. Русские атрибутивные конструкции со значением «параметрическая характеристика предмета» и функционирование в них компонентов предложного типа (в зеркале японского языка): дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2008. 273 с.

и подлежащее — это единицы разных уровней: формального и денотативного, поэтому субъект предложения в русском языке часто выражается косвенным падежом: *Отцу сорок. У мамы ангина. Ивану обидно. С сыном проблемы. У нее экзамен.*

Конструктивно-обусловленная позиция — это позиция синтаксем, связанных отношениями предикации в составе основной или дополнительной пропозиции¹. Синтаксически обусловленными могут быть синтаксемы всех трех типов. Далее полужирным курсивом выделены именные конструктивно-обусловленные синтаксемы:

а) свободная: *Иван преподает,*

б) обусловленная: *Отцу 40 лет. Книг — три. У Маши мать экономист. Онегин Лариным сосед; Тучи на небе — к дождю. Для меня это пустяк. Тебе пора. Понаехало гостей!*

в) связанная: *Летать удобно. Аэрофлотом. Аэрофлотом — удобно. Раскупили — мою книгу. Книгу мою — раскупили. Случилась беда с братом. С братом — беда. Детей — четверо. От брата — письмо. Письмо — от брата. Книг — пять. Друзей — много. Проблем — нет. Трава — по пояс. Оля — выдающегося ума. Письмо — от брата, Мясо — собаке. Виновников — к ответу.*

Именно категория падежа обеспечивает *мобильность* словоформ русского языка. *Свобода* (а точнее — функциональность) русского словопорядка обеспечивается флективным строем языка, при котором формальная сторона знака указывает на направление и характер синтаксических связей слов в предложении. Такого рода явления составляют яркую особенность синтаксиса русского языка.

Связанная синтаксема попадает в конструктивно-обусловленную позицию благодаря действию актуального членения предложения, где она стоит в присловной позиции.

3. Связанные синтаксемы выражают денотативную роль в словосочетании с главным словом. Они реализуют валентность управляющего слова, ср.: *дружить с Машей, жениться на Даше, играть на рояле, играть в шахматы, играть в футбол, пилить пилой, есть вилок, ср.: с помощью вилки (есть рыбу) — свободная/при помощи (предлог) вилки, а с помощью брата — это брат помог, в случае (предлог) войны — На случай войны, в случае (сущ.) с Петром — в случае* (сущ. или предлог) Петра.*

Прим. автора — В этом примере мы видим шажок к «опредложиванию» формы «в случае», так как частеречная принадлежность слова здесь зависит от интерпретации. Как известно, все изменения в языке происходят пословно, ср.: формы **глазА, бокА, берегА сохраняют окончание двойственного числа; в грамматике М. В. Ломоносова 16 слов, но собственно двойственными он считает формы **глазАи бокА**, а фразеологизм **стоять руки***

¹ См.: Всеволодова М. В. Указ. соч. 2000. С. 170.

в бОки содержит форму множественного числа. В середине XIX века — уже сорок шесть таких слов. По свидетельству М. В. Всеволодовой, в 1946 году в МГУ работали *профессоры*. Через пять лет появилась форма — *профессора*. В словаре Кузнецова уже равноценны варианты *токари*, *инженеры*, *слесари* и *токаря*, *инженера*, *слесаря*, что свидетельствует об изменении стилистической структуры языка

Связанная синтаксема немотивирована, зависит от управляющего слова, которое определяет ее лексику и форму, отвечает не на смысловой вопрос, как свободная, а на вопрос падежа. Связанная синтаксема всегда стоит в присловной позиции и потому входит в состав предложения только через связь с другим словом»¹, но в русском предложении-высказывании и она может оказаться в предикативной позиции (таблица 8).

Представим Типы и позиции именных синтаксем в таблице 8 и скажем о способах введения синтаксем разного типа.

Таблица 8 – Типы и позиции именных синтаксем

	Тип синтаксемы		
	свободная	обусловленная	связанная
Вне предложения	На юг На вокзале В доме В театр С молоком (надпись) С а м о л е т о м (надпись)	—	—
В предикативной паре (грамматической основе)	В лесу тихо. Гости уже в доме . Письмо — брату . Брату письмо. Маша высокого роста .	Иван преподает в МГУ. Мама спит . Волк хищник . У Маши ангина . Книг – одна . Книг две.* Отец был учителем .	Тебя не забыть. Тираж раскупили.
Вне предикативной пары (грамматической основы) — конструктивно-обусловленная позиция	На юг — самолетом ; Встреча — на вокзале . С братом — в театр . Я пью чай. С молоком . Чай — с молоком . В доме гости.	Отцу 40 лет . Книг — три . У Маши мать экономист. Онегин с Лариным сосед. Для меня это пустяк. Тебе пора.	Лететь — два часа . Задачу – решили. Я пью кофе. С молоком . Нэлка гордится своими ногами. Длинными и стройными .

¹ Там же. С. 166.

Окончание таблицы 8

	Тип синтаксемы		
	свободная	обусловленная	связанная
		Понаехало гостей! Маша высокого роста. Ребенка тошнит. Тучи — к дождю (здесь видим логическую обусловленность, три пропозиции) Беда — с братом.	Сыном Они гордятся – старшим, хотя и младший неплохой. Любовь была – к брату. Аэрофлотом – удобно. Книга. Подарена отцом.
Присловная	Встретимся на вокзале. Пойду с братом. Пойду в театр. Открыл Америку. Открыта Колумбом. Написать брату письмо.	–	Лететь самолетом. Лететь два часа. Случилась беда с братом. Летать удобно Аэрофлотом.

Преподаватель-русист, работающий в аудитории носителей языков иной типологии, должен хорошо представлять лингвистическую относительность грамматических явлений и вместе с тем понимать их взаимосвязь и содержательную универсальность.

Закономерно, что между русскими и китайскими предлогами часто нет соответствий, ср.: *обрадоваться отъезду* 欢欣鼓舞出发 huānxīn gǔwǔ chūfā — букв. радоваться ликовать отъезд; *улыбнуться шутке* 笑的笑话 xiào de xiàohuà — букв. смеяться шутить и помочь другу = помощь + друг. Как можно предположить, в случае немотивированного управления китайский предлог вообще не используется. Оформленность имени служебными морфемами (предложно-падежные образования) выражают значения свободных синтаксем, ср. кальки: *огорчиться из-за неудачи* 苦恼的原因, 失败的 kǔnǎo de **yúányīn** shībài de — букв. огорченный причина неудача; *промолчать из вежливости* 沉默出于礼貌 chénmò **chū yú** lǐmào — букв. молчать **ЧУЮЙ** (из, из-за, благодаря в связи с) вежливость — *из вежливости и слушал молча* 礼貌倾听沉默 lǐmào qīngtīng chénmò — букв. вежливо слушать молчать; *замереть от страха* 冻结与恐惧 dòngjié **yǔ** kǒngjù — букв. замереть **ЮЙ** страх. Глагол-предлог 与 yǔ ЮЙ управляет дополнением: *из ревности убил* 杀死出于嫉妒 shā sǐ chū yú jí dù — убить

из (= из-за, благодаря в связи с) ревность; предлогом со значением причины выступает 对 duì ДУЙ: *из любви к искусству работает* 他在这里只对艺术的热爱 Tā zài zhèlǐ zhǐ **duì** yìshù de rè'ài — букв. он здесь только искусство ДУ Й (=аналог предлогов *к, в, на, о, по*) глубокая любовь. Имеются и другие средства выражения причинно-следственных отношений: 由于 yóuyú ЮЮЙ: *осиротел из-за войны* 由于战争孤儿 yóuyú zhànzhēng gū'ér (= аналог предлогов *по причине; из-за; вследствие; ввиду того, что; в связи с; благодаря тому, что*) — букв. вследствие война, сирота; 通过 TONGGUO: *отсутствовать по болезни* 通过缺席病情 Tōngguò quēxí bìngqíng — **ТОНГУО** (= через, по) — букв.: отсутствовать состояние пациента; 为了 WÉILÉ: *вышла замуж по любви* — 她为了爱情而结婚 Tā wèile àiqíng ér jiéhūn — букв. Она вступить брак (*wèile* — аналог предлогов *для, ради; ради того, чтобы; так как ибо из-за*). Ошибочность действия и значение вынужденности в КЯ выражаются при помощи лексики: *по невнимательности* забыл купить хлеб 不经意间忘了买面包 — **bùjīngyì jiān** wàngle mǎi miànbāo — букв. Нечаянно/случайно/ненаароком забыть купить хлеб; *по ошибке* взять не те документы 错误地采取了错误的文件 Cuòwù dì cǎiqǔle cuòwù de wénjiàn — букв. Ошибочно взять ошибочные документы. *Сделать что-либо не по своей воле/против своей воли* — 做一些违背自己的意愿 — букв. Сделай что-нибудь нарушать собственный желание.

Теория синтаксем обладает большой объяснительной силой, поскольку дает преподавателю-практику надежный ориентир при ответе на вопрос *чему и как учить?*. «Упорядоченность языкового материала в виде типов синтаксем позволяет не только найти ключ к системному сопоставлению языков различных типов, но и — как результат такого сопоставления — построить оптимальную программу введения... русской падежной системы для носителей беспадежных языков...»¹.

Методика работы с синтаксемами различного типа управления и именными группами, формирующимися на их основе². Остановимся на принципиальных моментах.

В связи с типологическим различием на уровне поверхностно-синтаксического выражения языковых значений, желательно информировать учащихся о том, что русский язык имеет развитую систему падежей. Сказать об этом можно на родном языке учащегося, в Грамматическом комментарии к УМК. Данная информация содержится и в китайско-русских словарях. Имеет смысл попросить учащихся обратиться к двуязычному словарю, к словарной статье

¹ Там же. С. 190.

² Там же. С. 191.

«падеж» (case). Оптимально оснастить УМК списками лингвистической терминологии на русском и китайском языках (см. главу 4). Студенту нужно сообщить, что форма падежа имени вместе с лексическим значением слова служит для выражения лингвистически универсальных элементарных понятий и выражает синтаксические связи слов (денотативные роли) в предложении, благодаря чему порядок слов в русском предложении подвижный (функциональный).

Среди связанных синтаксисом методически важно различать случаи **мотивированного** и **немотивированного** управления* (*говорить на русском языке* — немотивированное управление; *выйти на улицу* (куда?), *зайти на минуту* (на какое по продолжительности время?), *назначить встречу на пять часов* (на какое время назначить, запланировать?) — мотивированное управление).

**Прим. автора — Функционирование существительных в предложении мы относим к категории управления. Поскольку мы работаем в рамках теории ФСК, то будем пользоваться принятым в ней широким пониманием управления (см.: Всеволодова М. В. Указ. соч. 2000. С. 379–387) как грамматического механизма реализации закона семантического согласования — термин введен в 1972 году (см.: Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Москва: Добросвет, 2000. 832 с.). В ФКЛДМЯ под управлением понимается формальный способ включения имен существительных в синтаксические построения и управление включает все случаи синтаксической зависимости существительного в предложении, включая И.п.*

Синтаксемы *мотивированного управления (свободные)* вводятся на понятийно-семантическом уровне при представлении фрагментов соответствующих ФСК *времени, пространства, бытийности, количественности и качественности, причинности* и др. Все синтаксемы базового курса обучения имеют ясно осознаваемое содержание и по большей части грамматикализованные эквиваленты в другом языке, для выявления которых достаточно простого соотношения синтаксисом и содержащих их предложений в родном и изучаемом языках. Однако трудности могут возникнуть уже на уровне свободных синтаксисом и именных групп, так как развитая морфология русского языка, и в первую очередь его падежная система, дает возможность выражения свободными синтаксемами семантических нюансов, не понятных иностранным учащимся. Такие случаи должны быть выявлены.

Скажем об известных нам свободных синтаксемах ФСК пространственности, которые нуждаются в комментировании.

Вещественные существительных — *вода, снег, земля* могут иметь вариативные формы употребления в одном контексте: *находиться в воде — под водой, в снегу — под снегом, в земле — под землей*.

Для китайцев оказались необходимы пояснения для ИГ: *на воде — в воде/ под водой.*

Трудны для понимания значения:

1) общая сопространственность / несопространственность (статика: *жить на горе/в горах; отдыхать на море/у моря; располагаться/расположиться вдоль берега/на берегу*);

2) общая сопространственность / несопространственность (динамика: *идти/подниматься в гору/на гору; идти по берегу/вдоль берега*).

Грамматическое (немотивированное) управление отрабатывается в минимальном контексте: на уровне синтаксических моделей словосочетаний и предложений в соответствии с лингводидактическим принципом обучения морфологии на синтаксической основе. Связанные именные синтаксемы особенно сложны для учащихся по причине омонимии их форм, о чем уже говорилось выше, и поэтому над ними должна вестись лексико-грамматическая работа*.

Прим. автора — Покажем методику обучения на примере ЛСГ «руководить» и «дать». Познакомив учащихся с данной ЛСГ (ее лексическими представителями), далее необходимо установить лексико-грамматические различия в сочетаемости: **руководить: КЕМ? студентами, ЧЕМ? страной, университетом, работой; **управлять** машиной, самолетом; **командовать**: фронтом, армией, парадом, полком; **заведовать** складом, кафедрой, магазином, — и составить список комплементарных существительных.*

С синтаксемами немотивированного управления сочетаются глаголы целого ряда лексико-семантических группировок (ЛСГ). Другие связанные именные синтаксемы вводятся по мере знакомства с лексемами, от которых они синтаксически зависят (управляются): *три книги, брат Ивана. Человек чести/большого ума, дело большой важности.*

Особую сложность для носителей языка с фиксированным (грамматическим) порядком слов (каким является родной язык обучающегося — китайский) представляют *обусловленные синтаксемы*, которые должны вводиться на уровне речевых конструкций: *Отцу 50 лет. У сестры ангина. Деревню затопило. С Машей беда.* К подобным случаям относятся модели предложения, в которых организующая модель денотативная роль протагониста — иерархически первого участника ситуации — закреплена за именной группой косвенного падежа: *Мне вас не слышно. Нам весело. Мне это нравится. Мне надо идти.* Такие предложения составляют особенность синтаксиса РЯ, создают зону повышенной интерференции, и нужно показывать другие. изосемические способы выражения (*Мне вас не слышно. — Я вас*

не слышу. Меня зовут Иван — Мое имя Иван. У бабушки гости — В доме бабушки гости. Нам весело — мы веселые/веселимся). Когда же преподаватель высказывает свое пожелание *запомните*, то едва ли он научит речевым навыкам*.

**Прим. автора — Опыт показал, что методика обучения неизоморфным синтаксическим моделям должна быть следующей. При отработке синтаксических моделей с обусловленным (Деревню затопило) и синтаксически обусловленным (Отдыхать — в Крым!) управлением можно использовать следующие грамматические задания: 1. «Составьте предложения из данных слов» 2. «Переведите на русский язык китайские предложения». Полученные студентами варианты предложений сравниваются и обсуждаются, в ходе группового обсуждения на родном языке учащиеся выясняют, что им непонятно, и формулируют вопросы к преподавателю по-русски. Совместная деятельность с опорой на родной язык учащихся создает в группе заинтересованность, микроклимат взаимопомощи и сотрудничества, позволяет вовлечь в коллективную работу как «сильных», так и «слабых» учащихся.*

Далее скажем о порядке введения именных падежных синтаксем в УМК и проанализируем причины лингвистической интерференции при овладении падежными формам (синтаксемами) на элементарном уровне ТРКИ-1. Системное сопоставление синтаксем позволит понять и объяснить ошибки учащихся, связанные с интерференцией родного языка. Определим порядок введения именных падежных синтаксем элементарного и базового уровня ТРКИ-1.

§ 18. Порядок введения именных падежных синтаксем элементарного и базового уровня ТРКИ-1 и прогнозируемые трудности китайского учащегося

Порядок введения падежных форм и значений в отечественной коммуникативно-направленной методике обучения русскому языку как иностранному определяется следующими принципами.

1. Принцип коммуникативности учитывает необходимость удовлетворения уже с первых шагов обучения основных коммуникативных потребностей учащегося. В связи с этим номинатив (И.п.: *парк, институт, факультет, деканат*) и локатив (П.п.: *в парке, в институте, в деканате, на факультете*) вводятся в первую очередь, а инструменталис (*писать ручкой, ехать автобусом, идти пешком*) — в последнюю.

2. Принцип концентрической организации материала состоит в движении от простого к сложному, в связи с чем разные синтаксемы (как единство предложно-падежной формы и ее значения) одного и того же падежа по традиции одномоментно не вводятся. Например, значения родительного падежа *генитив (пять тетрадей)* и значения *книга брата* (посессив, формант 的 de), *температура кипения,*

уровень реки, высота горы, платье красного цвета, любовь матери (атрибутив: включенная пропозиция) принято вводить на разных этапах овладения языком. Материал китайского языка показал, что это оправдано, так как в КЯ формальные способы выражения данных значений различны. Например, синтаксемам *улица Чехова* и *дом Чехова* в КЯ соответствуют разные конструкции: Чехов[ская] улица и Чехов ДЭ дом.

Определение ставится в препозицию к определяемому слову, например: учебник истории = *история + учебник*. По такой же модели выражаются отношения номинации в составном понятии с именами собственными: *Улица Чехова* – по-китайски выражается «Чехов + улица».

Русская форма генитива в количественном словосочетании (пять книг) китайского аналога не имеет. Однако есть смысл разделить синтаксемы типа *в университете находиться* и *в университете учиться/работать*, так как в КЯ во втором случае используется генитив, — букв. *студент/преподаватель университета*. Об этих и других случаях расхождений скажем ниже.

Из принципа коммуникативности следует, что в первую очередь и на начальном этапе преимущественно должны вводиться свободные синтаксемы, во вторую очередь, на уровне речевых образцов – конструктивно обусловленные; а синтаксемы в присловной позиции изучаются на уровне словосочетаний, как лексические единицы (*любить Машу, водить машину, дружить с Петей, похож на отца, рад встрече*). В КЯ указание на денотативную роль содержится в лексическом значении глагола, поэтому обычны беспредложные конструкции, — букв. *помогать мама, дружить Петя*.

В таблице 9 мы систематизировали лингводидактические единицы элементарного и базового уровня ТРКИ-1, формирующие ФСК именной локативности РЯ, выделив графически грамматические форманты — флексии. После изучения материала студенты должны уметь давать прямой и обратный перевод данных свободных синтаксем и использовать их в синтаксических построениях.

Рассмотрим последовательность введения именных синтаксем локативной семантики элементарного уровня ТРКИ-1 и зоны интерферирующего влияния. Последовательность введения именных синтаксем в УМК «Дорога в Россию» основывается на традициях учебных комплексов «Старт» и «Темп». Система падежей обычно начинает вводиться на базе синтаксемы локатива «где»: *в Москве, в Китае, в общежитии*, на почте как наиболее коммуникативно-значимой.

Знакомство с русской падежной системой начинается в Уроке 8 УМК «Дорога в Россию» (часть 1, с. 134)¹, и у носителей изолирующего (китайского) языка обилие падежных форм обычно вызывает стресс, особенно если они не подготовлены к встрече с языком иной типологии. Отработка синтаксиса предложного падежа в значении локатива в *нулевой* аудитории занимает много времени, и преподаватели-практики знают, что двигаться дальше без прочного усвоения формы первого вводимого падежа не стоит.

Таблица 9 – Именные синтаксемы элементарного и базового уровня владения ТРКИ-1

Где	Куда	Откуда
Тут, там. Здесь. Дома	Сюда. Домой	Отсюда. Из дома
В городе е , в Севастополе; В Кита е ; В деревне е	В город, в Севастополь; В Китай; В деревню ю	Из города а , из Севастополя; Из Китая; Из деревни и
В Росси и	В Россию	Из Росси и
На почт е , на кафедре е ; На стадион	На почт у , на кафедр у ; На стадион	С почт ы , с кафедр ы ; Со стадион а
В Крыму у , в порту у , в лесу у ; На берег у	В Крым, в порт, в лес; На берег	Из Крыма, из порта, из леса; С берега
На гор е / в горах	На гор у / в горы	С гор ы / из-гор ь
У декан а , у брат а , у Маш и (быть)	К декан у , к брат у , к Маш е (идти)	От декан а , от брат а , от Маш и (идти)

Особую сложность представляет выбор предлога «в» или «на», зависящий от характера локума. В РЯ форма локатива со значением общей сопространственности — *Сопространственность. Незаполненность. Статичность* — выражается формой П.п.: *в Москве* — 在 zài + Mòsīkē.

Даже у учащихся, достаточно прочно овладевших синтаксисом *Сопространственность. Незаполненность. Статичность*, при знакомстве с русской синтаксемой *Пункт движения. Финиш* (в Москву, в Китай, в общежитие, на почту) и *Старт* (из Пекина, с лекции) теряется выработанный автоматизм навыка выражения значения общей сопространственности: *на почте, на уроке, в деревне, в Крыму*. Студентам из Китая очень трудно разграничить эту форму и форму со значением *старт* — *в Москву*. Дело в том, что в КЯ данная синтаксема

¹ Антонова В. Е. Дорога в Россию: учебник русского языка (базовый уровень): в 2 ч. / В. Е. Антонова, М. М. Нахабина, А. А. Толстых. Москва: ЦМО МГУ им. М.В. Ломоносова, 2003–2004.

не маркирована предлогом, ср.: 去 qù + Mòskē — ехать Москва, а русское падежное окончание (словформа) для носителей нефлективного языка неинформативно, так как в КЯ словоизменения нет.

Практика показывает, что при определении порядка введения падежных форм в конкретной национальной аудитории важно учитывать родной язык учащегося и исходить из степени трудности усвоения ИГ. Покажем причины интерференции основные значения ИГ, вводимые на этапе ТРКИ-1 в части 1 УМК «Дорога в Россию». Последовательность нашего изложения определяется традицией (формального) представления падежной системы в отечественных УМК на элементарном уровне ТРКИ-1. Поскольку в РЯ формы номинатива совпадают со словарной формой слова, начнем с форм родительного падежа.

Родительный падеж (Р.п.). Среди основных значений Р.п. вводятся значения¹: 1. *Принадлежность: магнитофон моего друга*; 2. *Определение: учебник истории*. В РЯ это разные значения, о чем свидетельствуют возможности трансформации синтаксемы *учебник истории*, отсутствующие у синтаксемы *книга брата*. Можно сказать *учебник русского языка* и *учебник по русскому языку*, но не **русский учебник*, и об этом необходимо сообщать учащимся при знакомстве с этой предложно-падежной формой.

В китайской аудитории в первую очередь можно вводить форму Р.п. в значении *посессив*, так как модель с 的 de проста и универсальна: синтаксемы *книга брата*, *работа ученика* вполне по силам учащимся в элементарном курсе. Напротив, ИГ важнейшего значения *генитив* (*пять тетрадей*, *много книг*, *три килограмма*, *семь восьмых*) сложны формально, так как слово количественной семантики сильно управляет формой Р.п., а в КЯ букв. '*два штуки тетрадь*'.

Более трудна для китайских обучающихся ИГ Р.п. в атрибутивном значении. В родном языке значение *атрибутив* выражается порядком слов: определяющее слово стоит в препозиции к определяемому: *глагол + вид = глагольный вид*. При обучении данной ИГ важно подчеркнуть, что в РЯ возможны синонимические варианты для выражения атрибутивности: прилагательное стоит перед определяемым словом (**глагольный вид**), а зависимое существительное (определяющее) — после: *вид глагола*. В словосочетании *улица Чехова* синтаксема Р.п. также имеет определительное значение (ср.: *Тверской бульвар*, *Чеховская улица*, *Лермонтовская аллея*).

Причина лингвистического барьера в том, что в КЯ данные значения выражаются различно.

¹ Андрюшина Н. П. Указ. соч. 2006. С. 57.

1) Для выражения принадлежности необходим формант 的 de: Я + 的 de + словарь = *мой словарь*, мама + 的 de + шляпа = *шляпа мамы* (а не *шляпа + 的 de + мама), стол дэ дерево = *деревянный стол*. Присоединение форманта ДЭ к имени обладателя (носителя признака) — фреквенталия, по этой причине незнания которой наши учащиеся даже в магистерских работах вместо *вид глаголов* пишут **глаголы-вид*.

2) Отношения логической характеристики в предложениях типа *Москва — столица России* 莫斯科是俄罗斯首都。Mòsīkē shì èluósī shǒudū в КЯ не нуждаются в показателе 的 de.

Винительный падеж (В.п.). В УМК «Дорога в Россию» вводится локативное значение *в Москву*. Рассмотрим синтаксемы Р.п. и В.п. в локативном значении. В элементарном курсе можно и нужно давать значения *Старт* и *Несопространственность. Финиш*, т. к. модель перекодировки в КЯ аналогична русской модели. Именная локативная группа КЯ содержит предлоги 从 cóng (*из / от Пекина* — 从北京 cóng Běijīng) и 到 dào (*до / в Ханчжоу* — 到杭州 dào Hángzhōu). Значение *Несопространственность. Финиш* дается китайским учащимся легче, чем значение *Пункт движения. Финиш* (в Москву), так как свободная синтаксема *в Москву* стоит в присловной позиции (слабое управление¹ в РЯ). В КЯ используется форма косвенного синтаксического падежа без предлога (в позиции после глагола): 去莫斯科 qù Mòsīkē.

Аргументом в пользу раннего введения пространственного значения Р.п. *Старт* (из Китая) является то, что такие синтаксемы управляются глаголами движения, из чего следует необходимость запоминания словоизменения сразу трех глагольных слов — двух форм несовершенного вида (*ехать, ездить*) и одной формы совершенного вида (*съездить*). В РЯ свободная синтаксема может функционировать и без глаголов движения, а в КЯ предлогу *из* соответствуют синтаксемы с предлогом глагольного происхождения 从 cóng в словосочетаниях *письмо из Китая* — 从中国, *товары из России* — 从俄国, с них и можно начать вводить данное значение.

Дательный падеж (Д.п.). В китайской аудитории в числе первых именных синтаксем следует вводить Д.п. адресатного значения *получатель материального объекта и/или информации*. Это свободная синтаксема В КЯ всегда маркирована предлогом 给 gei, ср.: 他打电话给我。Tā dǎ diànhuà gěi wǒ. — Он позвонил мне. Букв.: Он звонить (держать + телефон) + gei + я.

¹ См.: Пешковский А. М. Сильное и слабое управление. / Русский синтаксис в научном освещении. Москва, 1956. С. 285–288.

В УМК Д.п. вводится в Уроке 14 (с. 271). К сожалению, образец не репрезентативен, так как в качестве образца дана связанная синтаксема немотивированного управления *помочь + кому*, не имеющая маркера в КЯ, ср.: 帮我一下。 **Bāng wǒ yíxià.** — Букв.: БАН ВО И СЯ помочь я (= мне) немного. В КЯ на денотативную роль объектива (*мне*) указывает порядок слов (имя субъекта стоит в синтаксической позиции дополнения) и лексическое значение глагола.

Синтаксически (конструктивно) обусловленное управление *мне (сколько) лет, мне нравится (что) и мне надо (что делать)* сложны для учащихся, поскольку в аналогичной по значению конструкции КЯ нет формы датива, ср.: 我是四十年。 **Wǒ shì sìshí nián.** — Букв.: Я + числительное 40 + лет; 我喜欢读书。 **Wǒ xǐhuan dúshū.** — Букв.: Я нравиться читать; 我需要去。 **Wǒ xūyào qù.** — Букв.: Я + надо ехать.

Творительный падеж (Т.п.). Как видно из таблицы 9, формы Т.п. на элементарном и базовом уровне не вводятся.

Предложный падеж (П.п.). Основное объектное значение П.п. выражает свободная синтаксема с предлогами *о, об* в присловной позиции при глаголах речи, мысли и восприятия (делибератив), и это одно из самых сложных значений на начальном этапе обучения. Анализ КЯ позволил увидеть объективные причины трудностей учащегося при овладении формами П.п. слов разных ЛСГ.

Так, в КЯ аналогичная синтаксема обычно не имеет предлога, ср.: *беспокоиться о больной матери* — 担心生病的母亲。 **Dānxīn shēngbìng de mǔqīn.** Букв.: *беспокоиться болеть + 的de + мать*. Без предлога данное значение выражается при глаголах речи, мысли: *рассказывать о друге, думать о своей родине, вспоминать о погибших товарищах, забыть о друзьях, волноваться о сестре, заботиться о детях*.

В отличие от русского языка, синтаксема с денотативным значением *делиберат* в КЯ маркирована не всегда. *договор о дружбе и взаимопомощи* — 友好互助条约 **Yǒuhǎo hùzhù tiáoyuē** — букв.: дружба и взаимопомощь договор. Нечто среднее между значением *делиберат* и атрибутивностью представляет собой калька с китайского языка словосочетания *договор о дружбе*: 关于友好的协议 **yǒuhǎo de xiéyì.** — Букв.: дружба + ДЭ + соглашение = дружеский договор.

Иначе выражается денотативная роль *делиберат*. 1) конструкция содержит атрибутивный формант 的 *de* (ДЭ) и предлог 关于 **guānyú** (ГУАНЬЙУ) = *о, про, относительно чего, по поводу, насчет*, ср.: *фильм об Афганистане* – 关于阿富汗的电影。 **Guānyú āfùhàn de diànyǐng.** (ГУАНЬЮЙ АФУХАНЬ ДЭ ДЯНЬИН) – Букв.: ГУАНЬЮЙ (об) Афганистан + ДЭ + фильм.

Важно, что в атрибутивном словосочетании типа *афганский фильм* имя никак не маркировано, атрибутивность выражается лишь порядком слов, при котором определяющее имя стоит в препозиции к определяемому, ср.: афганский фильм — 阿富汗电影 Āfùhàn diànyǐng (АФУХАНЬ ДЯНЬИН), русская литература — 俄罗斯文学 èluósī wénxué (ЭЛОСЫ ВЭНЬСЮЭ), американский стиль — 美式风格 měishì fēnggé (МЭЙШИ ФЭНГЭ), украинский фашизм — 乌克兰法西斯主义 wūkèlán fàxīsī zhǔyì (ВУКЕЛАНЬ ФАСИСЫ ЧЖУИ).

В китайских эквивалентах русских синтаксем Предложного падежа с предлогом *о* часто используется предлог 对 **ДУИ** (ДУИ) *соглашение о поставке/на поставку товаров* 对商品供应的协议 Duì shāngpǐn gōngyìng de xiéyì — букв.: **ДУИ** поставка товар **ДЭ** согласиться; *переговоры о цене на нефть* — 对石油的价格谈判 duì shíyóu de jiàgé tánpàn — букв.: **ДУИ** (=о, для, ради) каменное масло цена переговоры.

В УМК знакомство с падежной системой обычно начинается с ответа на вопрос *где?* — *здесь, там, в школе, в кино, в университете, на факультете*. В КЯ данная синтаксема имеет показатель 在 zài (ЦЗАЙ) — этимологический бытийный глагол. Трудность введения данной падежной формы определена тем, что в ситуации характеристики (*учиться в университете* = *быть студентом университета*), которая в РЯ выражается формой предложного падежа, КЯ не использует 在 zài (ЦЗАЙ), поэтому китайским учащимся (и не только им) надо сказать, что по аналогии с пространственными отношениями *быть/жить где* выражается характеристика с глаголами *работать* и *учиться*: *работать в больнице, учиться в школе*.

Глава 5

ГРАММАТИЧЕСКИЙ НАВИГАТОР КАК МЕТОД ПОСТАНОВКИ И КОРРЕКЦИИ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОГО МИНИМУМА ИМЕННЫХ СИНТАКСЕМ РУССКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ НОСИТЕЛЕЙ ТИПОЛОГИЧЕСКИ ИНЫХ ЯЗЫКОВ (НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА)

§ 19. Именные синтаксемы лексико-грамматического минимума элементарного уровня русского языка как иностранного

Исчисление и систематизация именных синтаксем в лингводидактических целях оказываются важным как для представления лингводидактических единиц обучения преподавателем, так и в качестве критерия достижений студента. Определим список дидактические единицы элементарного и базового уровней. Представим принятый в УМК порядок введения именных групп (синтаксем).

Для постановки и корректировки грамматической базы на начальном этапе (элементарном, базовом, общего владения) возможна организация ИГ по формальному принципу. В ходе анализа УМК «Дорога в Россию» была осуществлена сплошная выборка именных синтаксем лексико-грамматического минимума элементарного курса РКИ.

В форме Навигатора *от падежа* представлены все вводимые в объеме ТРКИ-1 синтаксемы русского языка. На основе выявленного минимума речевых средств стало возможным их контрастивное рассмотрение (в зеркале родного языка учащегося), необходимое для определения зон интерферирующего влияния и выбора оптимальных способов представления лингводидактических единиц в учебно-методических материалах, ориентированных на конкретно-национальную аудиторию. Чтобы сделать максимально наглядными расхождения в языковом строе РЯ и КЯ, мы снабдили примеры китайского языка буквальным (пословным) переводом.

Из именных синтаксем (имен существительных) в УМК «Дорога в Россию» вводятся: 1. **свободные синтаксемы:** *в общежитии, рядом с парком, из Москвы, в Москву; по лесу (идти); в два часа, в декабре; сестре; об общежитии;* 2. **обусловленные синтаксемы:** *у меня, меня зовут; мне нравится, мне надо; отцу сорок; (нет) брата;* 3. **связанные синтаксемы:** *брата (иметь, любить); по телевизору; на поезде, на велосипеде.*

На элементарном уровне синтаксемы вводятся в основных, наиболее характерных позициях. Представим перечень синтаксем,

вводимых в УМК «Дорога в Россию» (часть 1), сгруппировав их по типу и позиции (таблица 10).

Таблица 10 – Типы и позиции именных синтаксем в УМК «Дорога в Россию»

Позиция синтаксемы		Тип синтаксемы		
		Свободная	Конструктивно-обусловленная в структуре предложения	Связанная
Вне предложения		Мой альбом На уроке Сестре По телефону На Арбате На дискотеку В кино В два часа		
В предложении	присловная	Статья о спорте, рассказ о себе Анна звонит/ говорит/ пишет брата, сестре Том приехал из Франции Анна живет рядом с парком		Книга Ивана Три медведя Здесь нет парка, шапки; Анна любит брата, Москву; я вас не понимаю; Анна идет по улице
	в предикативной основе	Моя мама — домохозяйка Петербург — это история и культура России	Это наш дом	
	вне предикативной основы	Анна в парке/ на уроке	Меня зовут Иван У меня нет брата/ сест- ры / книги Нам нравится русский язык Мне надо учить урок	

Как нетрудно заметить, основная часть синтаксем — свободные синтаксемы предметной (субъектные и объектные роли), темпоральной и локативной семантики. Это не случайно. Ведь именно свободные синтаксемы выражают универсальное денотативное значение вне предложения. Средства для выражения данных значений имеются в любом языке, поэтому разумно вводить данные синтаксемы на понятийной основе.

В уроках 1–7 УМК «Дорога в Россию» на уровне речевых образцов вводятся и отрабатываются синтаксические модели, содержащие обусловленные синтаксемы И.п., выполняющие субъектно-предикатные (1, 2) и объектные (3) функции:

- *Моя мама — домохозяйка.*
- *Антон дома. Дом там. Урок утром.*
- *Меня зовут Антон.*

Предложно-падежные формы (*Это брат; Здесь нет сестры; Анна звонит брату; Анна идет по улице; Анна любит брата/парк; Анна живет рядом с сестрой / парком; Анна думает о сестре/об общежитии*), отражающие именное словоизменение русского языка, обобщаются в уроке 8¹.

Категория именной локативности представлена следующими синтаксемами (сквозная нумерация).

– Свободной синтаксемой со значением «Общая сопространственность. Незаполненность пространства. Статика» *в парке*.

– Свободной синтаксемой со значением «Несопространственность. Статика» *рядом с парком*.

– Свободными синтаксемами пространственного значения «Старт» *из Москвы* и «Финиш» *в Москву*². Данные синтаксемы семантически согласуются с глаголами направленного движения и перемещения в пространстве.

– С глаголами ненаправленного движения и перемещения сочетается связанная синтаксема значения *Общая сопространственность. Незаполненность. Динамика. Трасса*, используемая в присловной позиции *по парку* (гулять), ср. омонимичную предложно-падежную форму *по парку* ландыши.

Категорию именной темпоральности³ представляют:

1) свободная синтаксема «Одновременность. Темпоральность. Время, полностью занятое действием» *в два (часа)*⁴.

2) свободная синтаксема со значением «Одновременность. Темпоральность. Время, не полностью занятое действием» *в декабре*⁵.

¹ Учебно-методический комплекс «Дорога в Россию». Ч. 1, с. 134.

² Там же. С. 240–241.

³ См.: Всеволодова, М. В. Категория именной темпоральности и закономерности ее речевой реализации: дис. ... д-ра филол. наук / Всеволодова Майя Владимировна. Москва, 1983. 458 с.

⁴ Учебно-методический комплекс ..., с. 215.

⁵ Там же. С. 250.

Синтаксемы пассивного владения

Система падежных форм¹ не может отразить реального многообразия синтаксем. В УМК включен ряд предложно-падежных форм, расширяющих репертуар актантных и сирконстантных ролей именных групп (ИГ). Репертуар синтаксем расширяется за счет речевых средств, вводимых пассивно. На синтаксической основе представлены следующие предложно-падежные формы (синтаксемы) косвенных падежей.

Объектные инструментальные роли, осложненные обстоятельственным значением, представлены связанными синтаксемами в присловной позиции:

1) свободная синтаксема в присловной позиции с инструментальным значением *средство или способ получения и передачи информации – по телевизору (смотреть)*¹.

2) свободная синтаксема обстоятельственного значения *средство передвижения: на поезде, на машине, на велосипеде (ехать)*².

Роли протагониста представлены обусловленными синтаксемами вне предикативной основы:

1. Синтаксема Р.п.: *у кого* в составе синтаксической конструкции *У кого есть кто / что* vs. *У кого нет кого / чего*³. Это обусловленная синтаксема, выражающая денотативную роль посессора: *субъект обладания*.

Формально схожая обусловленная синтаксема со значением «субъект — носитель признака» *У Маши длинные волосы* отличается от предыдущей синтаксемы по значению, что на формальном уровне выражения объясняет невозможность постановки бытийного глагола при логическом ударе на *голос*: **У Маши ~~есть~~ красивый голос, но Голос у Маши **есть**. Красивый*. Ср.: *У нее **есть** новое платье*. Заметим, что делались попытки объяснить данное явление с помощью вводимой «скрытой» категории «отчуждаемости — неотчуждаемости»⁵, однако более продуктивно, на наш взгляд, опираясь на синтаксические модели родного языка учащегося, идти от типовой ситуации и категории коммуникативности.

2. Субъектная роль «протагонист-экспериенцер» выражается конструктивно-обусловленной синтаксемой Д.п.: *кому нравится (что)*⁴.

3. Конструктивно-обусловленная синтаксема Д.п. *Мне/тебе/ему надо/нужно что делать* — выражает субъект потенциального действия, которое мыслится как необходимое или желательное, а также субъект состояния: *Ивану весело*.

¹ Там же. С. 134.

² Там же. С. 157.

³ Там же. С. 245.

⁴ Там же. С. 234.

⁵ См.: Иштван П. . Способы выражения пространственных отношений в русском языке в зеркале венгерского языка: рукопись. Сегед, 1973. 240 с.

4. Связанная синтаксема в форме Д.п. (*помочь*) кому в при- словной позиции выражает объектную роль пациенса¹.

5. Дескриптив (субъект-носитель признака) представлен кон- структивно-обусловленной синтаксемой Д.п.: *Кому сколько лет*.

Отметим, что на базе всего двадцати двух синтаксем в части I УМК «Дорога в Россию» представлены следующие системно- языковые явления:

1) формально-языковые: вся парадигма падежных форм, механизм глагольного управления (наиболее значимые субъект- ные и объектные роли: *делиберат* («топик»: *о сестре*), *пациентив* (*любить сестру*), «адресат» (*сестре*);

2) понятийные функционально-семантические: наиболее ком- муникативно значимые категории именной локативности и темпо- ральности, а также логические категории. К логическим относятся категории:

а) предикативности;

б) логических типов предложения-высказывания:

– номинативного тождества (*Это стол; Меня зовут Иван*);

– денотативного тождества (*Маша – моя сестра*);

– характеристики (*Мама – врач. Я буду инженером. На столе — книга*);

– бытийности как отсутствия — наличия объекта или явления: *Книга на столе. Иван дома. Мы на уроке. У меня нет брата*.

Представим их китайские эквиваленты.

I. Свободные синтаксемы в позиции в предложении:

1. В предикативной паре

A. Синтаксемы именительного падежа:

1) *Это стол*. В КЯ: 这是桌子。Zhè shì zhuōzi. ЧЖЕ ШИ ЧЖУОЦЗИ — Букв.: *Это есть стол*.

2) *Моя мама — домохозяйка*. В КЯ: 我妈妈是家庭妇女 Wǒ māmā shì jiātíng fùnǚ (ВО МАМА ШИ ЦЗЯТИН ФУНЮЙ) — Букв.: *Моя мама есть домохозяйка*.

Типовая ситуация (далее — ТС) *Местонахождение объекта с локализатором* 在zài (ЦЗАЙ).

3) *Антон дома*. В КЯ: 安东在家里。Āndōng zài jiālǐ (АНДУН ЦЗАЙ Ц'ЗЯЛИ) — Букв.: *Антон место дом внутренний объем*. Аналогично: *Дом там*. 房屋在那儿。Fángwū zài nà'er (ФАНВУ ЦЗАЙ НАЭР) — Букв.: *Дом (постройка) там*.

4) *Урок утром*. — обусловленная синтаксема в конструкции РЯ является подлежащим, а в КЯ на первом месте стоит обстоятель- ство времени. В КЯ: 早上上课 Zǎoshang shàngkè (ЦЗАОШАН ШАНКЭ) — Букв.: *Утро ШАН (стоять, быть, начинать) урок*.

¹ Учебно-методический комплекс ..., с. 108.

Б. Синтаксемы косвенных падежей:

а) пространственного значения:

1) *Анна в общежитии*. В КЯ: 安娜在宿舍。Ānnà zài sùshè (АННА ЦЗАЙ СУШЭ) — Букв.: Анна + ЦЗАЙ + общежитие. Синтаксема *в общежитии* выражает значение общей сопространственности.

2) В присловной позиции:

– дополнение со значением *Несопространственность*:

1. *Анна живет рядом с парком*. ТС *Несопространственность*: статика. – В КЯ: 安娜住在公园旁边。Ānnà zhù zài gōngyuán pángbiān (АННА ЧЖУ ЦЗАЙ ГУНЮАНЬ ПАНБЯНЬ) — Букв.: Анна жить + ЦЗАЙ + парк рядом.

2. *Я еду в Москву*¹ — значение *Несопространственность*. *Незаполненность*. *Динамика*. *Финиш*. В КЯ: 我去莫斯科。Wǒ qù mòsīkē (ВО ЦЮЙ МОСЫКЭ) — Букв.: Я ехать Москва. Отсутствие аналога русского предлога *В* связано с тем, что значение *старт* перераспределено: китайский глагол 去 qù лексически выражает идею направленности *от говорящего*.

3. *Он приехал из Москвы*². В КЯ: 他从莫斯科来了 Tā cóng mòsīkē lái le (ТА ЦУН МОСЫКЭ ЛАЙ ЛЭ) — Букв.: Он ЦУН Москва приехать ЛЭ.

– обстоятельство со значением: *Одновременность*. *Темпоральность* (семы *Темпоральность* и *Длительность* (два часа писать) конкретизируются в контексте, так как глагол или отглагольное имя (события) позволяет различить аспектные значения в рамках предложения-высказывания китайского языка):

1. *В два часа начало*. — *Одновременность*. *Темпоральность*³. В КЯ: 两点中开始 Liǎng diǎn zhōng kāishǐ (ЛЯН ДЯНЬ ЧЖУН КАЙШИ) — Букв.: Два часа начать.

2. *В декабре родился*⁴ — значение *Одновременность*. *Темпоральность*. В КЯ: 十二月 Shí'èr yuè (ШИЭР ЮЭ) — Букв.: двенадцать месяц + родиться. Лексическая сочетаемость с событийным глаголом или именем позволяет выразить и различить аспектуальное значение: ТОЧЕЧНОЕ ВРЕМЯ СОБЫТИЯ (ОДНОКРАТНОСТЬ).

В. Синтаксемы объектного значения:

1. *Делиберат*.

Денотативная роль *делиберат* выражается свободной синтаксемой, которая способна функционировать как в составе предложения-высказывания, так и вне его. Например, рассказ «О любви» 故事“关于爱” Gùshì “guānyú ài” — история о любви; фильм «О дружбе».

¹ Там же. С. 240–241.

² См.: Всеволодова, М. В. Категория именной темпоральности и закономерности ее речевой реализации: дис. ... д-ра филол. наук / Всеволодова Майя Владимировна. Москва, 1983. 458 с.

³ Учебно-методический комплекс ..., с. 215.

⁴ Там же. С. 250.

电影“友谊”diànyǐng “yǒuyǐ” — букв.: Фильм «Дружба» (Ср. делиберат: фильм о любви 一个关于爱的电影 Yīgè guānyú ài de diànyǐng (ИГЭ ГУАНЬЮЙ АЙ ДЭ ДЯНЬИН).

Значение делиберат в присловной позиции к именам имеет специальное средство выражения в КЯ: 关于 guānyú — аналог предлога *о, про, относительно чего, по поводу*. Данной синтаксеме китайского языка в русском языке всегда соответствует имя в синтаксической форме *о чем*. Например, *фильм об Афганистане*. В КЯ: 关于阿富汗的电影 Guānyú āfùhàn de diànyǐng — букв.: об Афганистан фильм. Другое значение — афганский фильм — имеет фраза 阿富汗电影 Āfùhàn diànyǐng, или 阿富汗的电影 Āfùhàn de diànyǐng (АФУХАНЬ ДЭ ДЯНЬИН).

Аналогично: словосочетание *договор о дружбе* переводится как 友好条约 yǒuhǎo tiáoyuē (ЮХАО ТЯОЮЭ), где 友好 — дружеский, а 条约 — договор, но официальный документ *Договор* в КЯ уже не связан с глаголом разговаривать; этимологически это ‘статья, правовая норма’. Но русское словосочетание *договор о дружбе* можно перевести как *дружеская договоренность*: 友好的协议 yǒuhǎo de xiéyì — дружественное соглашение. Ср.: 关于友好的协议 Guānyú yǒuhǎo de xiéyì, где 关于 guānyú (ГУАНЬЮЙ) — о дружбе договориться. Есть и другие типологические следствия.

Отглагольные имена существительные в форме П.п. с предлогом *о* в КЯ не имеют формального аналога, ср.: *мечтать об отдыхе* — 梦想休息 Mèngxiǎng xiūxi (МЭНСЯН СЮСИ) = *мечтать отдых/отдохнуть*.

Субъектно-объектные отношения, для выражения которых в РЯ существует механизм грамматического управления, в КЯ выражаются беспредложно. В русском языке начение *топик* выражается при отглагольных (событийных) именах со значением результата или процесса речемыслительной деятельности. Синтаксема предложного падежа с предлогом *о* при глаголах соответствующей семантики (в присловной позиции) выражает значение *объект мысли, речи, чувства*: *беспокоиться о больной матери, вспоминать о погибших товарищах, забыть о друзьях, волноваться о сестре, заботиться о детях*. Напомним, что в КЯ после глагола речи и мысли стоит беспредложная синтаксема. Например: *расскажи мне о друге* — в КЯ: 请你告诉我你的朋友。 Qǐng nǐ gàosu wǒ nǐ de péngyǒu пожалуйста, расскажи мне твой друг; *д担心生病的母亲 Dānxīn shēngbìng de mǔqīn*. — Букв.: беспокоиться больной + de (признак) мать. *Анна думает об общежитии*. 安娜想宿舍 Ānnà xiǎng sùshè. — Букв.: Анна думать/скучать/вспоминать общежитие.

В КЯ синтаксемы объектного значения не могут быть употреблены в предикативной паре, что составляет значимое типологическое различие, ср. в русском языке: *Все мои мысли — о доме.* 我所有的想法是关于房子 Wǒ suǒyǒu de xiǎngfǎ guānyú fángzi. Я все думать о дом.

2. Экспериенцер.

Анна любит брата. В КЯ: 安娜爱哥哥 Ānnà ài gēgē. (АННА АЙ ГЭГЭ) — Букв.: Анна любить (младший) брат*.

**Прим. автора — Отметим лексическую лакуну в русском языке: в качестве эквивалента китайскому слову 哥哥gēgē в РЯ выступает описательное наименование «младший брат».*

3. Посессор.

Книга брата. В КЯ: 弟弟的书 Dìdì de shū (ДИДИ ДЭ ШУ) — Букв.: Книга + ДЭ + старший брат.

4. Адресат.

Анна звонит сестре. В КЯ: 安娜给姐姐打电话 Ānnà gěi jiějie dǎ diànhuà — Букв.: Анна + ГЭЙ + (старшей) сестре звонить. Без служебного форманта в КЯ выражается и значение синтаксемы РЯ (помочь) маме¹, т. к. идея пациенса содержится в лексическом значении глагола *помочь* 帮 bāng. В КЯ: 帮妈妈bāng māma — букв.: помогать/помочь мама.

5. Инструмент, средство.

Связанная синтаксема в присловной позиции с обстоятельственным значением *средство передвижения*. (ехать) на поезде² — в КЯ: 坐火车去zuò huǒchē qù (ЦЗО ХОЧЭ ЦЮЙ) — Букв.: сидеть поезд ехать (туда) или ехать на машине 坐车去 zuò chē qù. — Букв.: сидеть машина ехать (туда), но 自行车去 zìxíng chē qù (ЦЗЫСИН ЧЭ ЦЮЙ) — Букв.: велосипед ехать/ездить.

Примечание — Соотнесем конструкции со словом «велосипед» с аналогичными со словами «машина», «поезд» и под. В КЯ значимо положение «сидеть» и «верхом». В РЯ невозможна трансформация «ехать велосипедом» при совершенно нормативном «ехать/добираться поездом» (трамваем, троллейбусом и даже такси). Выражение «ехать машиной» невозможно, однако добираться машиной — можно сказать в случае, если ведет машину не говорящий. В противном случае требуется синтаксема «на машине» (приехать, добраться).

(Смотреть) по телевизору². В КЯ: 电视里 diànshì lǐ (ДЯНЬШИ ЛИ) — Букв.: телевизор внутри. КЯ не допускает грамматической неоднозначности; синтаксема пространственного значения по телевизору

¹ Там же. С. 245.

² Там же. С. 157.

= по поверхности, выражается иначе, букв.: *место телевизор поверхность направление + глагол передвижения.*

Сирконстантные роли: *Трасса*

Анна идет по парку — значение *Сопространственность. Трасса.*

В КЯ: 安娜在公园玩儿。Ānnà zài gōngyuán wán er (АННА ЦЗАЙ ГУНЮ-АНЬ ВАЭР) — Букв.: *Анна + zai + парк гулять.*

Г. Конструктивно-обусловленные синтаксемы.

Как уже говорилось, именные синтаксемы данного типа представляют случаи сильного управления и должны вводиться на синтаксической основе (в словосочетании). Обусловленные синтаксемы представлены в предложениях:

а) *Меня зовут Антон* (урок 2). В КЯ данной конструкции соответствует конструкция «личная»: 我叫安东。Wǒ jiào āndōng — Букв.: *Я звать Антон; Я имя Антон.*

б) *Кому сколько лет.* В КЯ: 谁多大? Shuí duō dà? Шуй до да? — Букв.: *Кто сколько старший?*

в) *Мне надо спать.* В КЯ: 我要睡觉。Wǒ yào shuìjiào (Во Яо шуйцзяо) — Букв.: *Я надо спать.*

г) *У меня есть словарь / нет словаря.* В КЯ: 我有 / 没有词典。Wǒ yǒu / méiyǒu cídiǎn. — Букв.: *Я иметь/не иметь словарь. Во Ю / мэйю цыдянь.*

д) *Мне нравится молоко.* В КЯ: 我喜欢牛奶。Wǒ xǐhuan niúnnǎi. — Букв.: *Я нравиться молоко.* (Позднее вводится другая синтаксема Д.п. — субъект состояния безличной конструкции: Нам весело. В КЯ: 我很高薪 Wǒ hěn gāoxīn (ВО ХЭНЬ ГАОСИН) — Букв.: *Мы очень веселый.*

е) *Нет (младшего) брата.* В КЯ: 我有哥哥。Wo yǒu gēgē (ВО ЙЮ ГЭГЭ) — Букв.: *Я иметь брат.* ср. КЯ: 我没有哥哥。Wo mǐ yǒu gēgē (ВО МЭЙЮ ГЭГЭ) — Букв.: *Не иметь брат.*

Перейдем к рассмотрению именных синтаксем и выражаемых ими значений на базовом уровне и уровне общего владения РКИ, представленных в УМК «Дорога в Россию» (часть 2)¹.

§ 20. Инвентарь именных синтаксем (косвенных падежей) в УМК «Дорога в Россию» (часть 2) в зеркале языка китайского учащегося

В части 2 УМК «Дорога в Россию» на уровне лингводидактических единиц представлены фрагменты различных ФСК, репертуар значений ИГ расширяется за счет введения синтаксем косвенных падежей:

¹ Учебно-методический комплекс ..., Ч.2, с. 108.

I. Пространственного значения:

- свободной синтаксема Р.п. со значением *Несопространственность. Динамика. Старт. от друга (получить письмо, сообщение; прийти)¹*;
- омонимичной синтаксема со значением *Общая соппространственность* синтаксема Р. п. *(был) у кого²*;
- свободных синтаксема Т.п. со значением *Несопространственность. Статика: под домом, перед домом, за домом, между домом и лесом, над домом, рядом с домом³*.

II. Временного значения:

- свободных синтаксема П.п. со значением *Одновременность. Темпоральность.: в (каком) году, в (каком) месяце, на неделе⁴*;
- свободной синтаксема В.п. со значением *Разновременность. Темп. Следование: через неделю⁵*;
- связанной с/с Д.п. в присловной позиции со значением *трасса: пойдем по Невскому проспекту⁶*;
- свободной с/с Р.п. в присловной позиции: *купил для тебя⁷* (дестинатив) *вводится пассивно*;
- свободной синтаксема Д.п. в присловной позиции *(учебник) по русской литературе⁸ определительного значения Критерий классификации и сравнения*;
- свободной с/с Р.п. со значением *Разновременность. Темпоральность. Следование: после урока⁹*;
- свободной синтаксема Т.п.: *перед поездкой¹⁰ — Разновременность. Темпоральность. Предшествование*.

III. Определительного значения — связанной синтаксема В.п. в присловной позиции: *похож на кого/что* со значением *Сходства*.

IV. Инструментальные объектно-обстоятельственные значения:

- связанной синтаксема Т.п. в присловной позиции *инструмент, орудие: писать пером¹¹*;
- связанной синтаксема Т.п. в присловной позиции в составе именного сказуемого: *Он будет врачом*.

Типы и позиции именных синтаксем, включенных в часть 2 УМК «Дорога в Россию», представим в таблице 10. Далее представим эквиваленты КЯ с целью определения зон наибольшего

¹ Там же. С. 84.

² Там же. С. 133.

³ Там же. С. 166–167.

⁴ Там же. С. 26.

⁵ Там же. С. 56.

⁶ Там же. С. 136.

⁷ Там же. С. 137.

⁸ Там же. С. 138.

⁹ Там же. С. 167.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 165.

интерферирующего влияния и предотвращения межъязыковой интерференции. Рассмотрим синтаксемы РЯ в зеркале китайского языка, представив их формально, *по падежам*. Анализ начнем со свободных синтаксем пространственного, временного и иного значений.

Таблица 10 – Типы и позиции именных синтаксем в УМК «Дорога в Россию» (часть 2)

Тип синтаксем	Позиция синтаксем			
	Вне предложения	В предложении		
		присловная	в предикативной основе	вне предикативной основы
Свободная	Зима. О себе. В общезитии.	от друга (письмо); под домом; перед домом; за домом; между домом и лесом; над домом; рядом с домом; в (каком) году; в (каком) месяце; на неделе; через неделю; для тебя; (учебник) по русской литературе; после урока перед поездкой	–	у кого (быть)
Конструктивно-обусловленная в структуре ПВ	–	–	будет врачом	–
Связанная	–	по Невскому	–	похож на кого/ что; писать пером

1. Свободные синтаксемы (мотивированное управление).

1.1. Значения «локатив» и «атрибутив»:

Родительный падеж

Значение «старт» обратно направленного движения: откуда: письмо от друга¹, вызывает трудности, так как учащимся трудно

¹ Там же. С. 84.

установить связь между значением *Сопространственность*, выраженным синтаксема *был у кого*¹, и значением *Несопространственность* — синтаксема *от кого* (*пришел, получил письмо*). Необходимо ввести существенные для РЯ системные связи между синтаксемами пространственного значения, отсутствующие в КЯ:

Куда идет	Где был	откуда идет	куда ходил
В, на+ № 4	в, на + № 6	из, с + № 2	в, на + № 4
К кому/чему	у кого/чего	от кого/чего	к кому/чему

Кроме того, китайским учащимся непонятна разница между синтаксемой «старт» с предлогом *от* и *из*. В РЯ предлог *от* при наименовании лица связан с действием категории *одушевленность*. В КЯ в обоих случаях используется морфема 从 *cóng* ЦУН и смысл *от Антона* ПЕРЕДАЕТСЯ «ИЗ ДОМА АНТОНА» — 从安东的房子。 *Cóng Āndōng de fángzi* — Букв.: из Антон + ДЭ дом. Китайские студенты говорят так и по-русски: *пришел из Ивана дома / из дома Ивана; в дом/в доме бабушки*. Значение локатива и омонимичные синтаксемы Р.п. более детально рассматриваются далее.

1.2. Адресатная роль, директив-финиш, атрибутив.

Дательный падеж

При работе с синтаксема *Директив-финиш* к маме иду следует обратить внимание учащихся на необходимость предлога *к* в синтаксеме *к кому* с глаголами направленного движения, т. к. в КЯ синтаксем *маме* и *к маме* формально не различаются. Как уже было отмечено, в КЯ направление выражается лексически, глагольным словом. Идея достижения (*пришел к маме*) в КЯ выражается с помощью иных категорий языка – результативных морфем и аспектуальных показателей: 到了 *dào le* (ДАО ЛЭ). Универсальные семы *результативность, законченность* и *финиш* при межкультурной перекодировке оказываются перераспределены.

Не имеет параллелей в КЯ, поэтому трудна для понимания синтаксема Д.п. со значением *Критерий классификации и сравнения: книга по русской литературе*. В КЯ: 俄罗斯文学的书。 *Èluósī wénxué de shū* (ЭЛОСЫ ВЭНЬСЮЭ ДЭ ШУ) — Букв.: *русская литература + ДЭ* (показатель атрибутивного признака) *книга*.

1.3. Локатив.

Творительный падеж

Значение *Несопространственность. Незаполненность. Статика* представлено вариантами для обозначения различной пространственной

¹ Там же. С. 133.

² Там же. С. 157.

ориентации: *под домом, перед домом, за домом, между домом и лесом, над домом, рядом с домом*¹. Отметим структурное сходство в КЯ: несопространственность выражена однозначными морфемами — аналогами русских предлогов, в РЯ при выражении пространственных отношений ведущая роль также принадлежит предлогам.

1.4. Темпоратив.

– Значение *Одновременность. Темпоральность*. представлено синтаксемой **предложного падежа**: *в (каком) году* — в КЯ: 哪一年 nǎ yī nián (НА И НЯНЬ) — Букв.: *какой год*; *в (каком) месяце* — в КЯ: 哪个月 nǎ ge yuè (НА ГЭ ЮЭ) — Букв.: *какой месяц*; *на неделе* — в КЯ: 这个星期 zhè ge xīngqī (ЧЖЭГЭ СИНЦИ) — Букв.: *эта неделя*. В зеркале КЯ становится понятно, что предложно-падежные формы РЯ игнорируются учащимися в силу перераспределения аспектуальных показателей в КЯ (ср.: *на неделе* — *на неделю и за неделю*). Флексия кажется китайскому учащемуся семантически избыточной, по этой причине падежная форма игнорируется.

– Значение *Разновременность. Темпоральность. Предшествование* представлено синтаксема **творительного падежа**: *перед уроком* — в КЯ: 在上课前 zài shàngkè qián (ЦЗАЙ ШАНКЭ ЦЯНЬ), где ЦЗАЙ — пространственно-временной локализатор, 前 qián (ЦЯНЬ) — послелог со значением русского предлога *до/за/перед*.

– Значение *Разновременность. Темпоральность. Следование* представлено синтаксемой **родительного падежа**: *после урока* — в КЯ: 下课 (以) 后 xiàkè (yǐ) hòu (СЯ КЭ ИХОУ) — Букв.: *кончаться урок после* и **винительного падежа**: *через неделю* — в КЯ: 一个星期 (以) 后 yī ge xīngqī (yǐ) hòu (ИГЭ СИНЦИ ИХОУ) — Букв.: *одна неделя после*.

В КЯ, как и в РЯ, идея предшествования и следования в пространстве и во времени выражается при помощи служебных средств: 前 qián (ЦЯНЬ) *перед* и 后 hòu (ХОУ) *за, после, следом*. Однако китайская этнокультурная модель времени обуславливает употребление 前 qián (ЦЯНЬ) в значении *прошедший*, ср.: *два года назад* — в КЯ: 两年前来 liǎng nián qián lái (ЛЯН НЯНЬ ЦЯНЬ ЛАЙ) — Букв.: *два года перед пройти*.

Рассмотрим в зеркале китайского языка связанные синтаксемы, представленные в части 2 анализируемого УМК.

2. Связанные синтаксемы (немотивированное управление).

В УМК «Дорога в Россию», часть 2, на уровне дидактических единиц вводятся синтаксические модели, включающие следующие связанные синтаксемы.

¹ Там же. С. 166.

² Там же. С. 157.

Синтаксема винительного падежа со значением сходства: *п охож на кого/что* — в КЯ: 他像父亲一样。Tā xiàng fùqīn yīyàng (ТА СЯН ФУЦИНЬ ИЯН) — Букв.: *Он выглядеть/казаться отец попохоже/одинаково*. В силу различий синтаксических моделей РЯ и КЯ употребление в речи связанной синтаксемы (*похож на (КОГО)*) крайне трудно для китайцев.

Синтаксема творительного падежа со значением *инструмент, орудие*: *писать ручкой* — в КЯ: 用钢笔写 yòng gāngbǐ xiě (ЮН ГАНБИ СЕ) — Букв.: *использовать ручка писать*. Немотивированное глагольное управление в РЯ вызывает трудность у китайских студентов: китайцу проще сказать по-русски *использовать ручку, чтобы писать*, т. к. такая конструкция изоморфна модели его родного языка.

Представим номенклатуру денотативных ролей, которые учащиеся могут выразить после изучения УМК «Дорога в Россию» (части 1 и 2) с помощью предложно-падежных форм (именных синтаксем).

§ 21. Номенклатура денотативных ролей, представленных в УМК «Дорога в Россию» (части 1 и 2) и методические рекомендации относительно способов введения соответствующих именных синтаксем

Исчисление синтаксем, вводимых в УМК «Дорога в Россию» на уровне лингводидактических единиц, показало, что к концу первого года обучения с помощью именных синтаксема и формируемых на их основе именных групп учащиеся умеют выражать следующие значения:

а) основные субъектные роли: *агенси, донатор, субъект речи-мысли, субъект-носитель признака, субъект состояния* и др.;

б) основные объектные роли: объектные значения *отправитель, получатель, экспериенцер, посессор, инструментатив, делиберат* (о сестре), *адресат* (сестре), *пациенс* (любить сестру) и др.;

в) значения ФСК именной темпоральности, актуальные для представления аспектуальных значений форм совершенного и несовершенного вида: *писал два часа — написал за два часа; каждый день по два часа тренируется*;

г) основные значения ФСК Именной локативности: 1.1. *Общая сопространственность. Статичность vs. 1.2. Общая сопространственность. Динамичность (трасса): гулять в парке vs. пойдём по Невскому проспекту; 2.1. значение Несопространственность: жить рядом с парком*;

д) некоторые объектно-обстоятельственные значения (способа действия: *писать ручкой, ехать поездом*);

е) идею сходства и квалификативный признак (*похож на мать; книга по русскому языку, выше брата; высокого роста*).

Отметим, что в отечественной лингводидактике всё многообразие средств выражения именной локативности РЯ и богатство выражаемых ими значений в УМК «Дорога в Россию» (как и предшествовавших ему учебных комплексах «Старт») на элементарном и базовом уровне РКИ сведено к минимуму и четко структурировано. Предъявление синтаксем осуществляется системно, количество синтаксем минимизировано, их выбор оптимален, что способствует овладению лексико-грамматическим минимумом элементарного и базового уровня РКИ. Однако в ряде случаев необходима экспликация значений предложно-падежных форм, например, таких, как *у стены, около стены, в городе и по городу, ответить на это и ответить за это*, поскольку смысл омонимичных или близких по форме синтаксем учащимся может быть неясен.

Дадим краткий комментарий и методические рекомендации относительно способов введения именных синтаксемы, отобранных в качестве лингводидактических единиц на обсуждаемом этапе обучения. Отметим, что значения *делиберат* (рассказ) о друге в обсуждаемом УМК вводится пассивно. Это странно, если учесть, что первый в жизни учащегося рассказ на русском языке (и любом другом иностранном языке) называется «О себе», а второй — «О моем друге». Пассивно введен и *дестигнатив* «для тебя (купил)», хотя это значение вполне можно вводить и на уровне речевых образцов для активного владения: *купил для тебя = купил тебе*.

Синтаксемы пространственного значения *за/под/над/перед/рядом с (домом)* и *между домом и лесом* вводятся при помощи приема контекстной догадки: учащиеся читают текст и должны угадать значение незнакомых ИГ. Контроль понимания предполагается при помощи задания *нарисуйте*. Полагаем, что данные ИГ лучше ввести при помощи рисунков, так как студенты из Китая обычно не хотят тратить время на такое *несерьезное* с их точки зрения занятие.

При овладении синтаксемами важно обратить внимание учащихся на универсальные семантические критерии, важные для определения выражаемых в форме синтаксем и именных групп денотативных ролей:

1) семантический разряд существительного (лицо, зооним, вещество, событие, признак),

2) морфологические маркеры формы — грамматическую (падежную) форму и предлог в РЯ и знаменательную, служебную или полуслужебную морфему в КЯ,

3) тип синтаксемы и характер ее связи с другими словами в предложении (синтаксическую позицию).

На этапе общего владения по мере расширения арсенала значений и средств выражения необходимо представление именных синтаксем и сформированных на их базе именных групп по принципу *от семантики* в виде структуры ФСК.

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОМУ РАЗДЕЛУ

1. Взгляд на основные грамматические категории русского языка глазами носителя языка иной типологии (на примере китайского языка) показал, что для грамматического уровня в не меньшей степени, чем для лексического уровня, характерны различия в картировании действительности. Для овладения грамматикой на достаточном для речевой деятельности уровне китайскому учащемуся необходима методическая помощь. Как было показано, все грамматические явления русского языка представлены в китайской русистике на уровне терминов. Значит, необходим более фундаментальный анализ функциональных языковых категорий и средств их выражения, ориентированный на межъязыковые сопоставления, с целью выяснения расхождений в объеме и содержании понятий, выражаемых метаязыком лингвистики.

2. Представление лингвистического знания требует отбора элементов метаязыка для введения основных грамматических понятий на терминологическом и *дотерминологическом* уровне. С целью определения лингвистической компетенции китайских учащихся *на входе* и *на выходе* мы рассмотрели списки терминологической лексики. Отдавая дань уважения китайской лингвометодической традиции, констатируем, что все важнейшие для структуры РЯ понятия нашли свое терминологическое выражение на языке учащегося. Думается, что этот бесценный опыт необходимо применять и в практике РКИ, снабдив УМК для китайских учащихся двуязычным толковым словарем лингвистических терминов, с помощью которого можно выстраивать преемственную методику обучения.

3. Межъязыковой анализ основных грамматических категорий в сфере имени существительного позволил увидеть ряд явлений и закономерностей, в первую очередь лингвистическую относительность грамматической таксономии, которая выражается в несовпадении языкового статуса и семантической организации всех морфологических категорий русских имен, рассмотренных в зеркале китайского языка.

4. В сфере существительного обнаружены яркие расхождения языковой концептуализации в ряде категорий. Категория одушевленности КЯ не свойственна: в нем лексическими и графическими средствами выражается категория пола. В безартикле КЯ категория субстантивного числа тесно взаимодействует с категорией определенности-неопределенности референции: показатели именной количественности КЯ обслуживают универсально-языковую категорию референциональной определенности-неопределенности. Категория субстантивного числа в РЯ организована иначе, однако имеет место взаимодействие категории субстантивной количественности (единственного и множественного

числа имени объекта действия) и категории определенности-неопределенности, а значит, это, как минимум, языковая фреквенталия. В РЯ имеет место взаимодействие категорий субстантивного числа и аспекта (вида) русского глагола, незнание чего приводит к речевым ошибкам (алогизмам): желая выразить мысль Я читаю книги, Я люблю читать книги китайский учащийся скажет? Я читаю книгу по вечерам? Люблю читать книгу, имея в виду неопределенную книгу, а книги вообще, класс книг, «книжность». Эта типичная для китайских студентов ошибка связана с этноуникальным характером межкуатегориальных связей категорий числа (количественности) и определенности.

5. В сфере именного формоизменения существенным барьером является падежное изменение имен существительных. Предложенный грамматический навигатор по синтаксемам (именным группам) лексико-грамматического минимума элементарного и базового уровня (на материале ориентированной на китайских учащихся версии УМК «Дорога в Россию») позволяет учащемуся овладевать средствами выражения основных денотативных ролей в более короткие сроки.

6. В целях реализации методического принципа опоры на язык учащегося предложен *Грамматический навигатор* по именным группам для элементарного и базового уровней владения РКИ. Это обучающие материалы нового типа, в которых именные группы (синтаксемы) представлены *от формы и от содержания*. *Навигатор* позволяет соотносить грамматические явления двух языков без использования традиционного для китайских учебников перевода-подстрочника, негативно влияющего на развитие говорения.

7. Представленный материал китайского языка позволяет скорректировать лингводидактический минимум именных синтаксем и методику их введения в китайской аудитории. Особо это относится к синтаксемам, которые неизменно составляют зону повышенной интерференции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полученные результаты исследования актуальны и других аналитических языков *не среднеевропейского стандарта*. Кратко сформулируем основные положения.

В настоящее время естественный язык понимается не просто как *система средств* кодирования информации, пусть и самая совершенная, а как *образ мира*, мыслительный принт, дающий ориентиры в мире и в предметной деятельности человека, организующий когницию и тем самым направляющий сам процесс познания. Методологической основой обучения иностранному языку следует признать понятийные (семантические) универсалии.

Сознание человека этнически обусловлено. Наши категории имеют тенденцию категоризовать не собственно предметы, а абстрактные понятия, и, как все естественные (семантические) категории, основанные на прототипах, языковые категории имеют весьма зыбкие границы. Поэтому язык устроен сложнее, чем неживая и живая природа¹. Подобно камере Обскура, наш язык «видит» мир сквозь призму сознания познающего мир субъекта, пронизанного сетью языковых категорий, а «языки различаются между собой не просто грамматикой и лексикой, а набором и системами смыслов и значений, выражаемых или не выражаемых при помощи грамматики и лексики данного языка»².

Обучение иностранному языку не может ограничиться перекодировкой на поверхностно-синтаксическом уровня представления информации, оно затрагивает и более глубокие «слои», в т. ч. перестройка происходит на концептуальном уровне. Каждый конкретно-национальный язык представляет собой уникальность в универсальном и универсальность уникального. Л. Витгенштейн писал о языковых различиях на уровне концептуализации как о «метафизическом соответствии между языком и реальностью»³. Дж. Лакофф спрашивает: «Используют ли люди одну концептуальную систему?»⁴. Ответ, очевидно, должен быть *Да* и *Нет*. *Да*, потому что мироздание и мозг универсальны одинаково для людей всех национальностей. *Нет*, потому что причуды языковой таксономии не имеют границ. Речь идет не только о категориях лексических: грамматическая категория суть способ упорядочения мышлением структур языка.

¹ См.: Всеволодова М. В., Владимирский Е. Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. 2-е изд., доп. Москва: АКИ, 2008. 288 с.

² Всеволодова М. В. Указ. соч. 2000. С. 10.

³ Цит. по: Цивьян, Т. В. Цивьян, Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира / Цивьян Т. В. ; под ред. В. Н. Топорова. Москва : Наука, 1990. С. 31.

⁴ Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. Москва: Гнозис, 2011. С. 9.

Способность к категоризации является исключительной прерогативой сознающего и познающего субъекта и загадка устройства языка есть разгадка сознающей мыслительной деятельности. *Двойственность* языка, его посредническая миссия между внеположенным ему миром и миро- и мифотворчеством в языковых формах, определяет сложность устройства Языка как объекта исследования. Одна из задач языкознания, по мнению С. Д. Кацнельсона, состоит в вычленении категорий мышления, лежащих в основе грамматических категорий, специфичных для каждого языка, в выявлении сложных путей, ведущих от значения грамматических форм к грамматическим категориям и категориям мыслительным (ср. *психологические идеи* В. Ф. Гумбольдта, А. А. Потебни, И. А. Мещанинова).

С пониманием лингвокультурных расхождений, связанных с принципом языковой относительности, связана необходимость поиска интерферирующих факторов обучения. В качестве таких факторов мы рассматриваем:

- внутриязыковой фактор типологии и данную в грамматических, лексических и иных категориях языка лингвистическую картину мира;
- обусловленные особенностями языковой структуры национально-методические традиции;
- наконец, этнопсихологические особенности иностранного учащегося (ментальность).

В поисках путей оптимизации обучения на примере китайских учащихся мы осуществили проекции основных морфологических категорий РЯ и КЯ в сфере имени с учетом межкатегориальных взаимодействий, в т. ч. форм и значений именных синтаксем лексико-грамматического минимума элементарного и базового уровня РКИ, обслуживающих различные денотативные роли в предложении высказывании (на материале дидактических единиц элементарного и базового уровня).

При обучении носителей языка иной типологии крайне важно оперировать адекватной языковой реальности моделью русского языка, которая может быть *наложена* — на родной язык учащегося. Основываясь на представлении о семантических лингвоуниверсалиях¹, в целях учета родного языка учащегося и решения проблемы осознанности обучения РКИ носителей типологически иных языков, мы предложили учебные материалы нового типа — *Грамматический навигатор*. Материалы Навигатора содержат лингводидактические единицы, структурированные по принципу ФСК. Каждой единице изучаемого иностранного языка поставлены в соответствие содержательные эквиваленты родного языка учащегося. Данный метод позволяет учитывать национальную лингвометодическую традицию (дань переводному методу в китайской национальной лингводидактической традиции),

¹ См.: Мещанинова И.И. Указ соч.

контролировать адекватность понимания грамматической структуры изучаемого языка, способствует осознанности обучения.

При организации работы с опорой на родной язык учащегося возникает возможность рациональной постановки осознанного, а значит, полноценного грамматического навыка. Задания на прямой и обратный перевод однотипных структур позволяют в полной мере учесть язык обучающегося, задействовать его лингвистическую компетенцию и сформировать осмысленные алгоритмы перекодировок, чего невозможно достичь методом пословного перевода.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Азимов, Г. Э., Шукин А. Н. Новый словарь лингводидактических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Г. Э.Азимов, А. Н. Шукин. – Москва : ИКАР, 2009. – 448 с. – ISBN 978-5-7974-0207-7. – Текст : непосредственный.
2. Айцзюнь У. Явление интерференции и языкового переноса в родном языке при изучении китайского языка как иностранного для русских учащихся / У. Айцзюнь. – Текст : непосредственный // Школа будущего. – 2017. – № 2. – С. 132–139. – Библиогр.: с. 138–139 (4 назв.).
3. Акимова, И. И. Субстантивное число и детерминация в русском и китайском языках: лингво-культурологический аспект : монография / И. И. Акимова. – Москва : Знак, 2015. – 142 с. – ISBN 978-5-9551-0734-9. – Текст : непосредственный.
4. Акимова, И. И. Внутрисинтаксическая модальность: система значений русского языка «в зеркале» китайского языка (книга для преподавателя-русиста). – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2021. – 227 с. – ISBN 978-5-91837-425-2. – Текст : непосредственный.
5. Акимова, И. И. Пути оптимизации при обучении грамматике РКИ (на примере работы с учащимися из Китая) / Под ред. Ж. В. Ганиева // Вузовская методика преподавания лингвистических дисциплин : учебное пособие. – Москва : Флинта, 2014. – С. 327–343. –Текст : непосредственный.
6. Акимова, И. И. Лингвистические универсалии как методологическая основа обучения иностранным языкам. Функционально-семантическая категория именной темпоральности : книга для преподавателя. – Москва : РПА Минюста России, 2013. – 170 с. – Текст : непосредственный.
7. Акимова, И. И. Способы выражения значений русского падежа средствами китайского языка: предложный падеж / И. И. Акимова. – Текст : непосредственный // *Lingua mobilis*. – 2007. – № 3 (7). – С. 161–177.
8. Акимова, И. И. Грамматический навигатор как средство преодоления факторов культурно-языковой интерференции (из опыта работы с китайскими учащимися) / И. И. Акимова. – Текст : непосредственный // Вопросы филологии. – 2012. – № 3 (42). – С. 76–77. – Библиогр.: с. 38 (9 назв.).
9. Акимова, И. И. Пути преодоления грамматического барьера китайских учащихся при овладении категорией глагольного вида в русском языке. / И. И. Акимова. – Текст : непосредственный // Русский язык за рубежом. – 2012. – № 3(232). – С. 41–46. – Библиогр.: с. 46 (16 назв.).
10. Амиантова, Э. И. Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка как одна из составляющих современной лингвистической парадигмы (становление специальности «Русский язык как иностранный») / Э. И. Амиантова, Г. А. Битехтина, М. В. Всеволодова, Л. П. Клобукова. – Текст : непосредственный // Вестник МГУ. – 2001. – № 6. – С. 215–233.
11. Антонова, В. Е. [и др.] Дорога в Россию : учебник русского языка (элементарный уровень): 5- издание. / В. Е. Антонова, М. М. Нахабина, Сафронова М.В., А. А. Толстых. – Москва : ЦМО МГУ им. М.В. Ломоносова, 2009. – 344 с. – ISBN 978-5-86547-469-2. – Текст : непосредственный.

12. Антонова, В. Е. Дорога в Россию : учебник русского языка (базовый уровень) / В. Е. Антонова, М. М. Нахабина, А. А. Толстых. – 4-е изд. – Москва : ЦМО МГУ им. М.В. Ломоносова, 2009. – ISBN 978-5-86547-400-5. – Текст : непосредственный.

13. Антонова, В. Е. Дорога в Россию. Грамматический комментарий и словарь к учебнику для говорящих на китайском языке (элементарный уровень) / В. Е. Антонова, М. М. Нахабина, А. А. Толстых. – 2-е изд. – Москва : ЦМО МГУ им. М.В. Ломоносова, 2003. – 108 с. – ISBN 978-5-86547-468-5. – Текст : непосредственный.

14. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – I–XV. 896 с. – Текст : непосредственный.

15. Бакеева, Н. З. Методика рус. языка в нац. школе в ее отношении к различным отраслям лингводидактики / Под ред. Н. М. Шанский [и др.] // Русский язык в национальной школе : Проблемы лингводидактики. – Москва : Педагогика, 1977. – 248 с. – Текст : непосредственный.

16. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – изд. 2-е, стер. – Москва : Эдиториал УРСС, 2001. – 416 с. – ISBN 5-8360-0266-5. – Текст : непосредственный.

17. Балыхина, Т. М. Какие они, китайцы? Этнометодические аспекты обучения китайцев русскому языку / Т. М. Балыхина, Ч. Юйцзань. – Текст : непосредственный // Высшее образование сегодня. – 2009. – № 5. – С. 16–22.

18. Баранова И. И. Стратегии обучения студентов из КНР в контексте субъект-субъектной образовательной парадигмы / И. И. Баранова, К. М. Чуваева. – Текст : непосредственный // Вестник РУДН. – 2012. – № 3. – С. 134–139.

19. Бархударова, Е. А. Лингвистические основы создания национально ориентированных курсов русской фонетики. – Москва : МГУ, 2007. – 325 с. – Текст : непосредственный.

20. Безлепкина, Н. И. Философия языка в России: к истории русской лингвофилософии. – Санкт-Петербург : Искусство, 2001. – 390 с. – ISBN 5-210-01555-6. – Текст : непосредственный.

21. Белов, А. И. А. М. Пешковский как лингвист и методист. – Москва : УЧПЕДГИЗ, 1958. – 234 с. – Текст : непосредственный.

22. Белошапкова, В. А. Современный русский язык : учебник / В. А. Белошапкова [и др.] ; под ред. В. А. Белошапковой. – изд. 3-е, испр. и доп. – Москва : Азбуковник, 1999. – 928 с. – Текст : непосредственный.

23. Бобрышева, И. Е. Учет национальных лингвометодических традиций в обучении русскому языку как иностранному китайских учащихся в условиях русской языковой среды (начальный этап) : специальность 13.00.02 : дис. ... канд. пед. наук / Бобрышева Ирина Евгеньевна – Москва, 1996. – 161 с. – Текст : непосредственный.

24. Бобрышева, И. Е. Учет национальных лингвометодических традиций в обучении русскому языку иностранцев (на примере Китая). – Москва : Компания «Спутник+», 2001. – 112 с. – ISBN 5-93406-171-2. – Текст : непосредственный.

25. Бобрышева, И. Е. Культурно-типологические стили учебно-познавательной деятельности иностранных учащихся в методике обучения русскому языку как иностранному : научное издание. – Москва : Флинта, 2004. – 254 с. – ISBN 5-89349-679-5. – Текст : непосредственный.

26. Богин, Г. И. Современная лингводидактика : учебное пособие. – Калинин: КГУ, 1980. – 60 с. – Текст : непосредственный.
27. Бондарко, А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики. На материале русского языка / А. В. Бондарко. – Москва : Языки славянской культуры (ЯСК), 2002. – 732 с. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=211120> (дата обращения: 06.07.2023). – ISBN 5-94457-021-0. – Текст : электронный.
28. Бондарко, А. В. Теория функциональной грамматики : персональность, залоговость / А. В. Бондарко [и др.]. – Санкт-Петербург : Наука, 1991. – 371 с. – Текст : непосредственный.
29. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. — Ленинград : Наука, 1984. — 136 с.
30. Бондарко А.В., Буланин Л.А. Русский глагол : пособие. — Ленинград : Просвещение, 1967. — 190 с.
31. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание. – Москва : Русские словари, 1996. – 416 с. – Текст : непосредственный.
32. Всеволодова, М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент фундаментальной прикладной (педагогической) модели языка : учебник. – Москва : URSS, 2016. – 649 с. – ISBN 978-5-453-00117-0. – Текст : непосредственный.
33. Всеволодова, М. В. Язык: норма и узус (подходы к системе языка) / М. В. Всеволодова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия : Филология. – 2015. – № 6. – С. 35–57. – Библиогр.: с. 54–57 (43 назв.).
34. Всеволодова, М. В. Специфика категории количественности в славянских языках: числительные, квантитативы, счетное множество, и изменения в парадигматике русских числительных (функционально-коммуникативная грамматика) / М. В. Всеволодова. – Текст : непосредственный // STEPHANOS. 2013. – № 2 (2). – С. 68–141. – Библиогр.: с. 137–141 (78 назв.).
35. Всеволодова, М. В. Полные и краткие формы адъективов в русском языке (К вопросу грамматики прилагательных и причастий) / М. В. Всеволодова. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 2013. – № 6. – С. 3–32. – Библиогр.: с. 30–32 (54 назв.).
36. Всеволодова, М. В. Категория количественности в славянских языках / М. В. Всеволодова. – Текст : непосредственный // Вестник МГУ. – 2013 – № 6. – С. 16–62. – Библиогр.: с. 59–62 (64 назв.).
37. Всеволодова, М. В. Язык и его место в мироздании: к вопросу об актуальной грамматике / М. В. Всеволодова. – Текст : непосредственный // Вестник МГУ. Серия 9 : Филология. – 2010. – № 6. – С. 7–375. – Библиогр.: с. 32–37 (68 назв.).
38. Всеволодова, М. В. Отзыв о диссертации Дэн Ин на тему «Семантика и функции глагольных форм прошедшего времени совершенного и несовершенного вида в русском языке в зеркале китайского» (рукопись). – Текст : непосредственный.
39. Всеволодова, М. В. Поля, категории и концепты в грамматической системе языка / М. В. Всеволодова. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 2009. – № 3. – С. 76–99. – Библиогр.: с. 97–99 (77 назв.).
40. Всеволодова, М. В. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке / М. В. Всеволодова,

Е. Ю. Владимирский. – Изд. стереотип. – Москва : URSS, 2019. – 286 с. – ISBN 978-5-397-06763-8. – Текст : непосредственный.

41. Всеволодова, М. В. Функционально-семантические поля и функционально-семантические категории: к вопросу о структуре содержательного пространства языка / М. В. Всеволодова ; Укл. : А. Загнітко (наук. ред.) [та ін.]. – Текст : непосредственный // Лінгвістичні студії : Зб. наук. праць. – Донецьк: ДонНУ, 2007. Вип. 15. – С. 34–43.

42. Всеволодова, М. В. Категория русского управления / М. В. Всеволодова ; отв. ред. В. В. Красных, сост. А. И. Изотов. // Язык, сознание, коммуникация : сборник статей. – Москва : МАКС Пресс, 2005. – Вып. 30. – С. 147–164. – Текст : непосредственный.

43. Всеволодова, М. В. Система значений и употреблений форм настоящего времени русского глагола (в зеркале корейского языка) Фрагмент функционально-коммуникативной прикладной грамматики. / М. В. Всеволодова, Т. Ч. Ким. –3-е. изд. – Москва : МАКС Пресс, 2002. – 172 с. – ISBN 5-317-00519-1. – Текст : непосредственный.

44. Всеволодова, М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: фрагмент прикладной (педагогической) модели языка : учебник. – Москва : Издательство МГУ, 2000. – 502 с. – ISBN 5-211-03892-4. – Текст : непосредственный.

45. Всеволодова, М. В. Классы моделей русского простого предложения и их типовых значений. Модели русских предложений со статальными предикатами и их речевые реализации (в зеркале китайского языка) / М. В. Всеволодова, Ш. Го. – Москва : АЦФИ, 1999. – 169 с. – Текст : непосредственный.

46. Всеволодова, М. В. Система русских приставочных глаголов движения (в зеркале персидского языка) / М. В. Всеволодова, А. А. Мадаени – Москва : Диалог-МГУ, 1998. – 140 с. – Текст : непосредственный.

47. Всеволодова, М. В. Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложений / М. В. Всеволодова, О. Ю. Дементьева. – Москва, 1997. – 171 с. – Текст : непосредственный.

48. Всеволодова, М. В. К вопросу о семном составе славянского глагольного вида / Академия наук СССР ; Институт славяноведения и балканистики // Проблемы сопоставительной грамматики славянских языков. – Москва, 1995. – С. 36–48. – Текст : непосредственный.

49. Всеволодова, М. В. Основания практической функционально-коммуникативной грамматики русского языка / М. В. Всеволодова – Текст : непосредственный. // Языковая системность при коммуникативном обучении. – Москва : Русский язык, 1988. – С. 26–35.

50. Всеволодова, М. В. Категория именной темпоральности и закономерности ее речевой реализации : специальность 12.00.14 : дис. ... д-ра филол. наук / Всеволодова Майя Владимировна – Москва, 1983. – 458 с. – Текст : непосредственный.

51. Вэнь, Л. Части речи в китайском языке / Пер. с кит. ; Л. Вэнь, Ф. Ху. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1955. – № 3. – С. 58–72.

52. Вятютнев, М. Н. Теория учебника русского языка как иностранного. – Москва : Русский язык, 1984. – 144 с. – Текст : непосредственный.

53. Вятютнев, М. Н. Коммуникативная направленность обучения русскому языку в зарубежных школах / М. Н. Вятютнев. – Текст : непосредственный. //

Русский язык за рубежом. – 1977. – № 6. – С. 38–45. – Библиогр.: с. 45 (12 назв.).

54. Гак, В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. – Москва : Добросвет, 2000. – 832 с. – Текст : непосредственный.

55. Гальцев, И. Н. Введение в изучение китайского языка. – Москва : Издательство литературы на иностранных языках, 1962. – 319 с. – Текст : непосредственный.

56. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика : пособие / Н. Д. Гальскова, Н.И. Гез. – 3-е изд., стер. – Москва : Академия, 2006. – 336 с. – ISBN 5-7695-2969-5. – Текст : непосредственный.

57. Гальскова, Н.Д. Еще раз о лингводидактике / Н. Д. Гальскова. – Текст : непосредственный // Иностранные языки в школе. – 2008. – № 8. – С. 2–10. – Библиогр.: с. 10 (8 назв.).

58. Горелов, В. И. Грамматика китайского языка для 8–10 классов средней школы с преподаванием китайского языка. – Москва : Просвещение, 1974. – 275 с. – Текст : непосредственный.

59. Готлиб, О. М. Практическая грамматика современного китайского языка. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Муравей, 2002. – 304 с. – Текст : непосредственный.

60. Драгунов, А. А. Исследования по грамматике современного китайского языка : Т. 1 : Части речи / Академия наук СССР ; Институт востоковедения. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1952. – 232 с. – Текст : непосредственный.

61. Есперсен, О. Философия языка / О. Есперсен ; пер. с англ. Кобозевой И. М. – Москва : УРСС, 2004. – 206 с. – Текст : непосредственный.

62. Есперсен О. Философия грамматики / О. Есперсен ; пер. с англ. – Москва : КомКнига, 2006. – 406 с. – Текст : непосредственный.

63. Звегинцев, В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях : в 2 ч. / Сост. В. А. Звегинцев. – Москва : Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1964. – Ч. 1. – 466 с. – 1965. – Ч. 2. – 329 с. – Текст : непосредственный.

64. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова ; под общ. ред. Г. А. Золотовой. – Москва, МГУ, 1998. – 528 с. – Текст : непосредственный.

65. Золотова, Г. А. Очерк функционального синтаксиса / Г. А. Золотова. – Москва : Наука, 1973. – 352 с. – Текст : непосредственный.

66. Золотова, Г. А. О конститутивной синтаксической единице / Г. А. Золотова. – Текст : непосредственный // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – Москва : Наука, 1981. – Т. 40. – № 6. – С. 496–508.

67. Золотова, Г. А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – 4-е изд. – Москва : URSS, 2011. 440 с. ISBN 978-5-354-01322-7. – Текст : непосредственный.

68. Иванова, И. С. Изучение русского языка в Китае (из опыта работы в Хайнаньском университете) / И.С. Иванова. – Текст : электронный // Концепт. – 2014. – № 13. – URL: <http://e-koncept.ru/2014/14655.htm> (дата обращения: 06.06.2023).

69. Изаренков, Д. И. Базисные составляющие коммуникативной компетенции и их формирование на продвинутом этапе обучения студентов-нефилологов // Русский язык за рубежом. – 1990. – № 4. с. 54.

70. Пете, И. Способы выражения пространственных отношений в русском языке в зеркале венгерского языка [Текст] : Рукопись / Иштван Пете. - Сегед : [б. и.], 1973. – 240 с.

71. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Отв. ред. В. В. Акуленко [и др.]. – 7-е изд. – Москва : АКИ, 2010. – 264 с. – ISBN 785-382-01071-7. – Текст : непосредственный.

72. Кацнельсон, С. Д. Категории языка и мышления: из научного наследия: сборник научных трудов. – Москва : Языки русской культуры, 2001. – 865 с. – ISBN: 5-94457-009-1 – Текст : непосредственный.

73. Кацнельсон, С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. – изд. 4-е. – Ленинград : URSS, 2009. – 218 с. – ISBN 978-5-397-00743-6 – Текст : непосредственный.

74. Книга о грамматике : материалы к курсу «Русский язык как иностранный» / Под ред. А. В. Величко. – Москва : Издательство Московского университета, 2009. – 648 с. – ISBN: 978-5-211-05465-3. – Текст : непосредственный.

75. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : КДУ, 2019. – 350 с. – ISBN 9785982278753. – Текст : непосредственный.

76. Копров, В. Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. – Воронеж : О. Ю. Алейников, 2010. – 328 с. – Текст : непосредственный.

77. Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций. – Москва : Гнозис, 2002. – 284 с. ISBN 5-94244-009-3. – Текст : непосредственный.

78. Колесов, В. В. «Жизнь происходит от слова...». – Санкт-Петербург : Златоуст, 1999. – 368 с. – Текст : непосредственный.

79. Кривоносов, А. Т. Система классов слов как отражение структуры языкового сознания. Философские основы теоретической грамматики / А. Т. Кривоносов. – Москва : ЧеРо, 2001. – 845 с. – ISBN: 588711183-6. – Текст : непосредственный.

80. Крюкова, М. Л. Особенности глагольного немотивированного управления в современном русском языке / М. Л. Крюкова ; под ред. О. А. Лаптевой. – Москва : Русский язык, 1979. – 120 с. – Текст : непосредственный.

81. Кубрякова, Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. Части речи с когнитивной точки зрения. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с. – ISBN 5-94457-174-8. – Текст : непосредственный.

82. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [и др.]. – Москва : МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – 400 с. – Текст : непосредственный.

83. Курдюмов, В. А. Курс китайского языка: теоретическая грамматика. – Москва : Вече, 2006. – 576 с. – ISBN 5-9564-0015-3. – Текст : непосредственный.

84. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. – Москва : Гнозис, 2011. – 512 с. – ISBN 5-94457-129-2. – Текст : непосредственный.

85. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникаций: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. – Москва : Языки славянской культуры, 2009. – 512 с. С. 973–979.

86. Леонтьев А. А. Общая методика обучения иностранным языкам : хрестоматия. – Москва : Русский язык, 1991 г. – 360 с. – ISBN: 5-200-01080-2. – Текст : непосредственный.

87. Люй, Ш. Очерк грамматики китайского языка. Т. 1. Слово и предложение. / Ш. Люй ; пер. с кит. И. М. Ошанина. – Москва : Издательство восточной литературы, 1961. – 266 с. – Текст : непосредственный.

88. Люй, Ш. Очерк грамматики китайского языка. Т. 2. Часть 1. Категории. – Москва : Наука, 1965. – 349 с. – Текст : непосредственный.

89. Люй, Ш. Очерк грамматики китайского языка. Т.2. Часть 2. Типы связи. – Москва : Наука, 1965. – 282 с. – Текст : непосредственный.

90. Матевосян, Л. Б. Стационарное предложение: от стандартного к оригинальному. – Москва : Институт языкознания РАН, 2005. – 184 с. – ISBN: 5- 8084-0604-8. – Текст : непосредственный.

91. Митрофанова, О. Д. Методика преподавания русского языка как иностранного / О. Д. Митрофанова, В. Г. Костомаров [и др.]. – Москва : Русский язык, 1990. – 270 с. – Текст : непосредственный.

92. Михайлова, О. Э. Обучение грамматике в языковом вузе / О. Э. Михайлова ; сост. А. А. Леонтьев // Общая методика обучения иностранным языкам : хрестоматия. – Москва : Русский язык, 1991. – 360 с. – Текст : непосредственный.

93. Метс, Н. А. Трудные аспекты русской грамматики для иностранцев. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : ИКАР, 2010. – 256 с. – ISBN: 978-5-7974-0228-2. – Текст : непосредственный.

94. Мещанинов, И. И. Члены предложения и части речи. – Москва : Издательство АН СССР, 1945. – 322 с. – Текст : непосредственный.

95. Мещанинов, И. И. Понятийные категории в языке / И. И. Мещанинов. – Текст : непосредственный // Труды Военного института иностранных языков. – 1945. – № 1. – С. 24–31.

96. Монахова, О. А. Терминологический минимум для иностранных студентов-нефилологов. – Хабаровск : Издательство ХГТУ, 2003. – 112 с. – ISBN 5-7389-0240-8. – Текст : непосредственный.

97. Монахова, О. А. Лингвистическая терминология родного и изучаемого языка: тождество, различие и сходство объема понятий как фактор, влияющий на усвоение иностранного языка / О. А. Монахова. – Текст : непосредственный // Язык – культура – коммуникация : сборник материалов КАПРЯЛ. – Ханчжоу (КНР) : Издательство Чжецзянского университета, 2007. – 415 с.

98. Морковкин, В. В. Словарь структурных слов русского языка / В. В. Морковкин, Н. М. Луцкая, Г. Ф. Богачёва [и др.]. – Москва : Лазурь, 1997. – 420 с. – Текст : непосредственный.

99. Мухин, А. М. Функциональный анализ синтаксических элементов (на материале древнеанглийского языка) : монография. – Москва : Наука, 1964. – 293 с. – Текст : непосредственный.

100. Насруддин, А. Опыт лингвометодического описания : специальность : 10.02.01 : дис. ... канд. филол. наук. / Насруддин Ариффи. – Москва : Институт русского языка им. А. С. Пушкина, 1985. – 200 с. – Текст : непосредственный.

101. Налимов, В. В. Реальность нереального. Вероятностная модель бессознательного / В. В. Налимов, Ж. А. Дрогалина. – Москва : Мир идей, 1995. – 432 с. – Текст : непосредственный.
102. Научная школа профессора З. Д. Поповой : монография / Науч. ред. : И. А. Стернин, М. А. Стернина. – Воронеж : Истоки, 2018. – 248 с. 978-5-4473-0190-3. – Текст : непосредственный.
103. Оглезнева, Е. А. Межязыковое взаимодействие в пространстве одного города (на материале города Хэйхэ. КНР) / под. ред. Е. А. Оглезневой ; Блохинская А. В., Гордеева С. В., Касимова Е. В., Оглезнева Е. А. Цзян И. – Текст : непосредственный // Языковая ситуация на Дальнем Востоке России и приграничной территории (на материале Приамурья и провинции Хэйлунцзян, Китай) – Благовещенск : Издательство АмГУ, 2014. С. 126–151.
104. Оглезнева, Е. А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине) : монография / Е. А. Оглезнева. – Благовещенск : Зея, 2009. – 352 с. – Библиогр. : с. 313. – ISBN 978-5-93493-122-4. – Текст : непосредственный.
105. Оглезнева, Е. А. Явление грамматической интерференции при русско-китайском двуязычии (на материале речи представителей Восточной ветви русского зарубежья) / Е. А. Оглезнева. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2008. – Вып. 2-II. – С. 279–286. – Библиогр.: с. 285–286 (11 назв.).
106. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва : Азъ, 1994. – 907 с.; ISBN 5-85632-007-7.
107. Панов, М. В. Позиционная морфология русского языка / Панов М. В. – Москва : Наука, Языки русской культуры, 1999. – 275 с.
108. Петровский, А. В. Общая психология / Петровский А. В., Ярошевский М. Г., Брушлинский А. В., Петровский В. А. ; под ред. А. В. Петровского. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Просвещение, 1976. – 479 с. – Текст : непосредственный.
109. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении. – 7-е изд. – Москва : Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1956. – С. 285–288. – Текст : непосредственный.
110. Плунгян, В. А. Общая морфология: введение в проблематику : учебное пособие. – 2-е изд., испр. – Москва : Едиториал УРСС, 2016. – 384 с. – ISBN 978-5-9710-2715-7. – Текст : непосредственный.
111. Потебня, А. А. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному / А. А. Потебня ; под ред. А. Н. Щукина // Мысль и язык. Избранные работы – Москва : Юрайт, 2023. – 238 с. — ISBN 978-5-9908253-9-0. – URL: <http://urait.ru/bcode/513995> (дата обращения: 17.03.2023) – Текст : электронный.
112. Портнов, А. Н. Язык и сознание: основные парадигмы исследования в философии XIX–XX вв. – Иваново : Ивановский государственный университет, 1994. – 367 с. – Текст : непосредственный.
113. Потебня, А. А. Мысль и язык. Избранные работы. – Москва : Юрайт, 2023. – 238 с. – ISBN 978-5-534-08604-1. – URL: <https://urait.ru/bcode/513995> (дата обращения: 06.07.2023) – Текст : электронный.

114. Программа по русскому языку как иностранному. I сертификационный уровень. Общее владение / Н. П. Андрюшина [и др]. – 3-е изд. – Санкт-Петербург : Златоуст, 2020. – 176 с. – ISBN 978-5-86547-654-2 21. – Текст : непосредственный.

115. Прохоров, Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. – Москва : URSS, 2017. – 224 с. ISBN 978-5-397-05544-4. – Текст : непосредственный.

116. Радченко, О. А. Язык как мирозидание: Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. – 3-е изд., стер. – Москва : URSS, 2022. – 310 с. – ISBN 978-5-9710-9357-2. – Текст : непосредственный.

117. Ревзина, О. Г. Функциональный подход к языку и категория определенности–неопределенности / Отв. ред. Т. М. Николаева ; О. Г. Ревзина. – Текст : непосредственный // Категория определенности–неопределенности в славянских и балканских языках. – Москва : Наука, 1979. – С. 64–90.

118. Рогозная, Н. Н. Лингвистический атлас нарушений в русской речи иностранцев. – Иркутск : Иркутская областная типография № 1, 2001. – 332 с. – Текст : непосредственный.

119. Рожкова, Г. И. К лингвистическим основам преподавания русского языка иностранцам. – Москва : Издательство Московского университета, 1977. – 144 с. – Текст : непосредственный.

120. Розенцвейг, В. Ю. О языковых контактах / В. Ю. Розенцвейг – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1963. – № 1

121. Розенцвейг, В. Ю. Работы по машинному переводу с иностранных языков на русский и с русского на иностранные в Советском Союзе / В. Ю. Розенцвейг – Текст : непосредственный // IV Международный съезд славистов. Доклады. – Москва, 1958. – 14 с.

122. Розенцвейг, В. Ю. Интерференция и грамматические категории / В. Ю. Розенцвейг, Л. М. Уман – Текст : непосредственный // Исследования по структурной типологии. – Москва, 1963.

123. Розенцвейг, В. Ю. К проблеме грамматической интерференции / В. Ю. Розенцвейг, Л. М. Уман – Текст : непосредственный // Проблемы структурной лингвистики. – Москва, 1962.

124. Рябушкина, С. В. О стилистически маркированном употреблении собирательных числительных / Гл. ред. Т. А. Гридина // Язык. Система. Личность: аспекты речетворчества : материалы Всероссийской конференции с международным участием (17–19 апреля 2014 г.). – Екатеринбург, 2014. – Вып. 2. – С. 156–164. – Текст : непосредственный.

125. Судзуки, Р. Русские атрибутивные конструкции со значением «параметрическая характеристика предмета» и функционирование в них компонентов предложного типа (в зеркале японского языка) : специальность : 10.02.01 : дис. ... канд. филол. наук / Судзуки Рина. – Москва, 2008. – 273 с. – Текст : непосредственный.

126. Семенас, А. Л. Лексика китайского языка. – Москва : Муравей, 2000. – 167 с. – Текст : непосредственный.

127. Солнцев, В. М. Введение в теорию изолирующих языков. – Москва : Восточная литература, 1995. – 352 с. – Текст : непосредственный.

128. Солнцев, В. М. Взаимодействие частей речи и членов предложения (на материале изолирующих языков) / В. М. Солнцев, Н. В. Солнцева. – Текст : непосредственный // Члены предложения в языках различных типов : Мещаниновские чтения. – Ленинград : Наука, 1972. – С. 78–87.

129. Тань, А. Китайская картина мира: язык, культура, ментальность. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 240 с. – ISBN 5-9551-0035-0. – Текст : непосредственный.

130. Тань, А. Проблемы скрытой грамматики: синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка) / А. Тань ; Московский государственный университет, Институт стран Азии и Африки. – Москва : Языки славянской культуры, 2002. – 899 с. – ISBN 5-94457-058-X. – Текст : непосредственный.

131. Тевелевич, А. М. Терминологические проблемы методики обучения иностранным языкам / А. М. Тевелевич. – Текст : непосредственный // Вестник Омского университета. – 2012. – № 3 (65). – С. 160–162. – Библиогр.: с. 162 (13 назв.).

132. Улман, Л. М. Проблема грамматической интерференции : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Улман Л. М. – Москва, 1964. – 26 с. – Текст : непосредственный.

133. Уорф, Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б. Л. Уорф. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва : Иностранная литература, 1960. – Вып. 1. – С. 135–168.

134. Уотс, А. Дао Путь воды. – Киев, 1996. – 290 с. – Текст : непосредственный.

135. Урысон, Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике / Е. В. Урысон ; Российская Академия наук ; Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – Москва : Языки славянской культуры, 2003. – 224 с. – ISBN 5-94457-123-3. – Текст : непосредственный.

136. Успенский, В. А. К понятию диатезы // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. – Ленинград : Наука, 1977. – С. 75–84. – Текст : непосредственный.

137. Успенский, М. Б. Лингводидактика / М. Б. Успенский ; под ред. В. В. Давыдова // Российская педагогическая энциклопедия : в 2 т. – Москва, 1999. – Т. 1. – 504 с. – Текст : непосредственный.

138. Хавронина, С. А. Инновационный учебно-методический комплекс Русский язык как иностранный : учебное пособие / С. А. Хавронина, Т. М. Бальхина. – Москва : РУДН, 2008. – 198 с. – Текст : непосредственный.

139. Холодович, А. А. Типология пассивных конструкций. Диатезы и залого / Отв. ред. А. А. Холодович. – Ленинград, 1974. – 380 с.

140. Храковский, В. С. Диатезы и залого / Отв. ред. В. С. Храковский // Структурно-типологические методы в синтаксисе разносистемных языков. – Ленинград, 1975. С. 505–519. – Текст : непосредственный.

141. Храковский, В. С. Теория языкознания ; Русистика ; Арабистика. – Санкт-Петербург : Наука, 1999. – 448 с. – ISBN 978-5-02028-396-1. – Текст : непосредственный.

142. Хрестоматия по методике преподавания русского языка как иностранного / Сост. : Л. В. Московкин, А. Н. Щукин. – Москва : Русский язык, 2020. – 552 с. – ISBN 978-5-88337-220-8. – Текст : непосредственный.

143. Ходера, Р. Методика обучения иностранным языкам или лингводидактика / Р. Ходера. – Текст : непосредственный // Иностранные языки в школе. – 1997. – № 5. – С. 11–12.

144. Цзян Ин. Межъязыковое взаимодействие в пространстве одного города (на материале города Хэйхэ, КНР) / Блохинская А. В., Гордеева С. В., Касимова Е. В., Оглезнева Е. А., Цзян Ин; под ред. Е. А. Оглезневой //

Языковая ситуация на Дальнем Востоке России и приграничной территории (на материале Приамурья и провинции Хэйлунцзян, Китай). – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2014. С. 126 – 152.

145. Цивьян, Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира / Цивьян Т. В. ; под ред. В. Н. Топорова. – Москва : Наука, 1990. – 207 с. – ISBN 5-02010991-6. – Текст : непосредственный.

146. Цзэн, Т. Функциональная грамматика применительно к методике преподавания русского языка как иностранного для китайских студентов / Т. Цзэн. – Текст : непосредственный // Успехи современной науки и образования. – 2016. – № 9, Т. 4. – С. 69–71. – Библиогр.: с. 71 (7 назв.).

147. Чабристова Е. В. Этнолингвистический аспект преподавания русского языка китайским студентам / Е. В. Чабристова. – Текст : электронный // Филологические науки. – 2012. – Вып. 9. – URL: http://www.rusnauka.com/29_NIOXXI_2012/Philologia/9_118629.doc.htm (дата обращения: 26.02.2017).

148. Чжао, Ю. Лингводидактические основы этноориентированного обучения русскому языку и тестирования (на примере китайских учащихся) : специальность 13.00.02 : дис. ... канд. пед. наук / Чжао Юйцзян. – Москва, 2008. – 297 с. – Текст : непосредственный.

149. Чжен, Г. Лингвокультурные отличия как основа обучения китайских студентов русскому языку / Г. Чжен. – Текст : электронный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – Вып. № 12-4 (54). – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnye-otlichiya-kak-osnova-obucheniya-kitayskih-studentov-russkomu-yazyku#ixzz4NELvDEWs> (дата обращения: 27.02.2017).

150. Шаклеин, В. М. Русская лингводидактика: история и современность : учебное пособие. – Москва : Флинта, 2011. – 240 с. – ISBN 978-5-89349-364-1. – Текст : непосредственный.

151. Шатилов, С. Ф. Некоторые вопросы сопоставления иностранного и родного языков в методических целях / С.Ф. Шатилов. – Текст : непосредственный. // Русский язык за рубежом. – 1985. – № 5. – С. 61–64.

152. Шатилов, С. Ф. Теоретические основы методики обучения грамматическому аспекту иноязычной речи / С. Ф. Шатилов ; сост. А. А. Леонтьев // Общая методика обучения иностранным языкам : хрестоматия. – Москва : Русский язык, 1991. – 360 с. – Текст : непосредственный.

153. Шмелев, А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. – Москва : Языки славянской культуры, 2002. – 496 с. – ISBN 5-94457-074-1. – Текст : непосредственный.

154. Шубина, О. Ю. Семантические и понятийные категории как основа для сопоставления различных языков / О. Ю. Шубина. – Текст : электронный // Вестник КРСУ. – 2003. – Т. 3. – № 1. С. 54–64.

155. Щерба, Л. В. Преподавание иностранных языков в средней школе: общие вопросы методики. – 2-е изд. – Москва : Высшая школа, 1974. – 112 с. – Текст : непосредственный.

156. Щукин, А. Н. Обучение иностранным языкам: теория и практика : учебное пособие для преподавателей и студентов. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Филоматис, 2008. – 480 с. – ISBN 5-204-00341-X. – Текст : непосредственный.

157. Юдина, Л. П. О роли родного языка при обучении русскому языку иностранцев // Из опыта преподавания русского языка иностранцам. – Москва : Издательство МГУ, 1964. – С. 6–20. – Текст : непосредственный.

158. Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – Москва : Гнозис, 1994. – 344 с. – Текст : непосредственный.

159. Янко, Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. – Москва : Языки славянской культуры, 2001. – 386 с. – ISBN 5-94457-026-1. – Текст : непосредственный.

160. Moon, T. Chinese Express. Tolk Chinese // T. Moon, W. Haitong. – Cinolingua, 2006. – 229 p. – Текст : непосредственный.

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ И ОБОЗНАЧЕНИЙ

АТР	– Азиатско-Тихоокеанский регион
АЧ	– актуальное членение предложения-высказывания
ВРД	– виды речевой деятельности
ВУЗ	– Высшее учебное заведение
ДС	– денотативная ситуация
ДР	– денотативная роль
ЕД.	– единичность
ИГ	– именная группа
ИК	– интонационная конструкция
ИЛГ	– именная локативная группа
ИТГ	– именная темпоральная группа
ЯКМ	– языковая картина мира
КЯ	– китайский язык
ЛИМИТ.	– лимитативность
ЛИС	– линейно-интонационная структура
ЛСВ	– лексико-семантический вариант
ЛСГ	– лексико-семантическая группа
МП	– модель предложения
НСВ	– несовершенный вид (глагола)
НЛМТ	– национальная лингвометодическая традиция
ОДН.	– однократность
Опр.	– определенность
Не Опр.	– неопределенность
ПВ	– предложение-высказывание
ПОВТ.	– повторяемость
ПРОТ.	– протяженность
ПС	– порядок слов
РЕЗ.	– результат
РКИ	– русский как иностранный
РЯ	– русский язык
с/с	– синтаксема
СВ	– совершенный вид (глагола)
ТЗ	– типовое значение (модели предложения)
ТС	– типовая ситуация
УМК	– учебно-методический комплекс
ФГК	– функционально-грамматическая категория
ФГП	– функционально-грамматическое поле

ФКЛДМЯ	– функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка
ФППМЯ	– фундаментальная прикладная педагогическая модель языка
ФСК	– функционально-семантическая категория
ФСП	– функционально-семантическое поле
ЧП	– члены предложения
ЧР	– часть речи
№ 1–6 (Noun)	– имя существительное в форме одного из падежей

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

Акимова Инга Игоревна,
кандидат филологических наук, доцент

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБУЧЕНИЯ
РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ
НОСИТЕЛЕЙ ТИПОЛОГИЧЕСКИ ИНЫХ ЯЗЫКОВ**

Монография

Редактор Артамонов Р. Е.
Компьютерная верстка Артамонов Р. Е.
Дизайн обложки Шеряй А. Н.

ISBN 978-5-91837-758-1

EDN VGNLTL

Подписано в печать 12.10.2023 Формат 60×84/16.
Печать цифровая. Объем 11 п. л. Тираж 50 экз. Заказ № 46/23

Отпечатано в Санкт-Петербургском университете МВД России
198206, СПб., ул. Летчика Пилютова, д. 1